

Н. Н. ЗАПОЛЬСКАЯ

«ОБЩИЙ» СЛАВЯНСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК:
ТИПОЛОГИЯ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ
РЕФЛЕКСИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Н. Н. ЗАПОЛЬСКАЯ

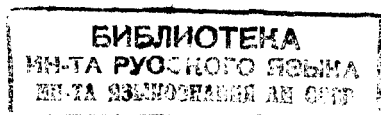

«ОБЩИЙ» СЛАВЯНСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК:
ТИПОЛОГИЯ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ
РЕФЛЕКСИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»
МОСКВА 2003

УДК 811.16
ББК 81.2
3 33

90908

Ответственный редактор
доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН *Т. М. Николаева*

Рецензенты

доктор филологических наук, профессор

Е. С. Яковлева

доктор филологических наук, профессор

М. В. Шульга

Запольская Н. Н.

«Общий» славянский литературный язык: типология лингвистической рефлексии. — М.: «Индрик», 2003. — 240 с.
ISBN 5-85759-242-9

Монография посвящена исследованию представлений об «общем» славянском литературном языке в конфессиональной и секулярной культуре. Основное внимание в книге уделено анализу лингвистической рефлексии Юрия Крижанича (XVII в.) и Матии Маяра (XIX в.), являвшихся знаковыми фигурами исторических эпох, актуализировавших идею «общего» славянского литературного языка.

ISBN 5-85759-242-9

- © Институт славяноведения РАН, 2003
- © Н. Н. Запольская. Текст, 2003
- © Издательство «Индрик».
- Оформление, 2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	9
ГЛАВА 1	
Типология славянской лингвистической рефлексии.....	13
§1. Славянская лингвистическая рефлексия в конфессиональной культуре: реализация типологической модели.....	13
§2. Славянская лингвистическая рефлексия в секулярной культуре: реализация типологической модели	31
ГЛАВА 2	
«Общий» славянский литературный язык в конфессиональной культуре (Slavia Orthodoxa): проблема правильности языка.....	45
§1. Грамматики XVII–XVIII вв. («Грамматіки Славѣнскіа правилноє Сѣнтагма» Мелетія Смотрицкого 1619 г. < «Грамматика» 1648 г., «Грамматіка» 1721 г.): кодексы норм <i>правильного</i> литературного языка.....	45
§2. Книжная справа XVII–XVIII вв. (Острожская Библия 1580 г. < Библия 1663 г. < Новый Завет 1673 г., Библия 1713–1720 г. // Библия Ф. Скорины 1517–1519 гг., Псалтырь А. Фирсова 1683 г.): библейские тексты на <i>правильном // понятном</i> литературном языке	68

ГЛАВА 3

«Общий» славянский литературный язык
в конфессиональной культуре (Slavia Latina):
проблема правильности и понятности языка 97

§1. «Грама̀тично изказа̀нје ов рѹском језику» Юрия Крижанича
1666 г.: кодекс норм *правильного* и *понятного* литературного
языка, сравнительная характеристика славянских языков 97

§2. Книжная справа Юрия Крижанича: библейские тексты
на *правильном* и *понятном* литературном языке 139

ГЛАВА 4

«Общий» славянский литературный язык
в секулярной культуре: проблема понятности языка 149

§1. «Узајемни правопис славјански то је: Uzajemna Slovnica ali
mluvnica Slavjanska» Матии Маяра 1865 г.: модель нового
«общего» *понятного* славянского литературного языка,
сравнительная характеристика славянских языков 149

§2. Книжная справа XVIII–XX вв.: тексты на «своем» *понятном*
литературном языке 159

ГЛАВА 5

Славянская лингвистическая рефлексия: культурно-языковое
реплицирование во времени и пространстве 183

§ 1. Грамматики и книжная справа в конфессиональной культуре:
культурно-языковые реплики в пространстве культуры 183

§ 2. Грамматики и книжная справа в секулярной культуре:
культурно-языковые реплики во времени культуры 213

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 220

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИСТОЧНИКИ 227

ЛИТЕРАТУРА 229

Памяти моих родителей

ВВЕДЕНИЕ

Традиционно концепции «общего» славянского литературного языка рассматриваются в рамках двух разделов языкознания — истории славянских литературных языков и интерлингвистики. В истории славянских литературных языков основное внимание уделяется изучению церковнославянского языка как изначально «общего» литургического и литературного языка славян, получившего разную судьбу в культурно-языковых пространствах *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina*, а также изучению национальных славянских литературных языков; исследования моделей «общего» славянского литературного языка, призванного стать основой нового языкового объединения славян, занимают периферийное положение. В интерлингвистике попытки создания нового «общего» славянского литературного языка предстают как проекты искусственных апостериорных языков, противопоставленные проектам априорных языков, что определяет оппозицию эмпирического и логического направлений лингвопроектирования. Несмотря на «удвоенное» внимание, изучение опытов «общего» славянского литературного языка сводится к атомарному анализу элементов тех языков, в рамках которых мыслился тот или иной вариант нового «общего» литературного языка славян (см. работы, представляющие «русский» язык Юрия Крижанича как новый искусственно созданный «общий» славянский литературный язык, вобравший в себя церковнославянские, русские и хорватские элементы: Маркевич 1876, Первольф 1874, Badalić 1958, Golub 1986, Мечковская 1974, 2001, Дуличенко 1995, 2002).

В рамках *типологии лингвистической рефлексии*, понимаемой как «упорядоченное отображение языкового материала» [Гаспаров 1996, 44] возможно и необходимо провести интегративный анализ, позволяющий рассмотреть в одном научном контексте представ-

ления о новом «общем» славянском литературном языке, представления о церковнославянском языке как традиционном «общем» славянском литературном языке и представления о национальных славянских литературных языках. Исследование лингвистической рефлексии как реализации универсального стремления человека придать литературно-языковому опыту упорядоченный и рациональный характер, скоординировать свой личный литературно-языковой опыт с опытом других людей включается в современную научную парадигму, доминантой которой является антропоцентризм.

Типологический подход к лингвистической рефлексии определил постановку исследовательских задач, образующих своеобразную проблематизированную иерархию:

1. построение типологической модели лингвистической рефлексии,

2. установление языковых зон, манифестирующих разные типы лингвистической рефлексии,

3. рассмотрение представлений о традиционном и новом «общем» славянском литературном языке как разных типов лингвистической рефлексии, реализованных в пространстве и во времени культуры:

а) в разных пространствах конфессиональной культуры – Slavia Orthodoxa, Slavia Latina, «пограничье»,

б) в разном времени культуры – в конфессиональной и секулярной культуре,

4. выделение языковых параметров, репрезентирующих рефлексии над традиционным и новым «общим» славянским литературным языком, определение на этом основании механизмов «порождения» и структурно-функционального статуса «русского» языка Юрия Крижанича и «взаимославянского» языка Матии Маяра,

5. рассмотрение динамики лингвистической рефлексии в рамках процесса культурно-языкового реплицирования.

Материалом для исследования послужили грамматические трактаты и подвергшиеся книжной справе библейские тексты XVII–XIX веков, отразившие лингвистическую рефлексии разных типов. Основное внимание в работе уделено анализу лингвистической рефлексии Юрия Крижанича (XVII в.) и Матии Маяра (XIX в.), являвшихся знаковыми фигурами исторических эпох, актуализировавших идею

«общего» славянского литературного языка. Соответственно, основными источниками стали грамматические трактаты – «Грама̀тично изказа̀нје ов рѣскомъ језику» (1666 г.) Крижанича и «Узае́мна Slovnica ali Mluvnica Slavjanska» (1865 г.) Маяра. В роли сопутствующих источников выступили авторитетные метатексты и тексты: «Грама̀тики Славѣнскии правилое Сѹнѹгагма» Мелетия Смотрицкого 1619 г., «Грама̀тика» 1648 г., «Грама̀тика» 1721 г., Библия Франциска Скорины 1517–1519 гг., Острожская Библия 1580 г., Библия 1663 г., Новый Завет Епифания Славинецкого 1673 г., Псалтырь Авраамия Фирсова 1683 г., Библия 1713–1720 гг., Псалтырь В. А. Жуковского 40-х годов XIX века.

Проведение типологического исследования рефлексии над «общим» славянским литературным языком подтверждает мысль о том, что не новые факты, а «обновленная проблематизация» приводит к тому, что *«хорошо изученное явление... представлявшееся частным и второстепенным имеет принципиальное значение для науки»* [Бахтин 1993, 123].

Типология славянской лингвистической рефлексии

§1. Славянская лингвистическая рефлексия в конфессиональной культуре: реализация типологической модели

Тип культуры задает тип словесной культуры, который может быть описан через систему иерархически организованных типологических характеристик: тип императивных текстов (авторитетные тексты // авторские тексты), тип книжно-языковой деятельности (репродуцирование // продуцирование), тип литературного языка (структурный тип: язык, противопоставленный разговорной речи // язык, ориентированный на разговорную речь, функциональный тип: язык с доминирующей функцией // полифункциональный язык), тип освоения литературного языка (мнемонический // операциональный). Рефлексия над литературным языком также может быть рассмотрена в типологическом аспекте и введена в типологическую модель словесной культуры. Типы лингвистической рефлексии следует различать в зависимости от предмета рефлексии и доминирующей идеи, в зависимости от цели рефлексии:

структурный тип (рефлексия над нормами языка): *формальный тип* (идея *правильности* языка) / *семантический тип* (идея *понятности* языка),

функциональный тип (рефлексия над сферами распространения языка): *дивергентный тип* (идея «*своего*» языка) / *конвергентный тип* (идея «*общего*» языка),

телеологический тип (цель рефлексии): *корректирующий тип* (идея «*исправления*» языка) / *креативный тип* (идея «*создания*» языка).

Данные теоретические положения могут быть верифицированы на славянском материале.

Христианская культура была основана на Библии, т. е. на императивных авторитетных текстах, возникших как результат человеческого опыта Бога, как результат «общения» Бога с людьми, способными свидетельствовать об истинности Слова Бога. Принципиально авторитетный характер императивных текстов определил принципиальную репродуктивность книжно-языковой деятельности, заключавшейся в передаче во времени и пространстве изначально заданного, неизменного Слова, изреченного Богом и истолкованного избранными людьми. Освоение библейских текстов носило мнемонический характер и происходило в процессе литургической практики, позволявшей всем верующим предстоять Слову Бога и стремиться созидать жизнь по Слову Бога. Соответственно, императивными языками христианской культуры являлись языки Библии, доминирующей функцией которых была литургическая функция. Литургический опыт обусловил «христианизацию» языка [Топоров 1995, 429], т. е. наложение на буквальные смыслы смыслов сакральных, что позволило сопоставлять изреченное Слово Бога и сочиненное слово человека, пытавшегося рассмотреть свою повседневную жизнь в библейском контексте. В свою очередь, «христианизированный» язык становился способом познания и богодухновенной истины, и причинно-следственных отношений тварного мира. Регулятивное положение языка в структуре познания мотивировало рефлексивную, актуализировавшую идею *правильности* сакральных языков, которая поддерживалась книжной справой императивных текстов и экзегетическими метатекстами – грамматиками и словарями, определившими синтетический и аналитический способы языковой кодификации.

Одним из сакральных языков стал *церковнославянский* (старославянский) язык, созданный Кириллом и Мефодием в IX веке как язык славянского богослужения, который определил единое славянское культурно-языковое пространство: «Самым значительным культурным фактором, объединившим на время все славянство, было создание славянского литературного языка и принятие всеми славянами христианства с богослужением на славянском языке... Мало-помалу язык становится не только церковным, но и литературным языком всего славянского мира: в конце X и в XI веке на нем пишут, читают, проповедают и служат и в Новгороде,

и в Киеве, в Преславе, и в Охриде, и в Велеграде, и на Сазаве. Произведения на этом языке, возникшие на юге славянства, переписываются и читаются и в Чехии, и на Руси, равно как и написанные в Чехии – и на Руси, и на Балканах» [Дурново 2000, 637]. Функционирование «общего» славянского литературного языка было возможно в силу того, что языковые расхождения в славянском мире были незначительными, и славяне осознавали себя говорящими на одном и том же языке: «Единство литературного языка само по себе еще не свидетельствует о единстве языка живого, но во всяком случае распространение старославянского (церковнославянского) литературного языка во всем славянском мире при неблагоприятной политической ситуации легче всего находит себе объяснение в общепонятности этого языка и в единстве славянского живого языка» [Дурново 2000, 637]. Появление вместе с «общим» славянским литургическим и литературным языком «третьего культурного макроареала в Европе», соседствовавшего «с романо-германским ареалом, где господствовала латынь» и «греко-византийским ареалом, где абсолютно преобладал греческий язык», задало точку отсчета истории славянского самосознания, представлявшего собой «иерархию признаков», в которой «главенствующим оказывался признак христианства, а затем шел признак общеплеменной – славянства» [Толстой 1998, 33, 47]. В свою очередь, особенность славянского самосознания, сочетавшего признаки «христианства» и «славянства», определила направления рефлексии над «общим» славянским литературным языком как знаком конфессионального или этнического славянского единства.

Исходными доминантами славянской лингвистической рефлексии стали идеи *понятности* и *правильности* языка, поскольку цель перевода богослужения на славянский язык заключалась, с одной стороны, в достижении *понятности* Слова Бога для новообращенной паствы («Словѣньскѣ народѣ, Слышитѣ слово, отъ Бога во приидѣ» [проглас св. Кирилла к Четвероевангелию, цит. по: Якобсон 1987, 48]), а с другой стороны, в достижении *правильности*, присущей культурно доминирующему греческому языку.

Последовавший в XI веке разрыв единого славянского культурно-языкового пространства, приведший к образованию автономных культурно-языковых пространств – *Slavia Orthodoxa* и *Slavia*

Latina, мотивировал разницу в предметах и ценностных акцентах явленной в этих славянских ареалах лингвистической рефлексии.

В культурно-языковом пространстве Slavia Orthodoxa единственным литургическим и литературным языком оставался *церковно-славянский*, который воспринимался в зависимости от культурно-языковой ситуации, актуализировавшей либо установку на духовный универсализм, либо установку на духовный изоляционизм, как «общий» *литургический и литературный язык православного славянства*, либо как «свой» *литургический и литературный язык* в рамках локальной православной традиции (русской, болгарской, сербской).

В культурно-языковом пространстве Slavia Latina основным литургическим и литературным языком стала латынь, а *церковно-славянский язык*, т.е. изначально *понятный «общий» славянский литургический и литературный язык*, последовательно использовался лишь хорватами-глаголяшами. Несмотря на весьма ограниченное распространение, богослужение на церковнославянском языке свидетельствовало об определенной церковной политике в славянских землях латинской ориентации: в 1248 г. папа Иннокентий IV даровал право епископу Сеня Филиппу совершать славянскую литургию, в 1344 г. Карл IV призвал хорватских монахов в пражский Эммаусский монастырь для возобновления там славянского богослужения, а в XV веке славянскую мессу служили в Кракове (Пиккио 1995, 164). Именно литургический язык хорватов-глаголяшей мотивировал традицию использования языковой близости славян как средства достижения церковного единства: так, еще Карл IV в 1355 г., ссылаясь на «сопричастность одному и тому же славному наречию славянскому» пытался склонить сербского короля Душана Сильного на сторону унии церковей [Якобсон 1987, 57, 63]. С XV века в связи с ростом национального самосознания, секуляризацией просвещения и распространением реформаторского движения в «латинском» мире стали возникать как оппозиция латыни «простые» литературные языки, в том числе «простые» *славянские литературные языки* – чешский, польский, хорватский, ориентированные в той или иной степени на разговорный субстрат, что мотивировало их *понятность* для людей «простых», «непросвещенных».

Наряду с конфессионально разделенными пространствами *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina* в конце XIII века возникло славянское пространство конфессионального «пограничья»: Юго-Западная Русь, вошедшая сначала в состав Великого княжества Литовского, а затем Речи Посполитой, реализовала традиции и новации православия, католицизма и протестантизма. Славянским языковым выражением духовного «пограничья» явился сложившийся к XVI веку параллелизм функциональных литературно-языковых оппозиций: оппозиция латынь // польский язык обусловила оппозицию *церковнославянский язык* // «*проста мова*» [Успенский 2002, 392].

Лингвистическая рефлексия, явленная во всех культурно-языковых пространствах Славии, подчинялась в XV–XVII веках гуманистической филологической традиции, согласно которой формально-семантическое «достоинство» языка (*dignitas*) связывалось с его филологической «обработанностью», а функциональная ценность — с позицией в функционально-генетической иерархии языков [Живов 1993]. В зависимости от конкретной культурно-языковой ситуации «грамматическое искусство» либо распространялось на *церковнославянский язык* для поддержания его исходной *правильности*, либо переносилось с «классических» языков на «простые» славянские литературные языки с целью установления их *правильности*. Результаты филологической работы фиксировались в императивных текстах, подвергшихся книжной справе, и в грамматиках, представлявших собой своеобразные конкурирующие проекты исчерпывающего упорядочивания.

Особого напряжения славянская лингвистическая рефлексия достигла в XVII веке, содержанием которого стал *духовный универсализм*, имевший разное смысловое наполнение и разную лингвистическую реализацию в разных славянских культурно-языковых пространствах.

В культурно-языковом «пограничье», в сложных поликонфессиональных условиях, духовной задачей ревнителей православия было сохранение традиций *православного греко-славянского универсализма*, официально закрепленного фактом юрисдикции константинопольского патриарха. Необходимость защиты православной веры и церковнославянского языка как «общего» *литургического и литературного языка православных славян*, а также необходимость духов-

ного просвещения и готовности к полемике определила необходимость издания *правильных* библейских и богослужебных книг. Установка на греко-славянское духовное единение мотивировала книжную справу, основным принципом которой было следование библейских и богослужебных книг греческим образцам как источникам *правильности* на уровне текста и на уровне языка. Систематическая книжная справа в Юго-Западной Руси началась трудами князя Константина Острожского и его сподвижников — ученых греков Дионисия Палеолога-Ралли, тырновского митрополита, Евстафия Нафанаила и Феофана Эммануила Мосхопула, ректора Острожской коллегии Герасима Смотрицкого, Василия Суражского и московского печатника Ивана Федорова, которые издали полную славянскую Библию (1580 г.). В основу Острожской Библии был положен список Геннадиевской Библии (1499 г.), который исправлялся по греческим изданиям, вероятно, по Альдинской Библии 1518 г. [Алексеев 1999, 211–212]. Поскольку при подготовке Острожской Библии не была проведена последовательная правка, к тому же не было критического отношения к источникам, епископ львовский Гедеон Балабан замыслил издать исправленную Библию, для чего обратился с просьбой к александрийскому патриарху Мелетию Пигасу прислать греческую Библию, которая «чиста ѿ вѣдѣвъ». Однако результатом издательской деятельности стрятинской типографии явились лишь авторитетные богослужебные книги: так, Служебник 1604 г. и Требник 1606 г. содержали предисловия, в которых указывалось, что книги «прилѣжно изслѣдованы и исправлены по древнимъ зводомъ и греческимъ послѣдованіямъ» [Титов 1918, 58]. Впоследствии стрятинская типография стала основой типографии Киево-Печерской Лавры, в которой был издан корпус богослужебных книг, ориентированных на греческие новопечатные издания, о чем свидетельствуют предисловия к этим книгам: Постную Триодь 1627 г. сверил с «съ греческимъ зводомъ» Памва Берында, Служебник 1629 г. был исправлен Тарасием Земкой «ѿ еллинскаго зводѣ истиннаго», Цветная Триодь 1631 г. также была сверена Тарасием Земкой по греческим источникам, потому что «поемъ, якоже греци оупотребляють», Требник 1646 г. исправил Петр Могила по греческим евологиям [Титов 1918]. Защищая церковнославянский язык как

знак православной веры, книжники при проведении языковой sprawy руководствовались идеей формально-семантического подобия церковнославянского языка греческому: «Мает вовѣмъ языкъ Славенскій таковъю в' собѣ силу и зацность, же языку Грецкому яковы природне съгласуетъ, и властности его съчиняется: и в' перекладъ свой примичне, и нѣяко природне онъ беретъ и пріймуетъ, в' подобнымъ спадки склоненій и съчиненія падаючи... назвезытѣйшее сложное Грецкое слово подобнымъ такъже звязнымъ, и сложнымъ по Славенску выложити есть можно» [Титов 1918, 74–75].

Опыт синтетической кодификации церковнославянского языка, явленный в процессе книжной sprawy, соотносился с опытом аналитической кодификации, представленным в церковнославянских грамматиках, среди которых первенствовала грамматика Мелетия Смотрицкого («Грамматіки Славенскіа правилое Бвнѣтагма», 1619 г.), демонстрировавшая *правильность* церковнославянского языка «по подобию» правильности греческого языка.

Последовательная синтетическая и аналитическая филологическая работа над церковнославянским языком была защитой от проникновения в библейские тексты «простого» «русского» языка («простой мовы»). Первый опыт литературного языка, противопоставленного церковнославянскому языку, был явлен в начале XVI века вне пределов Великого княжества Литовского: между 6.8.1517 г. и 15.12.1519 г. «у старом месте Празском» была издана «Библиа руска» Франциска Скорины. Только начиная с 50-х годов XVI века библейские тексты на новом литературном языке, определяемом самими книжниками как «русский язык» («руская реч, мова»), стали появляться в украинских и белорусских землях: Пересопницкое евангелие 1556–1560 гг. («мова руская»), Житомирское евангелие 1571 г., Евангелие В. Негалевского 1581 г. («реч руская»), Летковское евангелие 1595 г., Евангелие В. Тяпинского 1570 г. («власный езикъ роускии»). Функциональный статус «русского» языка определяли сами книжники, декларируя в предисловиях и послесловиях релевантную для «простых» языков установку на *понятность*. Так, основной причиной, побудившей Скорину перевести Библию на «русский язык», являлась достигаемая этим понятность библейских текстов: «всакии человек простын и посполныи чтучи их или слухаючи можетъ поразумети что есть потребно

кдүшному спасенію его». Равным образом, переводчик Пересопницкого евангелия перевел «изъ языка вѣдгарскаго на мову рускую ... для лепшого вырозумленя людоу хрѣтіанского посполитого». В. Тяпинский представил евангельский текст на двух языках — церковнославянском и «власном езике руском ... для лепшого разуму». В. Негалевский перевел евангелие на «реч рускую» для тех, «которые писма полского читати не умеют, а языка словенского, читачи писмом рускимъ, выкладу з словъ его не розумеют» [см. подробно: Толстой 1998, 114–132, Успенский 2002, 388–404]. Таким образом, переводчики, принадлежавшие разным конфессиям, мыслили «рускии язык» как равнофункциональный новоевропейским литературным языкам, прежде всего чешскому и польскому, т. е. как «простой» язык, что мотивировало применение к данному языку терминологической модели «проста мова». Появление самой терминологической модели «проста мова» обычно связывают с наименованием языка, данным Г. Ходкевичем, замыслившим сначала издать Учительное евангелие не на церковнославянском языке, а «преложити на простую мову... вырозумѣнія ради простых людей». Думается, что распространению данной терминологической модели способствовало «текстуальное соседство» названия языка и названия адресата текста на этом языке [Запольская 2002a].

Ограниченное проникновение «простого» «русского» языка в сферу православного церковного богослужения было мотивировано сугубо просветительскими задачами и строго регламентировано. Так, в послесловии к Постной Триоди 1627 г. специально обосновывалась возможность перевода отдельных частей текста на «росси́нскую бесѣду общюю» в целях достижения понятности.

Юго-Западная Русь как культурно-языковое «пограничье» была актуальна и для реализации разрабатываемой Римом идеи *христианского универсализма*, выразившейся в Брестской унии 1596 г. Следствием заключения унии явилось усиление рефлексии над церковнославянским языком, поскольку он функционировал как литургический язык не только православных, но и униатов. Идея единства языка как основы возвращения к духовному единству была официально сформулирована в обращении польского короля к папе римскому перед заключением Брестской унии: «... если Литовская Русь соединится с апостольским престолом, это легко мо-

жет привести к унии с ним и Великое княжество Московское, в котором миллионы душ заражены греческой схизмой, потому что в богослужении москвитяне употребляют один язык с русскими, да и разговорный язык обеих этих народностей представляет различия только диалектические или в произношении слов» [Карташев 1959, 656].

Таким образом, культурно-языковое «пограничье» задавало разные направления лингвистической рефлексии, актуальные и для пространства *Slavia Orthodoxa*, и для пространства *Slavia Latina*.

Московская Русь в XVI–XVII веках являлась центром культурно-языкового пространства *Slavia Orthodoxa*, сохранившим «чистоту» веры и устойчивое бытование церковнославянского языка как «общего» *литургического и литературного языка православного славянства*. Ученая деятельность по исправлению церковных книг, основанная на соединении богословского ведения и грамматического знания, стала привычной для Московской Руси с XVI века в результате книжной sprawy, проведенной Максимом Греком. Официальный статус книжной sprawy в Московской Руси определило постановление Стоглавого собора 1551 г., которое вменяло в обязанность собраниям духовенства наблюдение за *правильностью* церковных книг [Стоглав 1863, 95–96]. Усилившийся в связи с развитием книгопечатания институт книжной sprawy предполагал установление целей и принципов исправления, тщательный выбор источников и сферы исправлений, посредством чего и реализовалось понимание *правильности* текста и языка. В XVII веке в Московской Руси книжная справа представляла собой последовательное движение от воспроизведения «своей» славянской традиции до буквального следования греческим образцам, что было обусловлено движением от концепции духовного изоляционизма к концепции духовного универсализма [Запольская 2000, 2000a].

Так, на первом этапе книжной sprawy, начавшемся на московском Печатном дворе после Смутного времени при активной поддержке патриарха Филарета (1619–1634 гг.) и продолжавшемся при патриархе Иосафе I (1634–1640 гг.), внимание справщиков было сосредоточено на богослужебных книгах, поскольку требовалось «во единогогласіє потребы и чины церковнаго священноначалія» привести [Воскресенский 1882, 14]. При этом понимание пра-

вильности текста и языка богослужебных книг было мотивировано концепцией духовного изоляционизма и связывалось со «своей» русской традицией как сохранившей исконную «чистоту» греческой традиции. Соответственно, в качестве правильных источников рассматривались русские рукописи, которые противопоставлялись новым греческим изданиям и исправленным по ним юго-западнорусским книгам: требовалось «книги харатейныя добрыхъ переводовъ древнихъ собрати ... и Ѡ тѣхъ древнихъ божественныхъ писаніи стихословіе исправляти, яже неисправленіемъ отъ преписующихъ и многолѣтныхъ обычаевъ погрѣшена быша» [Воскресенский 1882, 14]. Ориентация на новопечатные греческие источники, отражавшие иную, чем в Москве, церковную практику, была и идеологически неприемлема для московских книжников, поскольку принятие Флорентийской унии привело к «искажению» греческого благочиния и к тому, что греки «ныне живѹт в теснотахъ великихъ между невѣрными... и для того вводятъ иныя вѣры в переводы греческаго языка... намъ такихъ новыхъ переводовъ греческаго языка не надобны...» [Прение... 1859, 87]. Соответственно, неприемлемы были и юго-западнорусские богослужебные книги, соотнесенные с новопечатными греческими книгами, недоверие усиливалось и тем, что киевская митрополия допустила принятие Брестской унии, что еще более «искажило» благочиние. Отношение к юго-западнорусским богослужебным книгам в Московской Руси нашло отражение в указе 1627 г. о «царском наказании» и «патриаршем проклятии» для тех, кто будет покупать «литовские» книги. В соответствии с принятыми установками в Москве был издан весь цикл богослужебных книг, при этом наиболее тщательному исправлению подверглись *Требник 1624 г.* и *Служебник 1627 г.* Проводя фрагментарную языковую правку, т. е. исправляя «описи въ точкахъ и въ запятыхъ, и въ наконченіяхъ», московские книжники — Арсений Глухой, Антоний Крылов, Иван Наседка, Григорий Онисимов — подтверждали свою компетентность знакомством с книжными исправлениями Максима Грека и знанием грамматического трактата «*О ѡсмнѣхъ частѣхъ слова*», что позволяло им «осмысленъ словъ разумѣти и къ симъ пристоящая, сирѣчь роды и числа, и времена и лица, званія же и залогн...» [Николаевский 1890–1891, 443].

Начавшаяся в 40-х годах XVII века реставрация концепции греко-славянского православного универсализма определила новый этап книжной sprawy в Московской Руси, реализовавшийся при патриархе Иосифе (1642–1652 гг.). Осмысление Московского государства как центра истинной православной духовности актуализировало необходимость усиления контроля за «чистотой» веры и систематизации духовного образования. Полемические и просветительские задачи мотивировали необходимость издания в Московской Руси полной Библии как «первейшего источника всего богословия». Целью библейской sprawy должен был стать поиск «согласия» между славянской и греческой традициями, при этом посредником могла стать юго-западнорусская книжность, а участниками книжной sprawy — юго-западнорусские книжники. Так, в 1649 г. царь Алексей Михайлович обратился к киевскому митрополиту Сильвестру Коссову с просьбой прислать ученых книжников, которые «*божественнаго писанія ведущи и еллинскому языку навичны*» (такowymi оказались Арсений Сатановский и Епифаний Славинецкий) для учительной и книжной деятельности, прежде всего «*для справки Бивлин*» с греческого на церковнославянский язык. Одним из источников книжной sprawy могла стать Острожская Библия, тексты которой московские книжники использовали в просветительских и полемических целях. Понимание необходимости последовательной языковой нормализации обусловило в 1648 г. издание в Московской Руси авторитетной юго-западнорусской грамматики Мелетия Смотрицкого (*Грамматика*, 1648), представлявшей, в отличие от трактата «*О ѡсмихъ частѣхъ слова*», развернутую аналитическую кодификацию церковнославянского языка. Языковые исправления, внесенные в грамматику Мелетия Смотрицкого московскими справщиками Иваном Наседкой и Михаилом Роговым, отражали опыт московской книжной sprawy, а метаязыковые исправления вводили грамматику в устойчивую православную метаязыковую традицию: московские книжники заменили авторское предисловие Мелетия Смотрицкого, написанное на «простой мове», предисловием, представлявшим собой «цитатное поле», освященное именами Афанасия Великого, Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Златоуста, Максима Грека. Особое внимание московские книжники обратили на замечания

Максима Грека о необходимости книжного исправления: книги «растѣшася, бѣво Ѹбо ѿ преписоꙋющихъ ихъ ненаѸченыхъ соꙋщихъ ѿ не ѿскоꙋсныхъ в разꙋмѣ ѿ хитрости грамматикѣйствѣй, бѣвоже ѿ ѿ самѣхъ исперва сотворшихъ книжныи преводъ, приснопамятныхъ мѸжей» [Смотрицкий 1648, 23 об.]. Таким образом, посредничество юго-западнорусской книжности создало предварительные условия для усвоения в Московской Руси представлений о правильности текста и языка как об ориентации на греческие образцы.

Развитием этих представлений явился третий этап книжной sprawy, начавшийся при патриархе Никоне (1652–1658 г.). Доминирование идеи «восприятия» на русского царя и русскую церковь византийского теократического наследия требовало единого греко-славянского обрядового пространства. Унификация обрядов по греческому образцу радикально изменяла представления о правильности русских богослужебных книг: на Соборе 1654 г. было принято решение «достонно и праведно исправити противо старыхъ и греческихъ» книг [Сиромаха 1981]. Возможность грекоориентированной книжной sprawy обеспечивалась формированием греческой библиотеки, собранной из греческих рукописей и печатных книг, привезенных Арсением Сухановым с Афона и подаренных восточными патриархами. Новые задачи книжной sprawy определили изменения и в составе участников книжной sprawy: к справе были допущены греческие книжники — сначала Арсений Грек (с 1654 г.), а затем Дионисий Грек (с 1663 г.); координировал справу юго-западнорусский богослов и переводчик Елифаний Славинецкий, активное участие в справе принимали сведущие в «еллиногреческом» языке московские книжники — Евфимий Чудовский, Никифор Симеонов, Иосиф Белый. Декларированная книжная справа по греческим источникам осуществлялась либо посредством выбора греческого образца, либо посредством выбора юго-западнорусского текста, исправленного по греческому образцу. Так, Требник 1656 г. явился результатом переводческой деятельности Арсения Грека, а Требник 1658 г. представлял собой результат редакторской деятельности московских справщиков Евфимия Чудовского, Захария Афанасьева и Иосифа Белого, которые ориентировались на киевский Требник 1646 г., лишь иногда сверяя его с греческим изданием (корректировочные экземпляры — РГАДА, ф. 1251,

№ 978/2, РГАДА, ф. 381, № 1803, ГИМ, Син., № 308). Основными ориентирами исправлений богослужебных текстов, своеобразными посредниками, явились именно правленные по греческим образцам юго-западнорусские издания, о чем свидетельствуют корректурные экземпляры изданных в Москве книг [Сиромаха 1981]: корректурный экземпляр Служебника 1655 г. представлял собой стрягинский Служебник 1604 г. (РГАДА, ф. 1251, № 852/2), в основу Постной Триоди 1656 г. были положены киевские Триоди 1627 г. и 1648 г. (РГАДА, ф. 1251, № 1025/2), корректурной книгой Цветной Триоди 1660 г. была киевская Триодь 1631 г. (ГИМ, Син., № 323). По пути ориентации на юго-западнорусские источники пошла и библейская справа: при издании Библии 1663 г. была использована Острожская Библия (РГАДА, ф. 1251, № 149). При необходимости в сложных случаях осуществлялась непосредственная сверка с греческим текстом, подтверждаемая пометами писцов: например, в корректурном экземпляре Требника 1658 г. — «посмотреть в греческом» л. 214, «со греческого» л. 4 [Сиромаха, Успенский 1987, 80, 82].

Некритическое использование в качестве источников новопечатных греческих книг и сверенных с ними юго-западнорусских изданий, а также участие в справе греков, прежде всего осужденного ранее за «еретичество» Арсения Грека, вызывало протест старообрядцев: «печатано с книг, иже гречские словут, а печатают их растленно в трех латинских градах: в Риме, в Париже и в Венеции», а Арсений Грек «переводил их на наш язык словенский и они тем разврат велий сотворили по всей земли русской и по всем церквам» [Карташев 1991, 161].

Значение юго-западнорусских источников для языковой справки определялось тем, что они демонстрировали формально-семантическую трансляцию греческого языка в церковнославянский язык. Правильность языковых изменений, явленных в новопечатных московских книгах, обосновывалась ссылками на грамматику Мелетия Смотрицкого, в равной степени авторитетную как для юго-западнорусских, так и для московских книжников: на грамматику Мелетия Смотрицкого ссылались Елифаный Славинецкий, Евфимий Чудовский, Симеон Полоцкий, составивший для собора 1666 г. доклад-обоснование проведенных языковых исправлений.

Придание грамматике как совокупности языковых правил большего значения, чем императивному тексту, а также ориентация на грамматику принявшего униатство Мелетия Смотрицкого, вызывало недовольство старообрядцев, утверждавших, что никониан «свела съ ума несовершенна нхъ грамматика, да пригѣжжіе нехан» [Три челобитные 1862, 27–28]. При этом характеристика, данная юго-западнорусским книжникам, могла указывать на «исходную неправильность» грамматики 1619 г., содержащей, в частности, недопустимый для языковой ситуации Московской Руси перевод библейских цитат с церковнославянского языка на «просту мову»: «Оудѣржи языкъ свой ѿ зла и оустигѣ своѣ ѣже не глати лсти. Рѣски истолковѣемъ. Гамѣи языкъ свой ѿ злогѣ, и оустѣ твои нехан немоуатъ зрады» [Смотрицкий 1619, л. 221].

Усиление грекофильских настроений, приведшее к утверждению концепции греко-славянского универсализма, проявилось на четвертом этапе книжной sprawy при патриархе Иоакиме (1674–1690 гг.). Правильность библейских и богослужебных книг связывалась в этот период уже с непосредственной ориентацией на греческие источники: поскольку «въ славѣнской вивліи премногаа сътъ погрѣшеніа въ речѣніихъ и разѣмѣніи, не ѿ хитрости, но ѿ простоты и невѣдѣніа, и несогласіе величайше съ ѣллинскою седмидесятныхъ превѣдникѣвъ», было принято решение переводить «вивлію всю вновѣ, вѣтхій и новый завѣтъ» [Страхова 2002, 51]. Работа началась трудами Епифания Славинецкого и избранной им «библейской комиссии» — Евфимия и Моисея Чудовских, Никифора Симонова и Сергия. Смерть Епифания Славинецкого не позволила закончить библейские исправления: к печати был подготовлен только Новый Завет. Богослужебные книги также могли правиться в этот период непосредственно по греческим источникам, о чем свидетельствуют Служебные Минеи, работа над которыми началась в 1683 г. Языковые исправления представляли собой усиление формально-семантической трансляции греческого языка в церковнославянский язык, поскольку московские справщики, по заявлению Евфимия Чудовского, стремились писать «по славенски» так, как писали святые отцы «еллинским диалектом»: «аще гдѣ что и ѡбращетса в нашен славѣнствѣи вивліи таковоѣ несходство или погрѣшеніе и тоѣ подобаетъ исправлати ... с тоужѣ греческіа

бивліи» [ГИМ, Син. 373, л. 30]. Необходимость трансляции греческого языка в церковнославянский язык обосновывалась в этот период идеей структурно-функционального превосходства греческого языка, что декларировалось, в частности, в опровержении Паисия Лигарида челобитной попа Никиты: «Рѣчь, яко первіе языкъ греческомѣ извѣститиса лѣпотствѣть того ради, занеже во есть корень ... Тін во, нже гречески писаша, яко же сватін евангелистове, дѣха святаго вдохновеніемъ писаніа греческаа изобразиша. Иво болаша есть чистота источника, нежели потока. Отнюдѣже, къ началѣ греческихъ реченій, аки къ твердыни, въ недодѣльныхъ вещѣхъ прибѣгаемъ, паче же аки къ источникѣ нетлѣнномѣ жаждѣщій притекаемъ» [цит. по: Материалы... 1894, 236].

Явленная в императивных текстах языковая грецизация поддерживалась метаязыковой грецизацией: правильность внесенных изменений могла подтверждаться ссылками не только на грамматику церковнославянского языка, но и на греческую грамматику. Кроме того, на этом этапе sprawy был официально утвержден грамматический характер книжной sprawy: в 1682 г. патриарх Иоаким в прениях со старообрядцами заявил, что книжная справа велась «по грамматике» [Три челобитные 1862, 35].

Негативной реакцией на «грекоориентированную» книжную справа явился выполненный в 1683 г. «книжным чтецом» Авраамием Фирсовым перевод Псалтыри на «простон, шбыклон словенскон язык» [Целунова 1985; Запольская 1999, 119–125, Исаченко 1999, 267–278]. Обосновывая необходимость осуществленного перевода, Фирсов определял дистанцию между «словенским» языком и «простым словенским» языком с точки зрения *понятности*, что свидетельствовало об определенном влиянии лингвистической рефлексии «латино-славянского» мира. Основной причиной, приведшей Фирсова к отказу от традиционного «словенского» языка, являлась его непонятность для «простых» людей, обусловленная зависимостью «словенского» языка от других конфессиональных языков, прежде всего от греческого: «... на всякій день читают єя во цркви бѣжн, но разѣма читаемагѡ в нен нам вѣдати невозможнѡ ... тогѡ ради, нже в нашеи псалтири многѡ реченіи разныхъ языкѡв, нам нх невозможнѡ разѣмѣти» [Псалтырь 1989, 27, 28]. В свою очередь, достоинство «простого словенского языка» заключалось в

том, что он был освобожден от влияния традиционных библейских языков: «ради истинныя вѣдомости и увѣренія неразѹмныхъ и простыхъ людей ... здѣ нѣсть реченіи греческихъ, латинскихъ, сервскихъ, волоскихъ, болгарскихъ и еврейскихъ, но все наша славенская простая швыклая рѣчь, ѹдворазѹмительная преложена безъ Украшенія» [Псалтырь, 1989, 28]. Авраамий Фирсов представил свой перевод патриарху в Крестовую палату на рассмотрение: перевод вызвал споры, после чего был отправлен в ризницу с запретом «кому-либо давать смотреть его».

В XVIII веке продолжением и одновременно коррекцией иоакимовской sprawy явилась библейская справа, осуществлявшаяся по указу Петра I справщиками московского Печатного двора Софронием Лихудом, Феофилактом Лопатинским, Федором Поликарповым и Николаем Головиным. Указ Петра I от 14 ноября 1712 г., ознаменовавший переход контроля над книжной справой от духовной власти к светской, предписывал книжникам «соглашать и править во главахъ и стихахъ и речахъ противу Греческия Библии грамматическимъ чиномъ» [Евсеев 1916, 8]. Петровские справщики, как и их предшественники, понимали правильность текста и языка как точную передачу греческого оригинала, однако они уже выступали за освобождение церковнославянского языка от «странных» и «неприродных» элементов, нарушавших славянскую грамматическую семантику [Бобрик 1988]. Результаты систематической и последовательной книжной sprawy, проходившей с 1713 г. по 1720 г., были учтены в новом исправленном издании грамматики Мелетия Смотрицкого (Грамматика, 1721 г.), подготовленном одним из участников книжной sprawy — Федором Поликарповым [Бабаева 2000]. Библейский текст, явившийся результатом петровской sprawy, после незначительной переработки лег в основу Елизаветинской Библии 1751 г., завершившей библейскую справа в традиции церковнославянского языка.

В культурно-языковом пространстве *Slavia Latina* реализовалась концепция *христианского универсализма*, поскольку в системе моделируемого Римом конфессионального подчинения греческого мира латинскому важнейшим этапом являлось возвращение славян к единству по вере. Завершение «глобальной Унии», фрагментом которой явилась Брестская уния, требовало приведенных к единообразию славян-

ских церковных книг, написанных на *правильном и понятном* для всех славян языке. В этой связи по поручению Конгрегации пропаганды святой веры в Риме в 40-х годах XVII века была предпринята книжная справа древних хорватских глаголических богослужебных книг, осуществлявшаяся под руководством хорватского монаха Рафаеля Леваковича и епископа холмского Мефодия Терлецкого [Štefanić 1960, 25, Будилович 1892, 158–159, Толстой 1998, 371]. Проведя некоторое время в Юго-Западной Руси, в среде униатов, Левакович изучил юго-западнорусскую редакцию церковнославянского языка и выбрал в качестве источников книжной sprawy юго-западнорусские богослужебные книги, ориентированные на бытование в условиях унии. В свою очередь Мефодий Терлецкий, помогая Леваковичу, настаивал на устранении из хорватских богослужебных книг «чужих далматинских слов» для достижения их понятности. Текст изданных Леваковичем богослужебных книг — «*Миссала римскаго ва език словенскій*» 1631 г. и «*Часослова римскаго славинскимъ языкомъ*» 1648 г. — был утвержден папой Иннокентием X и лег в основу изданий Ивана Пастрича — «*Часослова*» 1688 г. и «*Миссала*» 1706 г. В 30-х годах XVIII века папа Бенедикт XIV поручил глаголяшу Матвею Караману еще раз исправить язык миссала по образцу русского извода церковнославянского языка. В 1741 г. Матвей Караман издал исправленный «*Миссалъ римскій славенскимъ языкомъ*», а в 1753 г. в трактате «*Identità della lingua litterale slava e necessità di conservarla ne libri sacri*» («О тождестве литературного славянского языка и необходимости сохранить его в священных книгах») представил теоретические выводы в пользу усвоения хорватами-глаголяшами русского извода церковнославянского языка для того, чтобы «проложить этим путь унии в среду славянских схизматиков» [Будилович 1892, 159].

Другой путь единения по вере посредством единения по языку избрал иезуитский миссионер, также хорват по национальности, Юрий Крижанич, пытавшийся «исправить» церковнославянский язык русского извода с целью достижения его *правильности и понятности*, ибо только «*изправльѣнїе језика*» ведет «*ко ѱразумльѣнїѹ всакихъ благоговѣјнихъ отѣчскихъ дѣл, и дѣши спасајѹщ совитовъ*» [Крижанич 1859, V]. Осуществляя свою миссионерскую деятельность в Московской Руси, Крижанич написал лингвистические трактаты — «*Објасньѣнїе вѣводно о писмѣ Словѣнскомъ*» (1660–1661 гг.) и «Грама-

тíчно изказанїе об рѣскомъ језику» (1666 г.), явившиеся культурно-языковой репликой на грамматику Смотрицкого 1619 г. Стремление скоординировать систему предложенных норм и императивные конфессиональные тексты обусловило «справу» псалмов, представленную в грамматике Крижанича, при этом подвергшиеся исправлению псалмы были тождественны текстам Острожской Библии [Экман 1963; Запольская 1996, 1998, 1999, 2002б].

Периферией лингворефлексивного «латино-славянского» поля явилась идея «девавилонизации» [Алпатов 1998, 51] языка, т. е. идея создания «всеобщего» языка, мотивированная протестантской концепцией *христианского унитаризма*, которую разработал член руководства Общины Чешских братьев Ян Амос Коменский в своем сочинении «Всеобщий совет по исправлению дел человеческих». Создание «всеобщего» языка, призванного способствовать распространению христианской истины по всему миру, должно было проходить, по мнению Коменского, в три этапа: этап «панглоттии», т. е. «окультуривание» всех языков, этап «полиглоттии», т. е. введение культурно доминирующих языков — древнееврейского, греческого, латинского, славянского (церковнославянского), немецкого — параллельно с национальными языками как средство межнациональной коммуникации, этап «моноглоттии», т. е. создание единого мирового языка [Мельников 2002, 35–46].

Таким образом, явленная в XVII веке концепция *православного греко-славянского универсализма* определила установку на поддержание *правильности* церковнославянского языка как «общего» *литургического и литературного языка православных славян*, концепция *христианского универсализма* обусловила установку на достижение *правильности и понятности* церковнославянского языка как изначально «общего» *славянского литургического и литературного языка*, а концепция *христианского унитаризма* поставила вопрос о создании «всемирного» языка, т. е. в рамках конфессиональной культуры рефлексия над церковнославянским языком носила *формальный или формально-семантический, конвергентный, корректирующий* характер, а рефлексия над «всемирным» языком носила *семантический, конвергентный, креативный* характер.

§2. Славянская лингвистическая рефлексия в секулярной культуре: реализация типологической модели

Переход от конфессиональной культуры к секулярной обусловил смену типа словесной культуры, т. е. переход от статичного императива авторитетных библейских текстов к динамичному императиву авторских текстов, от литургически маркированных *правильных* литературных языков к полифункциональным *понятым* литературным языкам, освоение которых носит операциональный характер и происходит в процессе формального обучения. Изменения в структуре познания, заключавшиеся в том, что язык, оставаясь способом познания, стал и объектом познания, привели к тому, что каждый язык, имевший бытие и историю, обретал самоценность, нуждаясь в ее «раскрытии» посредством лингвистической рефлексии. Принципиальная установка на самодостаточность и собственную ценность каждого языка заменяла функциональную иерархию языков их функциональным соположением во времени и пространстве. В свою очередь, предустановленное соположение языков давало возможность сравнивать языки, т. е. мыслить их внутренние структуры и нормы во взаимоотношении. Лингвистическая рефлексия, направленная либо на один литературный язык, либо на группу литературных языков, либо на моделирование некоего «общего» литературного языка фиксировалась в метатекстах, представлявших собой научно-дидактические или научно-дискуссионные обзоры.

Славия в рамках секулярной культуры в определенной мере сохраняла традиции размежевания «греко-славянского» и «латино-славянского» культурно-языковых ареалов: если в пространстве *Slavia Latina* действовала «конвергентная тенденция» развития литературных языков, то для пространства *Slavia Orthodoxa* была характерна «дивергентная тенденция» [Толстой 1998, 27–29], при этом каждая тенденция поддерживалась лингвистическими концепциями.

Так, в границах мира *Slavia Orthodoxa* в XVIII веке осуществился переход от церковнославянского языка, «общего» литературного языка православных славян, к национальным литературным языкам, прежде всего, к русскому литературному языку.

Начало последовательной систематической рефлексии над русским литературным языком нового типа относится к 30-м годам XVIII века, к периоду непосредственного вхождения России в европейское культурно-языковое пространство. Поскольку переход от *правильных* «классических» языков к *понятым* «простым» языкам — процесс типологически универсальный, языковые программы первых русских реформаторов были ориентированы в известной степени на западноевропейские образцы. При этом западноевропейское влияние на русскую лингвистическую рефлексии предстало не как пассивное восприятие и усвоение чужих идей, а как результат активного выбора и акт предпочтения. Русские реформаторы «усвоили себе вполне тот или другой иностранный язык и ознакомились более или менее обстоятельно с иностранными литературами», и им «кинулась в глаза близость, почти тождество литературного языка на Западе с живым, а вместе с тем живость литературного языка Запада» [Соболевский 1980, 121–122]. Выводы об отношении литературного языка к разговорной речи в Западной Европе были применены к русской языковой ситуации, в результате чего основным программным положением явилась установка русского литературного языка на «употребление» как условие его *понятности*. Однако в России этого времени новые языковые навыки находились ещё в процессе становления, т. е. «хорошее употребление» сначала должно было моделироваться в литературной практике, а затем переходить в естественное употребление. Кроме того, в русской языковой ситуации установка на «употребление» была органически связана с протестом против «глубокословных славенщицны», с отказом от церковнославянской языковой традиции [Успенский 1985, 70–157; Живов 1996, 162–215]. Так, в предисловии к «Взде в остров любви» В. К. Третьяковский указывал, что книга переведена «неславенским» языком, поскольку «язык славенской в нынешнем веке у нас очюнь темен, и многия его наши читая не разумеют» [Третьяковский 1730, 2]. Таким образом, согласно концепции субстанционального различия церковнославянского языка и нового русского литературного языка, именно церковнославянский язык, ориентированный на греческий язык, затруднял вхождение русского литературного языка в состав новоевропейских литературных языков, призна-

ком которых являлась ориентация на разговорную речь, мотивирующая их *понятность*.

Движение России в историческом времени, приведшее к осознанию своей особой позиции в европейском культурно-языковом пространстве, скорректировало и направление лингвистической рефлексии. Новые языковые программы русских реформаторов, разработанные ими в 50–60 годы XVIII века, содержали положения о субстанциональной общности церковнославянского и русского языков и, следовательно, о возможности стилистического распределения церковнославянских и русских элементов в рамках единого литературного языка, о церковнославянском языке как источнике нормы и о «разуме» как критерии языковой правильности [Успенский 1985, 158–197; Живов 1996, 265–418]. Так, В. К. Тредиаковский уже в «Разговоре между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой...» (1748 г.) утверждал, что «российский наш язык имеет одну во всем распространении своем, природу со славенским... так что ... и называется славенороссийский, то есть российский по народу, а славенский по своей природе» [Тредиаковский 1748, 299]. Соответственно, источником нормы для «славенороссийского» языка признавался «славенский» язык, определявшийся как «чистый» литературный язык. Поскольку признавалось, что «славенский» язык «нашему славенороссийскому, или гражданскому, и источник, и отец, и точное подобие», изменилось и понимание кодификаторами и «употребления», которое теперь должно было основываться на «разуме», т. е. на грамматических правилах, учитывающих нормы церковнославянского языка. Обращение к церковнославянскому языку как реальному источнику стилистической украшенности давало возможность «различать не только со стороны поэтики, но и со стороны языка основные жанры классицизма, оду и эпопею, с одной стороны, басню и комедию — с другой» [Винокур 1959, 138]. Ориентация на церковнославянскую языковую традицию и установление тем самым принципиальной дистанции между литературным языком и разговорной речью определили специфику русской языковой ситуации по сравнению с западноевропейской. Таким образом, если в 30–40 годы русская языковая ситуация «воспринималась и оценивалась ... через европейскую модель», то в 50–60 годы, «на-

оборот, европейская ситуация пропускается через призму русских языковых отношений» [Алексеев 1982, 106].

«Со-бытие» данных концепций привело в XIX веке к концепции синтеза, учитывающей культурно-языковые традиции и новации: «В XI в. древний греческий язык .... усыновил (язык славяно-русский), ...отседа заемлет он гибкость и правильность. Просто-народное наречие необходимо должно было отделиться от книжного: но впоследствии они сблизилась, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей» [Пушкин, цит. по: Живов 1996, 455].

Став полифункциональным литературным языком, русский язык распространил свое влияние в XIX веке и на церковную книжность в целях достижения ее *понятности*, что было мотивировано развиваемой масонами концепцией «внутреннего» христианского универсализма, который явился оппозицией «внешнему» изоляционизму исторических христианских церквей и установке Рима на «внешний» «обрядовый» христианский универсализм: «Священное Писание есть немой наставник, указующий знаками на живого учителя, обитающего в сердце ....Мы не найдем у Спасителя никаких толков о догматах, а одни только практические аксиомы, поучающие, что делать и чего удаляться» [Флоровский 1983, 137]. Став в России общественным движением и получив государственную поддержку, мистицизм обусловил успешность деятельности всеконфессионального Библейского общества, задача которого состояла в том, чтобы «приводить в большее употребление Слово Божие», чтобы «каждый смог испытать спасительное его воздействие, и в этом непосредственном восприятии познать Бога, как открывает Его Священное Писание» [Флоровский 1983, 147]. Поскольку возможность глубинного понимания Священного Писания напрямую зависела от понятности языка, декларировалась необходимость перевода Библии на русский литературный язык. В 1816 г. обер-прокурор Синода и президент Российского Библейского общества А. Н. Голицин получил Высочайшее изустное повеление Александра I предложить «Святейшему Синоду искреннее и точное желание Его Величества доставить россиянам способ читать слово Божие на природном своем российском языке, яко вразумительнейшем для них славянского наречия, на

корм книги Священного Писания у нас издаются» [Флоровский 1983, 153]. Переводческую комиссию было поручено возглавить ректору Петербургской духовной академии архимандриту Филарету (Дроздову), будущему митрополиту московскому, который составил инструкцию для переводчиков. Переводить Ветхий Завет надлежало с еврейского языка, а Новый Завет с греческого, как «первоначального, преимущественного перед славянским», стремясь соблюдать ясность и чистоту перевода: «Величие Священного Писания состоит в силе, а не в блеске слов, из сего следует, что не должно слишком привязываться к славянским словам и выражениям, ради мнимой их важности» [Флоровский 1983, 155]. В соответствии с установленными правилами в 1820 г. был издан Новый Завет, в 1822 г. Псалтырь. Декларированный и осуществленный перевод библейских книг на русский литературный язык вызвал культурно-языковую полемику. Так, сторонники и исполнители перевода исходили из идеи функционального тождества русского языка и европейских литературных языков и, следовательно, из возможности перевода Библии с классического библейского языка на национальный полифункциональный язык. Противники перевода, составлявшие консервативное крыло Синода и правительственной администрации, исходили из национальной традиции, декларируя идею субстанциональной общности церковнославянского и русского языков, находящихся в отношении функционального распределения и не способных в силу этого на отношения переводимости. В перспективе данной концепции библейский перевод на русский язык рассматривался консерваторами, прежде всего А. С. Шишковым, занимавшим с 1824 г. должность министра народного просвещения, как «умышленное умаление священного достоинства Библии», которое ведет к ересям и расколам: «...язык у нас славенский и русский один и тот же. Он различается только (больше нежели всякой другой язык) на высокой и простой. Высоким написаны священные книги, простым мы говорим между собою и пишем светские сочинения...Сколь смешно в простых разговорах говорить высоким славенским слогом, столь же странно и дико употреблять простой язык в священном писании...» [цит. по: Успенский 1985, 178]. Следствием такой позиции явилось закрытие Николаем I Библейского общества и приостано-

новление переводческой библейской деятельности, на тридцать лет: только в 1858 г., уже при Александре II, в новую эпоху вхождения России в европейский контекст, состоялось определение Синода, признавшее русский перевод Священного Писания «необходимым и полезным» «для пособия к разумению Священного Писания» (полная русская Библия была издана в 1876 г.).

На рубеже XIX–XX веков в связи с усилением демократических настроений проблема *понятности* языка богослужебных книг стала предметом оживленной полемики, которую вели как деятели церкви, так и филологи, высказывая свои взгляды в различных церковных изданиях и в периодической печати. По мнению участников полемики, преодолеть сложившуюся ситуацию можно было либо посредством перевода богослужебных книг с церковнославянского языка на русский литературный язык, объединив новым языком библейские и богослужебные книги, либо посредством перевода с греческого на упрощенный церковнославянский, «новославянский» язык. Разрешением споров явилась деятельность созданной в 1907 г. синодальной Комиссии по исправлению богослужебных книг, которую возглавил архиепископ Сергий (Страгородский), будущий патриарх. В работе Комиссии принимали участие также видные ученые – Н. Н. Глубоковский, И. А. Карабинов, А. И. Соболевский, А. А. Дмитриевский, что позволяло активно использовать в деле исправления книг методы и опыт академической науки. Опасаясь нового церковного раскола, Комиссия сочла возможным лишь «исправить принятый в богослужебную практику нашей Церкви церковнославянский (Никоновский) перевод, устранить его неточности и ошибки, а главным образом, сделать его возможно понятным не только для читающего (для него наш перевод и теперь почти везде понятен), но и для слушающего». Результатом деятельности Сергиевской Комиссии явилась исправленная редакция Постной и Цветной Триоди, демонстрировавшая реализацию установки на понятность языка [Кравецкий, Плетнева 2001, 42–124].

Связь с церковнославянским языком и достигнутый формально-семантический и функциональный уровень развития позволили русскому литературному языку претендовать на роль нового «общего» славянского языка, необходимость которого была мотивирована в XIX веке концепцией этнического универсализма.

Славянской реализацией концепции *этнического универсализма* была идея кровного единства славян, идея «всеславянства» и его мирового признания, актуализировавшая в славянской культурной памяти «этнический императив самосознания». В эту эпоху представления о едином человечестве сменялись представлениями о множественности «культурно-исторических типов», а всемирная история сменялась историями отдельного и независимого развития данных типов. При этом в ранг «культурно-исторического типа» могло быть возведено лишь такое объединение народов, которое обладало «отдельным языком или группой языков, довольно близких между собой, для того, чтобы сродство их ощущалось непосредственно, без глубоких филологических изысканий» [Данилевский 1871, 94].

Соответственно, явленные в этот период этнически мотивированные лингвистические концепции предлагали либо возведение одного из славянских литературных языков в ранг «общего», либо «взаимное» овладение всеми славянскими языками для достижения «литературной взаимности», либо создание искусственного *нового «общего» славянского литературного языка* посредством соединения элементов основных культурно соположенных славянских литературных языков [Будилович 1892; Ягич 1910].

Сторонники «теории возвышения» одного из частных языков до роли «общего» (словацкие ученые К. Кузмани, Л. Штур, М. Гаттала, словенский ученый Ф. Подгорник, русские ученые В. Ламанский, А. Добрянский) рассматривали свою концепцию в рамках общеевропейской языковой ситуации, что приводило к распространению опыта создания новоевропейских литературных языков, на основе избранных диалектов, на создание «общеславянского» литературного языка, на основе избранного культурно доминирующего локального славянского литературного языка. Так, М. Гаттала в статье «O všeslovanském jazyku a písme» (1871–1872 гг.) утверждал, что «основой и душой каждого из живых и мертвых литературных языков было одно из действительных наречий или разноречий, римское для латинского, саксонское для немецкого, парижское для французского, тосканское для итальянского, московское для русского... *всеславянский литературный язык может выработаться лишь таким образом, что мы примем один из дейст-*

вительных славянских языков за общелитературный» [цит. по: Будилович 1892, 335].

В роли «общего» славянского литературного языка призваны были выступить либо исторически мотивированный церковнославянский язык, либо русский литературный язык, строгость норм которого определялась непрерывностью развития и последовательностью кодификации, а функционирование было защищено государственной властью. Однако церковнославянский язык при всех своих достоинствах, «особенно по богатству склоняемых и спрягаемых форм», все же уступал, по мнению Ф. Подгорника, русскому языку, «как язык мертвый, оторванный от наречной почвы и лишенный претворяющей силы внутренних аналогий» [цит. по: Будилович 1892, 343], знание церковнославянского языка было необходимо лишь как знание культурного «языка-предка». Что касается русского языка, то он имел и формальное, и функциональное преимущество, что наиболее емко выразил К. Кузmani: «Я того мнения, что мы должны принять русский язык. Русское племя — самое сильное, литература — самая богатая и язык — самый всеславянский». Обосновывая выбор русского языка на роль культурно доминирующего, Л. Штур в работе «Славянство и мир будущего» (1867 г.) обращал особое внимание на функциональное преимущество русского языка: «Русский язык — язык величайшего, единственно самобытного и на обширном пространстве земли господствующего славянского племени, которому и без того по праву принадлежит главенство в нашей народной семье. Сверх того, из всех славянских языков это самый богатый, сильный и полнозвучный, запечатленный могуществом» [Штур 1867, 188]. Формальное превосходство русского языка особо подчеркивал Ф. Подгорник в статье «O pismenih jezikih na sploh in obceslovanskem literaturnem jeziku posebe» (1878 г.): «Главные преимущества (русского языка) перед прочими заключаются не в том, что он выше их по силе государственной, ибо это условия, лежащие вне языка, а потому и преходящие в движении жизни. Важнее то, что звуковой и формальный строй русского языка занимает середину между прочими языками и носит в себе залог продолжительного и прочного развития, логическое расчленение его

форм строже и тоньше, чем в других языках... его лексикон безграничен, благодаря разнообразию естественных и нравственных условий жизни бесчисленных ветвей русского народа» [цит. по: Будилович 1892, 343]. Равным образом, мысль о том, что русский язык «самый всеславянский», разделяли и русские ученые. Так, В. Ламанский в работе «Сербия и южнославянские провинции Австрии» (1867 г.) утверждал, что все славяне должны были принять русский литературный язык «органом науки и высшей образованности, языком дипломатическим с сохранением своих наречий и словесности для местных потребностей» [Ламанский 1864, 33]. Развивая идею В. Ламанского, А. Добрянский в статье «Взгляд на вопрос об общеславянском языке» (1888 г.) предложил программу «дифференцированного функционирования» русского языка в зависимости от историко-политической ситуации в славянских странах. Так, «в самостоятельных славянских государствах, связанных с Россией (Болгария и Черногория) ... русский язык должен господствовать в делах иностранных, торговых, военных и путейских .... в низших училищах обязательно обучение русской грамоте и письму, в средних же следовало бы ввести обязательное обучение церковнославянского и русского языков, с преподаванием Закона Божия на первом, а истории и географии на втором, в высших училищах на русском языке должны бы преподаваться всеобщая история, славянская словесность, славянская история, славянская филология, славянское право и богословие». В свою очередь, «в самостоятельных славянских государствах, не связанных с Россией (Сербия) ... желательно видеть употребление русского языка вместо французского в сношениях местных учреждений и обществ с русскими и инославянскими .... молодежь должна обучаться в средних школах церковнославянскому и русскому языкам, в высших заведениях желательно преподавание на русском языке всех отделов славяноведения». Наконец, «в государствах неславянских (Австрия, Германия, Турция) ... следовало бы преподавать» в средних школах церковнославянский и русский язык, а в высших учебных заведениях требуется «преподавание на русском языке всех отделов славяноведения» [цит. по: Будилович 1892, 353–355]. В целях совершенствования самого русского языка А. До-

брянский предлагал «основать в России общеславянскую академию словесных наук», которая, в частности, принимала бы «действительные меры к очищению русского языка» от заимствований.

Сторонники «теории литературно-языковой взаимности» (словацкий ученый Я. Коллар, чешский публицист В. Ригер) считали невозможным выбор одного литературного языка в качестве «общеславянского», поскольку такой выбор игнорировал историческую закономерность конфессиональных и политических различий славян. Так, В. Ригер в речи на собрании Славянского съезда 1867 г. подчеркивал, что «многие предпочли бы слиться телом и духом в одно целое, но тысячелетняя история не стирается бесследно» [цит. по: Будилович 1892, 305]. Путь к единению следовало искать в «гармонии всех частей», достигаемой «взаимным» изучением славянских языков. Основоположник данной теории Я. Коллар в статье «Über die literarische Wechelseitigkeit zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten der slawischen Nation» (1837 г.) утверждал, что каждый славянин мог обрести «свое» место на «культурно-языковой лестнице» в зависимости от степени своей образованности: на первой ступени требовалось знание четырех основных языков – русского, сербского, польского и чешского, на второй ступени требовалось знание болгарского, хорватского, словенского языков, на третьей, высшей ступени, предполагалось знание всех славянских литературных языков. Такое «взаимное» изучение славянских языков должно было привести, по мнению Я. Коллара, к «литературной взаимности», «чтобы каждый образованный славянин мог понимать живую и книжную речь соплеменника и ознакомиться со всем классическим и всеславянским на родственных диалектах» [цит. по: Будилович 1892, 300]. Не находя «полной параллели литературной взаимности» у новоевропейских народов, Я. Коллар ссылался на исторический опыт греков: «Диалекты ионический, эолический, дорический и аттический различались друг от друга не менее славянских, однако связаны были цепью литературной взаимности» [цит. по: Будилович 1892, 300]. Средствами достижения славянской «литературно-языковой» взаимности Я. Коллар считал издание общеславянской хрестоматии, славянских грамматик и словарей, демонстрировавших замену иноязычных слов славянскими.

Сторонники «теории искусственного образования общего языка» (словацкий ученый Я. Геркель и словенский ученый М. Маяр) исходили из специфики славянской языковой ситуации, маркером которой являлось единое литературно-языковое прошлое – «своеобразный гений славянского языка». Путь создания нового «общего» славянского литературного языка отражал лингвистическую рефлексю данной эпохи, сутью которой было «раскрытие» посредством сравнительно-исторического анализа самооценности каждого конкретного языка. Само сближение-сравнение языков определяло их структурную «прозрачность», позволяя дифференцировать общие и локальные, стандартные и нестандартные языковые элементы, в которых прочитывалось структурное прошлое и прогнозировалось структурное будущее. Явленная в этот период лингвистическая рефлексия не только «раскрывала» сходства языков, находившихся в «братском времени и пространстве», но и «развивала» эти сходства, порождая идею «перехода» от прерывной языковой совокупности к непрерывной, т. е. идею «перехода» от реально функционировавших литературных языков к моделируемому новому «общему» литературному языку.

Так, Я. Геркель в своем грамматическом трактате «*Elementa universalis linguae slavicae e vivis dialectis eruta et sanis logicae principiiis suffulta*» (1826 г.) утверждал, что сравнительное изучение славянских языков, учитывающее их формальный и функциональный статус, должно привести к созданию «одного по формам и духу» славянского литературного языка: «Нормы общего языка должны быть выведены из сравнительного изучения отдельных наречий и поднаречий... Язык может быть развиваем в двух направлениях: общественном и логическом. Первое зависит от разнообразия условий общественной жизни, которое выше в народе большом, чем в малом. В этом отношении славянский язык, как распространенный по всей восточной Европе и северной Азии, имеющий и богослужбное, и военное, и торговое, и дипломатическое употребление, занимает очень высокое место между другими... Но об руку с общественной обработкой должна идти и логическая, по определенным началам, с изгнанием исключений, которые служат верным показателем недостатка логической обработки языка». Только «общественно-логическая обработка» славянских языков приведет,

по мнению Я. Геркеля, к созданию «общего языка, который был бы общим органом славянских литератур, почвой для развития настоящего панславизма» [цит. по: Будилович 1892, 319, 321].

Наиболее разработанная модель «общего» славянского языка как результата соединения церковнославянского языка, т. е. традиционного «общего» славянского литературного языка, и культурно соположенных языков — русского, сербохорватского, чешского, польского — была представлена в грамматике «взаимославянского» языка Матии Маяра «Узајемні правопис славјански то је: Uzemna Slovnica ali mluvnica Slavjanska» 1865 г. [Запольская 1996, 1998, 2000, 2000б].

В XX веке своеобразной культурно-языковой репликой на концепции этнического единения славян явилась концепция суперэтнического единения. В концепции евразийства представления о «культурно-исторических типах» сменились представлениями о «культурно-исторических зонах», т. е. совокупности этносов, связанных единой исторической судьбой [Гумилев 1995, 51]. Знаком «культурно-исторической зоны», характеризующейся общностью культурных и исторических традиций, являлся культурно доминирующий язык. Способность русского языка стать знаком «новой зоны, уже не славянской, а евразийской», обосновал филолог и этнограф Н. С. Трубецкой в работе «К проблеме русского самопознания» (1927 г.). Точкой отсчета концепции Н. С. Трубецкого была идея о том, что только языковой критерий является единственным знаком славянства: «Славянство» не есть понятие этнопсихологическое, антропологическое, этнографическое или культурно-историческое, а понятие лингвистическое. Язык, и только язык, связывает славян друг с другом» [Трубецкой 1995, 206]. Изучение истории славянских литературных языков позволило Н. С. Трубецкому выделить две литературно-языковые доминирующие данности — церковнославянский язык и русский литературный язык, являющийся структурным и функциональным преемником церковнославянского. Согласно концепции Н. С. Трубецкого, церковнославянский язык функционировал в определенных исторических условиях как литературный язык одного славянского этноса, а русский литературный язык в новых культурно-исторических условиях должен стать литературным языком евразийского суперэтноса:

«Так как старославянская славянская язык ... был по своему замыслу общеславянским литературным языком конца эпохи праславянского единства и так как за исключением русского литературного языка ни один из славянских языков не сохранил непрерывной преемственности церковнославянской традиции, то естественно было бы русскому литературному языку стать языком культурных и деловых сношений между отдельными славянскими народами», однако «в силу разных политических и исторических причин русский литературный язык в настоящее время не может стать орудием междуславянского общения, несмотря на то что по своей природе имел бы для этого все данные. Зато в силу других, опять-таки историко-культурных причин русский язык фактически является орудием культурного, политического и делового общения между народами России-Евразии» [Трубецкой 1995, 199]. Однако реальная история XX века опровергла идею «естественного» функционирования русского литературного языка как «общего» «евразийского» языка.

Таким образом, явленный в XIX веке *этнический универсализм* обусловил преемственность рефлексии над «общим» славянским литературным языком: рефлексия над *новым «общим» славянским литературным языком* носила *семантический, конвергентный, креативный* характер.

* * *

Построение типологической модели лингвистической рефлексии позволило рассмотреть славянскую лингвистическую рефлексию в типологическом аспекте и представить размышления об «*общем славянском литературном языке*» как определенные рефлексивные типы, реализованные в пространстве и во времени культуры: *формальная, конвергентная, корректирующая рефлексия / формально-семантическая, конвергентная, корректирующая рефлексия* → *семантическая, конвергентная, креативная рефлексия*.

Порожденные в разных хронологических и локальных пространствах концепции «общего» славянского литературного языка являлись репрезентантами тех духовных эпох, когда славянский мир сближался на основе конфессиональной или этнической ретро-

спективы, концептуально актуализировавшей «вопрос начала славянского самосознания», память о культурно-языковом феномене «славянское христианство» [Толстой 1998, 48]. В зависимости от типа и варианта культуры лингвистическая рефлексия актуализировала идею *правильности* или *понятности* «общего» славянского литературного языка, в роли которого мыслился либо церковнославянский язык, либо русский литературный язык, либо «искусственный» язык, синтезировавший элементы разных славянских языков.

ГЛАВА 2

«Общий» славянский литературный язык в конфессиональной культуре (Slavia Orthodoxa): проблема правильности языка

**§1. Грамматики XVII–XVIII вв. («Грамматіки Славѣнскія прѣ-
вильное Свѣнтагма» Мелетія Смотрицкого 1619 г. < «Грамматика»
1648 г., «Грамматіка» 1721 г.): кодексы норм *правильного* литера-
турного языка**

**1.1. «Грамматіки Славѣнскія прѣвильное Свѣнтагма» Мелетія
Смотрицкого (1619 г.): грамматическая традиция культурно-языко-
вого «пограничья»**

Мотивированную концепцией *православного универсализма* реф-
лексию «греко-славянского» мира над церковнославянским языком
как «общим» *литургическим и литературным языком православных
славян* демонстрировали в XVII – нач. XVIII века церковнославян-
ские *грамматики* и *библейская книжная справа*.

В конфессиональной культуре все лингвистические сочинения
носили экзегетический характер, поскольку создавались для того,
чтобы верующие могли «*сѣтя писання со вниманіемъ проходити*» и в
результате «*притти в познаніе истины*» [Ковтун 1989, 158, 159; За-
польская 2002, 27–30].

Начало грамматической традиции «греко-славянского» мира и
культурно-языкового «пограничья» связано с появлением в XIV веке
анонимного трактата «*О ѡсмихъ частѣхъ слова*» [Ягич 1896].
Грамматический аппарат этого сочинения представлял контамина-
цию морфологической модели Дионисия Фракийского и син-
таксической модели Аполлония Дискола, результатом которой
явилась предельно лаконичная в своем содержании схема тради-
ционных восьми частей речи и основных грамматических катего-
рий, перенесенная на славянский языковой материал [Никольский
1999, 9–33]. Приведенный корпус примеров непосредственно со-

относился с текстом «Богословия» Иоанна Дамаскина, что, возможно, свидетельствовало об исходной функции трактата как «филологического ключа» к данному богословскому сочинению [Keipert, 1999]. Авторитет греческой грамматической традиции, освященной именем византийского богослова, мотивировал восприятие трактата как «грамматического канона православия», который широко распространялся в списках, а в 1586 г. был издан в Вильно под заглавием «*К҃раматыка словенска азыка*» [Мечковская 1984, 36]. Однако в сложных поликонфессиональных и полиязыковых условиях «пограничья», актуализировавших задачу теоретической и практической защиты церковнославянского языка как знака православной веры, требовалась развернутая аналитическая языковая кодификация. Результатом напряженной рефлексии над церковнославянским языком, который традиционно именовался «сла(о)венским», явились две грамматики — «*Грамматїка словенска*» Лаврентия Зизания 1596 г. и «*Грамматїки Славенскиа правїльное Свїнтагма*» Мелетия Смотрицкого 1619 г.. Авторы данных грамматических сочинений рассматривали *церковнославянский язык* как «общий» *литургический и литературный язык православного славянства*, функционально тождественный «классическим» языкам и противопоставленный «простому» «русскому» языку («простой мове»). Признание за церковнославянским статуса «классического» языка определило необходимость достижения равного с греческим и латынью формально-семантического «достоинства» (*dignitas*), состоявшего в филологической «обработанности», что, в свою очередь, углубило общеевропейскую идею лингвистического описания по греческим и латинским грамматическим схемам [Живов 1986, 92–93]. При общности кодификаторских установок грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого имели существенные различия в источниках, целях и способах презентации языкового материала [Мечковская 1984; Кузьминова, Ремнева 2000].

Так, Лаврентий Зизаний при построении грамматического аппарата, используя опыт греко-славянской грамматики «Адельфотес» («*Грамматїка доброглаголиваго елинословенскаго азыка*» Львов, 1591 г.), отдавал предпочтение латинским грамматикам: традиционной «*Ars minor*» Элия Доната, а также грамматикам Филиппа

Меланхтона («Grammatica Philippi Melanchthonis Latina...», Lugduni, 1554 г., Witenbergae, 1585 г.), Сигизмунда Лупула («Erotemata octo partium orationis...», Cracoviae, 1550 г.), Альберта Басея («Alberti Basaei Scebresinensis Observationum Grammaticarum Libri Quinque...», Krakau 1567 г.) и Иоанна Урсина («Ioannis Ursini Leopoliensis Methodicae Grammaticae libri quattuor», Львів, 1592 г.), изданным в гуманистических кругах Германии и Польши [Возняк 1911, 22–27; Stankewicz 1984, 33–35; Захарьин 1995, 47–48]. Мелетий Смотрицкий также обращался к латинским грамматикам Доната, Диомеда, Меланхтона, Линакра, Альвареса, однако в основных параметрах грамматика Смотрицкого была ориентирована на грамматику греческого языка Филиппа Меланхтона, Константина Ласкариса («ΓΡΑΜΜΑΤΙΚΗ ΤΗΣ ΕΛΛΗΝΙΚΗΣ ΓΛΩΣΣΗΣ», Милан, 1476 г.) и Мартина Крузия («Martin Crusii. Grammaticae Graece, cum Latina congruents, Pars altera», Basel 1585 г.) [Булич 1904, 176; Kociuba 1975; Захарьин 1995, 97]. Соответственно, при общем механизме синтезирования греческой и латинской традиций осмысление славянского языкового материала осуществлялось при преобладающей ориентации на латинские грамматики у Лаврентия Зизания и на греческие грамматики у Мелетия Смотрицкого.

Выполняя в первую очередь роль учебных пособий для православных братских училищ, грамматики были адресованы разным участникам учебного процесса: грамматика Зизания — ученикам («спѣдѣшм»), а грамматика Смотрицкого — учителям («учителем школьным»). Различие целеустановок определило различия в объеме и детализации разработки языкового материала: грамматика Зизания, представляя собой «прескриптивный минимум», задавала на морфологическом уровне инвариант «славянского» языка, тогда как грамматика Смотрицкого, являясь «прескриптивным максимумом», демонстрировала не только на морфологическом, но и на синтаксическом уровне языковую вариативность, подвергнутую сложной филологической «обработке».

Обращение к разной аудитории обусловило различия метаязыка и формы изложения. Так, в грамматике Зизания в функции метаязыка были параллельно использованы церковнославянский язык и «простой» «русский» язык. В грамматике Смотрицкого ос-

новным метаязыком являлся церковнославянский, а «простой» «русский» язык был представлен только в предисловии и в примерах, являвших собой перевод наиболее сложных форм и конструкций церковнославянского языка. Адресуя грамматику ученикам, Зизаний выбрал вопросно-ответную форму изложения материала, которая признавалась наиболее доходчивой формой обучения. Смотрицкий, создавая текст для учителей, избрал монологический формат, позволявший воспринимать грамматику и как учебное, и как регламентирующее руководство.

Таким образом, грамматика Мелетия Смотрицкого по теоретическим основам и прагматическим параметрам представляла собой значительное явление грамматической мысли и в силу этого определила лингвистическую рефлексию разных славянских культурно-языковых пространств.

Основной теоретической установкой Мелетия Смотрицкого явилась установка на достижение посредством грамматической «обработки» *правильности* — «чистости» «славенскаго» языка, тождественной *правильности* греческого и латинского языков: «Вѣдаете ѡбовѣмъ/ которыи сѣсѣ грѣцкон/ любѣ Латинскон Грамматіки хубодѣствѣ оучили/ што ѡна ѣсть къ понѣтїю ѡзыка чистости/ ... вшелакїи пожитоки/ которїи ко^ // векъ преречѡныхъ ѡзыковѣ Грамматіки чинити звыклы, вѣ^ вонтпѣнѣ ѡ Славенскѣ ѡ своемъ ѡзыцѣ Славенскомъ оучинити можетъ» (здесь и далее ГС, л.2). Характерный для гуманистической филологии ценностный акцент на «чистоту» языка определил основные характеристики кодифицированных Смотрицким языковых элементов: «чистѣе», «чистое свойство». Размышления Смотрицкого о *правильности* «славенского» языка, зафиксированные в комментариях (в рубриках «оувѣщєніє», «нзѣтїє», «єтерѡклїта»), актуализировали проблему *влияния* греческого языка на «славенский», а также проблему *формальной избыточности* («нзвнїлѣ») и *недостаточности* («лишєнілѣ») «славенского» языка.

Представления Смотрицкого о *правильности* «славенского» языка на морфологическом уровне наиболее последовательно проявились при кодификации именных норм.

Имя определялось Смотрицким в соответствии с греко-латинской традицией как часть речи, обозначающая «вещь» и реализую-

щая релевантную для дихотомии имени и глагола грамматическую категорию падежа: «Има́ ѣсть часть слова́ вещь наречѣніе паде́жни скланя́ющаа» (ГС, л. 20 об.). Помимо грамматической категории падежа имя обладало категориями рода и числа, а также получало характеристику по признаку одушевленности // неодушевленности, впервые введенному Смотрицким: «вѣщи ѡдѣшевлѣныа и вѣдѣшныа» (ГС, л. 42 об.). Имена прилагательные характеризовались также по признаку формы и компарации. Склонение имен было представлено 5 формальными классами, в основу дифференциации которых были положены три иерархически заданных критерия:

- лексико-грамматическая семантика (имена существительные: 1–4 типы склонения // имена прилагательные: 5 тип склонения),
- родовая принадлежность для имен существительных (доминирование имен женского рода: 1, 3 типы склонения // доминирование имен мужского рода: 2, 4 типы склонения),
- характер флексий и качество конечного элемента основы (а- склонение: 1 тип склонения // ь- склонение: 3 тип склонения; t-склонение: 2 тип склонения // t' склонение: 4 тип склонения).

Объем реализации и состав членов именных грамматических категорий были заданы в грамматике Смотрицкого как не подлежащая обсуждению константа, определявшая *формально-семантическую дистанцию* между «славенским» и «простым» «русским» языком.

Так, грамматическая категория числа реализовала в «славенском» языке избыточную, с позиции «русского» языка, трехчленную оппозицию – «единственное число // двойственное число / множественное число»:

«Число́ ѣсть множества́ или́ малости́ изъвлѣніе: Числа́ сѣть три́ / Единственнѡе / Двойственнѡе / и Множественнѡе. Единственнѡе ѣсть / ѣже́ единѣ вещь знаменѣеть: ѡакw, той члѣвкъ. Двойственнѡе ѣсть / ѣже ѡ двѣю вещь повѣстѣеть: ѡакw, та члѣвка. Множественнѡе ѣсть / ѣже многѡа вещь прѣставляеть: ѡакw, тѣи члѣвци» (ГС, л. 30 об.–31).

Грамматическая категория одушевленности//неодушевленности, напротив, получала в «славенском» языке ограниченную, с позиции «простого» «русского» языка, реализацию: только у имен мужского рода в грамматической позиции В. ед.:

«...имѣнь мѣжескихъ .... Винигтелный ѡдшвлѣныхъ вѣщій
на/Ѧ, Бѣдѣшныѣ всѣкъ именителномѣ подобен» (ГС, л. 42 об.).

Искомая Смотрицким *правильность* «славянского» языка связывалась с переменными величинами, а именно, с формантами, потенциально задававшими *формальную избыточность* и *недостаточность* языка.

Формальная избыточность признавалась Смотрицким нормой «славянского» языка при условии наличия ее фонетической, словообразовательной или лексической мотивации.

Так, для существительных мужского рода Смотрицкий рекомендовал наряду со стандартными нестандартные флексии, которые были либо противопоставлены друг другу, либо находились в отношении ограниченной вариативности.

В грамматических позициях Р. ед., П. ед., З. ед. определенные группы имен получали только нестандартные флексии.

В Р. ед. Смотрицкий кодифицировал наряду со стандартными флексиями -Ѧ/-Ѧ нестандартную флексию 'Ѣ для имен с суффиксом -ѢН-, а также нестандартные флексии -Ѣ, -И, имевшие лексическую прикреплённость («домѣ», «пѣть»):

Р. ед.: -Ѧ/-Ѧ // -Ѣ, -И, -Ѣ

«Всѣ на/ нь, кончащася склоненіа сегѡ имена/ чистѣ
родителный единственныи сходити творѣт на/ ѣ, нежели
на/ Ѧ: ѣкъ, корень/ корене: степенѣ/ степене: камень/ не:
день/ дне: пламень/ не...» (ГС, л. 72 об.),

«Пѣть/ пѣти, ѣ родителномѣ еди^н ... нежели пѣтѣ...»
(ГС, л. 73),

«домѣ» (ГС, л. 52 об.).

В П. ед. фиксировалась лексически закрепленная нестандартная флексия -Ѣ («домѣ»).

В З. ед. собственные имена греческого происхождения с основой на ј получали нестандартную флексию -Ѣ, противопоставлявшую их славянским именам с флексией -Ѣ:

З. ед.: -Ѹ // -Ѣ

«И се да оубвѣсѣса, ѿкѡ собственнаа на/ ай: ей: ѿ/ ѿй кончаѣасѣса/ звѣтеленъ единственъ творѣт ѿскрѣе на/ е, Звѣтелнагѡ Грѣческагѡ ѡбщѣгѡ ѡбывѣаемъ: ѿкѡ, Никѡлае/ Тимѡѡ.ее/ Фарисее/ Григоріе/ Васіліе/ Мелівіе.» (ГС, л. 71 об.).

В грамматической позиции Д. ед. Смотрицкий представил на правах равных вариантов стандартные флексии -Ѹ/-Ю и нестандартные флексии -ОВИ/’-ЄВИ для односложных имен, а также для слова «Гѣдъ»:

Д. ед.: -Ѹ / Ю // -Ѹ / Ю + -ОВИ / ’-ЄВИ

«... ѿзрачѣе единсложнаа растворяѣтсѣса мощи... сынѡ/ ѿнѡ снѡви, жерцѡ/ ѿнѡ жерцѣви, домѡ/ ѿнѡ домѡви, врачѡ/ ѿнѡ врачѣви» (ГС, л. 50, 50 об., 57 об., 72),

«Гѣдѡ/ ѿнѡ Гѣдѡви» (ГС, л. 73).

В грамматической позиции И. мн. Смотрицкий предложил сложную схему дифференциации и вариативности формантов, включавшую разные уровни мотивации: оппозиции флексий в зависимости от качества конечного элемента основы, определявшие различие типов склонения (-И /’-ІЄ) и различия имен внутри отдельных типов склонения (-Є для имен с основой на j), а также оппозиции флексий в зависимости от словообразовательных особенностей имен (-ОВЄ /’-ЄВЄ как варианты для односложных имен, -Є как формальный показатель имен с суффиксом -АНИИ-):

И. мн.: (t) -И // -Є, -Ы + -ОВЄ / -ЄВЄ

«Римляне (Ѣнце, Галілеяниѡ Парѡ.ѡниѡнѡ/ Персаѡниѡнѡ/ Бламіѡтинѡ: Галатинѡ/ Вилланиѡнѡ/ Лвованиѡнѡ/ Коринѡ.ѡниѡнѡ/ Єгѡпѡтланиѡнѡ/ хрїстіаниѡнѡ...» (ГС, л. 53 об., 54),

«... ѿзрачѣе единсложнаа растворяѣтсѣса мощи... сны/ ѿнѡ снѡве, жерци/ ѿнѡ жерцѣе» (ГС, л. 50, 50 об.).

И. мн. м.: (t’) -ІЄ + -Є, -Є, -ІЄ + -Є + -ЄВЄ

«пастыріе ѿнѡ пастыре, матѣжіе ѿнѡ матѣже, свѣдїтеле: ѿнѡ свѣдїтеле» (ГС, л. 63 об., 64 об., 65),

«ходотає, ієреє, мравіє, зное, крагѣе, люводѣе» (ГС, л. 65 об., 66 об., 67, 68, 68 об., 69),

«...имена/ ѣднносложна израднѣе, растворяема быти ѡбрѣтаемъ... врачіе, врачѣ, или врачеве» (ГС, л. 72, 72 об.).

У имен существительных женского рода, формировавших 1 склонение (а- склонение), в грамматической позиции **И. ед.** наряду со стандартными флексиями **-А/-А** фиксировалась как инвариант или вариант нестандартная флексия **-И**, имевшая словообразовательную мотивацию (имена с суффиксом **-ЫН-**):

И. ед.: -А/-А // -И (+А)

«Самараныни, Стына, или стыни ... Сице, Бгуптаныни/ Буманганыни/ Грекини/ Руссины... гордына / или гордыни: Рабына / или Рабыни: мѣтына / или мѣтыны...» (ГС, л. 40 об., 41, 41 об.).

Среди имен существительных женского рода, относившихся к 3 склонению (ь- склонению), Смотрицкий выделил имена с суффиксами **-БР-**, **-ОВ-**, которые получали стандартные и нестандартные флексии в грамматической позиции **И. ед.** (нулевая флексия **+ -И** или **-Ы**) и нестандартную флексию в грамматической позиции **Р. ед.** (**-Ъ**):

И. ед.: нулевая флексия // нулевая флексия +-И (-Ы)

«матерь: или мати», «свекровь/ или свекры»,

Р. ед.: -И // -Ъ

«матере... Сице, любовь/ или любви: неплодвь/ или неплоды: дочерь/ или дщи: церковь/ или церкви: кровь/ или крови: свекровь/ или свекры...» (ГС, л. 60 об., 61 об.).

У имен существительных среднего рода с суффиксами **-АТ-**, **-ЕН-**, **-ЕГ-** формальная нагруженность проявлялась в грамматических позициях **Р. ед.**, **Д. ед.-П. ед.**, в которых они получали нестандартные флексии **-Ъ**, **-И**:

Р. ед.: -А // -Ѣ

«отрочатѣ, ѿмене, словесѣ» (ГС, л. 51, 52, 52 об.).

Д. ед. – П. ед.: -Ѹ // -И

«отрочати, ѿмени, словеси» (ГС, л. 51, 52, 52 об.).

Признанная нормой, формальная избыточность позволяла Смотрицкому определенным образом решить и проблему *формальной недостаточности*. Зону формальной недостаточности определяли у существительных мужского рода омонимичные ряды **И. ед.** (**В.** для неодуш.) = **Р. мн.**, (т', шипящий и ц-) **Р. ед.** (**В.** для одуш.) = **В. мн.**, (т) **В. мн.** = **Т. мн.**, у существительных женского рода формально ослабленным являлся ряд (т', шипящий и ц-) **И. ед.** = **Р. ед.**, **И.-В. мн.** Стремясь устранить омонимию, Смотрицкий использовал либо грамматический способ, предполагавший введение вариантной неомонимичной флексии, либо орфографический способ, основанный на дистрибуции дублетных букв и надстрочных знаков. При этом орфографический способ имел греческий образец использования букв о-ω для различения омонимичных форм единственного и множественного числа [Успенский 2002, 326–328].

Так, у имен мужского рода снятие омонимии по падежу, явленной в ряду (т) **В. мн.** = **Т. мн.** (**-Ы**), достигалось посредством введения в грамматическую позицию **Т. мн.** вариантной неомонимичной флексии **-АМИ**:

В. мн.: -Ы

=

// **Т. мн.:** -Ы + **-АМИ**

Клеврѣты

ѿрмы

вонны

ѿроды

дрѣги

грѣхи

домы

сыны, и снѡвы

(но) римляны

Клеврѣтами и клеврѣты

ѿрмами, и ѿрмы

воннами, и вонны

ѿродами и ѿроды

дрѣгами и дрѣги

грѣхами и грѣхи

домами

сыны и снами

римляны

(ГС, л. 43–57 об.).

Для снятия омонимии по числу и падежу, представленной в ряду **И.** (**В.** для неодуш.) **ед.** = **Р. мн.** (нулевая флексия), Смотрицкий вводил в грамматическую позицию **Р. мн.** нестандартные вариантные флексии **-ѡѢЪ/ -ЄѢЪ** (для односложных слов) и **-ЄЙ** (для многосложных слов с исходом основы на т') и/или использовал орфографические средства дифференциации форм – дублетные буквы и надстрочные знаки:

И. ед.: =//

-нулевая флексия

дрѡгъ
грѣхъ
снѣ
домъ
врачь

-нулевая флексия

пастырѣ
матѣжѣ
свѣдѣтель

-нулевая флексия + оппозиция дублетных букв: ѡ, ѡ

ѡтѣцъ
ѡремъ
ѡродъ
прорѡкъ
ѡерѡй

Р. мн.:

-нулевая флексия + **-ѡѢЪ/ ЄѢЪ** +
разница надстрочных знаков

дрѡгѡвъ, ѡн дрѡгъ
грѣхѡвъ/ ѡн грѣхъ
сынѡв/ ѡн сынѡвъ
домѡвъ/ ѡн домъ
врачьѡв/ ѡн врачѡвъ

-нулевая флексия + **-ЄЙ**

пастырѡй/ ѡн пастырѣ
матѣжѡй/ ѡн матѣжѣ,
свѣдѣтелей: ѡн/ тѣль

-нулевая флексия + оппозиция дублетных букв: Ѣ, ѡ

ѡтѢцъ
ѡрѢмъ
ѡрѡдъ
прорѡкъ
ѡерѢй
(ГС, л. 43–73).

Однако заданные Смотрицким ограничения в употреблении нестандартных вариантных формантов не позволили ему последовательно провести снятие омонимии в данном ряду: «клекрѣтъ, воинъ, ходотѡй, мравѡй, знѡй, крагѡй, любодѡй» (ГС, л. 43, 44, 65 об., 66 об., 67 об., 68, 68 об., 69).

Равным образом, нерешенной в грамматике Смотрицкого осталась проблема омонимии по числу и падежу у имен существительных мужского рода (типы «пастырь», «отець»), явленная в ряду Р. ед. (В. для одуш.) = В. мн. (-А, -А = -А), и у имен существительных женского и мужского рода (типы «ладіа», «мрежа» и «сѣдіа», «юноша»), представленная в рядах И. ед. = Р. ед., И.-В. мн. (А = -А) и И. ед. = В. мн. (-А = -А):

Р. ед. (В. для одуш.) = В. мн.: -А
 «Род. ед.: пастыръ, матежа, свидѣтеля, ходотѣа, іерѣа,
 мравіа, зноа, крагѣа, любодѣа...»
 Вин. мн. пастыръ, матежа, свидѣтеля, ходотѣа, іерѣа,
 мравіа, зноа, крагѣа, любодѣа...» (ГС, л. 63 об.–69).

И. ед. = Р. ед., И.-В. мн.: -А, -А
 «Имен. ед. Ладіа, Мрежа
 Род. ед. Ладіа, Мрежа
 Имен. мн. Ладіа, Мрежа
 Вин. мн. Ладіа, Мрежа» (ГС, л. 36 об., 39 об.).

Определенное ограничение омонимии давала флексия -Ы, представленная как вариант в грамматической позиции В. мн. у существительных мужского рода разных типов склонения с исходом на шипящий (тип «юноша») и на -ц (тип «отець»):

Р. ед. (В. для одуш.): -А	=// В. мн.: -А, -Ы
отца	отцы, и отца (ГС, л. 48)
И. ед.: -А	В. мн.: -А, -Ы
юноша	юношы и юноша (ГС, л. 37)

Взгляды Смотрицкого на правильность «славенского» языка на синтаксическом уровне наиболее последовательно проявились в интерпретации синтаксических гречизмов. Считая греческий язык источником правильности «славенского» языка, Смотрицкий следовал традиции, идущей еще от Иоанна экзарха Болгарского, тре-

бовавшего при переводе «отъ елинска языка, еже есть гръчьскъ, въ словѣньскъ... разоума влюсти» [Ягич 1896, 33–34], т. е. не нарушать грамматическую семантику «славянского» языка. В соответствии с этим постулатом Смотрицкий разделял синтаксические грецизмы по степени их семантической адекватности и предлагал либо принять синтаксический грецизм, либо устранить, либо допустить вариативность грецизмов и славянских синтаксических единиц. В результате проведенной Смотрицким своеобразной «селекции» синтаксических грецизмов приемлемыми для «славянского» языка оказались конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. мн. в функции подлежащего и дополнения, а также конструкции с субстантивированными причастиями в роли подлежащего и дополнения и с причастиями в атрибутивной, полупредикативной и предикативной функциях:

– конструкция с субстантивированными прилагательными в форме ср. мн.:

(Грѣческагѡ сочиненіа образѡмъ) Многажды такова Прилагательная ... множественнѣ во Средней родѣ ес³ Существительны оупотребляема ѡбращѡтъся, ѡкѡ... въ домѡ двѣвъ страшная совершаются ... (ГС, л. 197),

– причастные конструкции:

«Имя... Причастное Существительномъ/ емѡже съ прилагаетъ/ согласуетъ въ тоже родѣ/ числѣ/ и падежи, ѡкѡ... Луче есть оубоѡ ходѡи во простотѣ своей/ нежели богать оумѡчалѡ оустнѣ своѣ...» (ГС, л. 195 об.),

«Причастіа послѣдѡютъ сочиненію гла... Не давѡи требѡщемъ/ ни же самѡ требѡи оумѡчитъ...»

«Сличеніа есть Причастій гла существительна со имени оупотребленіе, ѡкѡ... Члѡкъ свѡщъ всѡческихъ члѡти подобаетъ...»

«Сынъ/ свѡща/ свѡще/ причастій/ и прочіихъ всѡхъ оупотребленіе, по Грековѡ сочиненію Славянѡмъ свойственно есть: ѡкѡ, Бѡгъ сынъ міра, Оцъ щедрѡтъ» (ГС, л. 226–226 об.),

«Всѡхъ залѡгъ Глѡмъ сочиняемъ бывааетъ дателенъ Самостоятеленъ, ѡкѡ, Бѡгъ дающъ зависть ничѡ же оупсѡваетъ» (ГС, л. 213 об.).

В качестве недопустимой синтаксической единицы рассматривалась конструкция с относительными местоимениями, согласованными с определяемым словом главной части сложного предложения не только по роду и числу, но и по падежу, что нарушало славянскую модель управления глагола:

- конструкция с относительными местоимениями, согласованными с определяемым словом > конструкция с относительными местоимениями, грамматически мотивированными моделью управления глагола

«Есть *Аттикум* свойство/ *Славенскѣ* *языкѣ* *всакѣ* *странно*/ *Возносителномѣ* *со* *Предидѣщимѣ* *в* *то* *же* *падежи* *сочинѣтисѣ*, *напоследѣющій* *гль*, *имже* *правимѣ* *быти* *емѣ* *достоаше*/ *ни* *единѣ* *возгладѣ* *имѣщемѣ*: *ѣкѣ*, *поѣ* *еісі* *тѣ* *элеѣ* *σου* *тѣ* *архаїѣ*, *кѣ* *рые*, *ѣ* *ѣ* *μο* *σας* *τῷ* *Δαυιδ* *ἐν* *τῇ* *ἀληθείѣ* *σου*. *Славенски* *преведено* *сице*: *Гдѣ* *сѣ* *тъ* *мѣ* *тѣ* *твоѣ* *древнаѣ* *Гдѣ*, *ѣ* *же* *кѣ* *сѣ* *Дѣ* *во* *истиннѣ* *твоѣ*... *по* *Славенскагѣ* *языка* *своѣствѣ* *преведенымѣ* *быти* *достоаше*, *Гдѣ* *сѣ* *тъ* *мѣ* *тѣ* *твоѣ* *древнаѣ* *Гдѣ*/ *имже* *кѣ* *сѣ* *ѣ* *си* *Дѣ* *во* *истиннѣ* *твоѣ*» (ГС, л. 204 об.–205).

Особую семантическую дифференциацию получили в грамматике Смотрицкого конструкции с одинарным отрицанием и с двойным отрицанием, выступающие в качестве вариантов в греческом языке. Согласно рекомендациям Смотрицкого, полинегативная конструкция имела положительный смысл, соответственно, монологативная конструкция отрицательный смысл:

- монологативная конструкция

«*Да* *оѣ* *вѣ* *сѣ* *сѣ* *перѣ* *ше*, *ѣ* *ри* *цѣ* *нѣ* *Нарѣ* *чѣ* *Грѣ* *кѣ* *во* *оѣ* *сѣ* *гѣ* *блені* *и* *трѣ* *гѣ* *блені* *вѣ* *чѣ* *нѣ* *Славянѣ* *своѣ* *ствѣ* *нна* *не* *быти*. *Ни* *единѣ* *заповѣ* *дѣ* *твою* *не* *сотвори* *хѣ* *но*, *Ни* *единѣ* *заповѣ* *дѣ* *твою* *сотвори* *хѣ*» (ГС, л. 230).

При выражении целевых значений Смотрицкий разрешал вариативность синтаксических средств: синтаксическая конструкция

«еже+инфинитив», ориентированная на греческий образец, могла допускать в качестве вариантов конструкции с независимым инфинитивом или глагольно-личную конструкцию «да+конъюнктив» при условии несовпадения субъектов действия в главной и придаточной частях сложного предложения:

- инфинитивная конструкция «еже + инфинитив» = инфинитивная конструкция с независимым инфинитивом = глагольно-личная конструкция «да + конъюнктив»

«Многажды Неопредѣленный полагаѣтъся вмѣстѣ Пѣинителнагѣ, приемъ Собъзъ, ѣже, или воеже: ѣкъ, Лицеже Гдѣе натворашца злаа, ѣже потревѣти Ѡземла памать нхъ...

Иногда и рѣшаѣтъся в Пѣинителѣ: ѣкъ, держахѣ егѣ ѣже не штиѣти Ѡнихъ: Греческомѣ во сице свѣщѣ катеихѣв аѣтѣв тоѣ мѣ поревѣсѣаи аѣл' аѣтѣв... Мы преводимъ, держахѣ егѣ да небы Ѡшелъ Ѡни...

Бгъ ѣсть дѣйствѣай во васъ и ѣже хотѣти/ и ѣже дѣлати... Многѣмѣбаче чистѣе бѣ²/ ѣже, положено было бы, сице... Бгъ ѣст' дѣйствѣай вова' и хотѣти/ и дѣйствовати» (ГС, л. 220, 221).

Синтаксическая правильность «славянского» языка, явившаяся результатом греческого влияния, мотивировала максимальную дистанцию между «славянским» и «простым» «русским» языком. В силу этого грекоориентированные конструкции «славянского» языка получали в грамматике Смотрицкого «толкование» посредством конструкций «русского» языка. Так, причастные и инфинитивные конструкции «славянского» языка «пояснялись» глагольно-личными конструкциями «русского» языка:

«Оудѣржи ѣзыкъ свой Ѡ зла/ и оустнѣ своѣ ѣже не глати лсти. Руски истѣковѣемъ/ Гамѣй ѣзыкъ свой Ѡ злогѣ/ и оѣста твоей нехай не мовать зрады...

Бгъ ѣсть дѣйствѣай во васъ и ѣже хотѣти/ и ѣже дѣлати. Руски/Богъ ѣсть котѣрый справѣтъ вѣ васъ и то/ ѣбысте хотѣли, и то ѣбысте чинили» (ГС, л. 221).

Логическим продолжением кодификации «славенского» языка явилась филологическая «работа» московских книжников, исправлявших грамматику Смотрицкого [Horbatsch 1964]: сложность дифференциации грамматических синонимов, непоследовательность устранения омонимов, установление корреспондирующих отношений между «славенским» языком и «русским» языком в грамматике Смотрицкого определили перспективу лингвистической рефлексии.

1.2. («Грамматїки Славѣнскїи правїльное Сѣнтагма» Мелетїя Смотрицкого 1619 г.) < «Грамматика» 1648 г. < «Грамматика» 1721 г.: грамматическая традиция культурно-языкового пространства Slavia Orthodoxa

В Московской Руси разработанность «грамматического учения» связывалась в XV веке с грамматическим трактатом «О ѡсмихъ частѣхъ слова», а с XVI века еще и с грамматически ориентированной книжно-языковой деятельностью Максима Грека. Так, искусенный книжник Арсений Глухой, защищая исправления, внесенные в Требник 1616 г., ссылаясь на опыт Максима Грека и упрекал консервативно настроенных священников в том, что они «едва и азбукѣ ѹмѣють... а еже осмь частей слова разѹмѣти... то нмѣ ниже на разѹмѣ всѣхаживало» [Николаевский 1890–1891, 443]. Равным образом, московские справщики Иван Наседка и Михаил Рогов, подготовив к изданию в 1644 г. Апостол, в послесловии подчеркивали, что правила «Ѣ дрѣвнихъ вѣдѹщихъ доброписцѣхъ... Ѣ грамматическагѹ любовѣдрїа, срѣчь Ѣ ѡсочастнагѹ разѹменїа» [Апостол 1641, л. 328 об.].

Усилившись в середине 40-х годов XVII века тенденции к православному греко-славянскому духовному единству актуализировали идею «обработанности» церковнославянского языка как «общего» литургического и литературного языка православных славян, следствием чего явилось издание в Москве в 1648 г. грамматики Мелетия Смотрицкого («Грамматика», далее Г 48).

В культурно-языковом пространстве Slavia Orthodoxa грамматика Мелетия Смотрицкого рассматривалась как метатекст культурно-языкового «пограничья», требовавший устранения признаков «латинославянской» лингвистической ориентации. В этой связи московские

книжники, Михаил Рогов и Иван Наседка, не только сняли в грамматике имя и предисловие принявшего униатство Мелетия Смотрицкого, но и устранили переводы на «простой» «русский» язык.

Разделяя теоретические воззрения Мелетия Смотрицкого на формально-семантическую *правильность* «славянского» языка, московские книжники лишь корректировали, исходя из своей книжно-языковой практики, систему грамматических норм, предложенную в грамматике Смотрицкого.

Рассматривая проблему грамматической синонимии, московские книжники ограничивали *формальную избыточность*, заданную Смотрицким, либо посредством устранения отдельных нестандартных формантов, либо посредством изменения характера соотношения стандартных и нестандартных формантов.

Так, например, у имен существительных женского рода с суффиксом **-ЫН** нестандартная флексия **-И** в грамматической позиции **И. ед.** была заменена стандартной флексией **-А**:

Грамматика 1619 г.	Грамматика 1648 г.
И. ед.:	
-И	-А
«Самарыни Стына, или стыни» (л. 40 об., 41)	«Самарына Стына» (л. 103, 103 об.)

В грамматической позиции **И. мн.** стандартная флексия **-И**, представленная Смотрицким только у имен существительных мужского рода с исходом на твердый согласный, была распространена и на имена с исходом на мягкий согласный и шипящий за счет нестандартной флексии **-Ъ**, которая оказалась тем самым периферийным средством выражения:

Грамматика 1619 г.	Грамматика 1648 г.
И. мн.	
<p>(t') -ІЄ + -Є: «пáстыріє ілн пáстыре, матѣжіє ілн матѣже» (л. 63 об.),</p> <p>-Є: «ХОДОТáЕ...ЛЮБОДѣЕ» (л. 65 об.–69),</p> <p>-ІЄ + -Є + -ЄВЄ: «врáчіє, врáче, ілн врáчеве» (л. 72, 72 об.)</p>	<p>(t') -ІЄ + -И, -Є: «пáстыріє ілн пáстыри, матѣжіє ілн матѣже» (л. 123 об.–124),</p> <p>-И, -Є: «ХОДАТан ... (НО:) ЛЮБОДѣЕ» (л. 125–129),</p> <p>-ІЄ + -И + -ЄВЄ «врáчіє, врáчн, ілн врáчеве» (л. 131)</p>

Поскольку в грамматике Смотрицкого меньше уделялось внимания проблеме *формальной недостаточности*, московские книжники сосредоточили свои кодификаторские усилия именно в данной области. Так, исправлению подверглась флексия -**А**, представленная у имен существительных женского рода (тип «ладіа, мрежа») в грамматических позициях **Р. ед.** и **И.-В. мн.** и у имен существительных мужского рода (тип «сѣдіа, ѣноша») в грамматической позиции **В. мн.**, посредством которой порождалась омонимия по числу и падежу **И. ед. ж. = Р. ед., И.-В. мн. ж.** и **И. ед. м. = В. мн. м.** Ограничение омонимии давала лишь флексия -**Ы**, допущенная Смотрицким на правах варианта в грамматическую позицию **В. мн.** для имен мужского рода с исходом на шипящий. Московские книжники сняли омонимию, заменив книжную флексию -**А** на некнижную флексию -**И**, и унифицировали флексии имен мужского и женского рода с исходом на шипящий, введя в грамматической позиции **В. мн.** флексию -**Ы**:

Грамматика 1619 г.	Грамматика 1648 г.
И. ед. = Р. ед., И.-В. мн.	И. ед. // Р. ед., И./В. мн.
-А = -А	-А, -А // -И, / -И, -Ы
«Имен. ед. Ладіа, Мрежа Род. ед. Ладіа, Мрежа Имен. мн. Ладіа, Мрежа Вин. мн. Ладіа, Мрежа» (л. 36 об.)	«Имен. ед. Лодіа, Мрежа Род. ед. Лодіа, Мрежи Имен. мн. Лодіа, Мрежи Вин. мн. Лодіа, Мрежи» (л. 102, 98–98 об.)
И. ед. = В. мн.	И. ед. // В. мн.
А // -А, -А + -Ы	-А, -А // -И, -Ы
«Имен. ед. сѣдіа, юноша Вин. мн. сѣдіа, юноша, юношы» (л. 37)	«Имен. ед. сѣдіа, юноша Вин. мн. сѣдіа, юношы» (л. 99–99 об., л. 102 об.–103)

Подобным образом была устранена флексия -А, представленная у имен существительных мужского рода (типы «пастырь», «отецъ») в грамматической позиции **В. мн.**, посредством которой порождалась омонимия **Р. (В. для одуш.) ед. = В. мн.** Ограничение омонимии также давала флексия -Ы, варьирующаяся с флексией -А в грамматической позиции **В. мн.** у существительных с исходом на -ц. Московские книжники сняли омонимию, заменив флексию -А на флексию -И у существительных с исходом основы на мягкий согласный и шипящий и оставив в качестве единственного нормативного элемента флексия -Ы у существительных на -ц:

Грамматика 1619 г.	Грамматика 1648 г.
Р. (В.) ед. = В. мн..	Р. (В.) ед. // В. мн..
-Ѧ, -Ѧ = - Ѧ, -Ы	-Ѧ // -И -Ѧ // -Ы
«Род. ед. пастыра, матежа, свѣдителя, ходотаа, 'ереа, зноа, крагъа, любодѣа Вин. мн. пастыра, матежа, свѣдителя, ходотаа, 'ереа, зноа, крагъа, любодѣа» (л. 63 об.–69 об.)	«Род. ед. пастыра, матежа, свидѣтеля, ходатаа, 'ереа, зноа, крагъа, любодѣа Вин. мн. пастыри, матежи, сви- дѣтели, ходатаи, 'ереи, знои, крагъи, любодѣи» (л. 123–129)
«Род. ед. ѡтца Вин. мн. ѡтцы, и ѡтца» (л. 48)	«Род. ед. ѡтца Вин. мн. ѡтцы» (л. 111–111 об.)

Издание исправленной грамматики Мелетия Смотрицкого в Москве, совпавшее с началом походов за «объединение Руси Малой и Великой», явилось «значительной вехой, символизирующей победу московского центра и утверждение за ним доминирующего авторитета в отношении норм древнеславянского литературного языка во всем греко-славянском ареале» [Толстой 1998, 139]. Со второй половины XVII века ошибки в библейских и богослужебных текстах стали рассматриваться как «неисправности по грамматическому художеству», допущенные книжниками, которые были «не велики известни грамматнице славенстей» [Никольский 1896, 93]. Авторитет грамматики как регламентирующего руководства стал столь значимым, что незнание правил являлось самым действенным компрометирующим средством в любой полемической борьбе. Так, никониане, с одной стороны, обвиняли старообрядцев в том, что они «грамматическаго разума не коснулись», а с другой стороны, упрекали друг друга в незнании грамматики: «латинствующий» Сильвестр Мед-

ведев говорил о своем противнике «грекофиле» Евфимии Чудовском, что он «грамматики совершенно не разумѣет», а Евфимий утверждал, что Медведев «не причастен» грамматике [Прозоровский 1896, 84].

Секуляризация культуры в начале XVIII века, наметившая переход к новому типу литературного языка, вызвала необходимость новой «охранительной» филологической «работы» над традиционным для конфессиональной культуры церковнославянским языком. Следствием «ученой обработки» церковнославянского языка явилось новое исправленное издание грамматике Смолитицкого, подготовленное в 1721 г. Федором Поликарповым («Грамматика», далее – Г 21).

Теоретические установки Поликарпова были изложены в черновом варианте предисловия к исправленной грамматике: «...а понеже Гдѣ поспѣшествующѣ славенскій нашъ діалектъ со временимъ паче и паче расширяется и различается и уже во сто лѣтъ во возрастѣ нѣтъ въ лучшее изрядство, тогда ради по настоящемъ времени смотря ко древней Грамматикѣ нѣкая малая правила приложишася, нѣкая же древняя нѣтъ ѡчищенная за непотребленіе» [Бабаева 2000, 89].

Сформулированная Федором Поликарповым задача «расчищения» церковнославянского языка реализовалась в грамматике в дифференциации языковых элементов по стилистическому принципу. Так, грамматическая категория числа должна была, по мысли Поликарпова, получать разную реализацию в нейтральном и высоком стиле книжного «славянского» языка: формы двойственного числа были уместны по примеру греческого языка только как «поэтизмы»: «наипаче ради стѣхотворныя и мѣры... «славяне также во именахъ сице и во глаголахъ двойственное имѣтъ число, по всемъ тремъ родамъ, во всехъ трехъ лицахъ скланяемое, по древнемъ обычаю ѡ грекамъ възтомъ, обаче нѣтъ мало употребляемо, множественномъ числѣ сіа наполняющѣ» (Бабаева 2000, 105; Г 21, л. 116).

Установка Федора Поликарпова на «расширение» языка реализовалась либо посредством распространения нестандартных флексий на все лексические модели, либо снятием ограничений с нестандартных флексий и придание им статуса стандартных, либо объединением разных стандартных флексий, представленных в грамматиках 1619 г. и 1648 г., что приводило к замене принципа дифференциации грамматических синонимов принципом вариативности.

Так, у имен существительных мужского рода в грамматической позиции **И. мн.** нестандартные флексии **-ОВѢ/-ЄВѢ** были распространены Поликарповым на все односложные лексические модели:

Граматики 1619г.=1648 г.	Грамматика 1721 г.
И. мн.:	
«дóми» (л. 57 об.)	«дóми, дóмове» (л. 54)
«знóе, знóи» (л. 68)	«знóе, знóеве» (л. 63)

Равным образом, нестандартную флексию **-АМИ** получили ранее не «обслуженная» лексическая модель «римлány» t-склонения и лексические модели t'-склонения в **Т. мн.:**

Граматики 1619г.=1648 г.	Грамматика 1721 г.
Т. мн.:	
«римлány» (л. 54)	«рiмлány, -ами» (л. 50)
«знóйми и знóи» (л. 68)	«знóйми и знóи, знóами» (л. 63 об.)
«врачми или врачнi» (л. 72 об.)	«врачáми, или врачми» (л. 67 об.)

В грамматической позиции **Р. мн.** у имен мужского рода нестандартные флексии **-ОВѢ/'ЄВѢ** потеряли свою прикрепленность к односложным существительным, явленную в грамматиках 1619 г. и 1648 г., и стали стандартными формантами наряду со стандартной нулевой флексией, расширив тем самым возможности снятия омонимии **И. ед.** (**В.** для неодуш.) = **Р. мн.:**

Грамматики 1619 г. = 1648 г.	Грамматика 1721 г.
Р. мн.:	
-нулевая флексия	нулевая флексия + -ѡВЪ / ' -ѢВЪ
«Клеврѣтъ, прорѣкъ» ходо/агай, іерѣй, зной, крагѣй, любодѣй» (л. 43–73)	«Клеврѣт, ѡѣ, прѣкъ, пророкъ» (л. 39 об., 43–43 об.) ходатай, -ѣвъ, іерѣй, рѣѢвъ, зной, зноѢвъ, крагѣй, крагѣѢвъ, любодѣй, любодѣѢвъ» (л. 61–64)

В грамматической позиции **В. мн.** для существительных мужского рода с исходом на шипящий (тип «юноша») Поликарпов восстановил вариативность флексий **-А, -Ы**, заданную грамматикой 1619 г., предоставив выбор в снятии омонимии **И. ед. м.** (тип «юноша») = // **В. мн. м.:**

Грамматики		
1619 г.	1648 г.	1721 г.
В. мн.		
-А, -Ы	-Ы	-А, -Ы
«юношы и' юноша» (л. 37)	«юношы» (л. 99 об.)	«юношы и' юноша» (л. 34 об.)

В грамматической позиции **Р. ед.** у имен существительных женского рода с исходом на шипящий (тип «мрежа») Поликарпов объединил флексии, кодифицированные грамматиками 1619 г. и 1648 г., также предоставив выбор для снятия омонимии **И. ед.** = // **Р.ед.:**

Граматики		
1619 г.	1648 г.	1721 г.
Р. ед.:		
-А	-И	-А, -И
«мрѣжѧ» (л. 36 об.)	«мрѣжи» (л. 98)	«мрѣжѧ и жи» (л. 34)

Реализованная в грамматике 1721 г. идея «расширения» «славенского» языка давала возможность книжникам осуществлять выбор требуемых формантов для каждого контекста и тем самым актуализировать или нейтрализовать проблемы грамматической синонимии и омонимии.

Проведенное исследование норм «славенского» языка, явленных в грамматических трактатах 1619 г., 1648 г. и 1721 г., дало возможность получить четкие представления о центре и периферии, константах и переменных лингвистической рефлексии в культурно-языковом «пограничье» и в центре *Slavia Orthodoxa*. Центральной и постоянной для всех книжников являлась идея *правильности* языка, достижение которой прежде всего было связано с трансляцией культурно доминирующего греческого языка. Общим для книжников было и стремление к достижению *правильности* «славенского» языка посредством решения проблем *формальной избыточности* и *недостаточности*, однако пути решения этих проблем были различны. Так, решая проблему грамматической синонимии, Мелетий Смотрицкий и вслед за ним Михаил Рогов и Иван Наседка в большей мере реализовали в грамматиках принцип дифференциации элементов, тогда как Федор Поликарпов отдал предпочтение принципу вариативности. Определенные различия наблюдались и в решении проблемы грамматической омонимии: если для Михаила Рогова и Ивана Наседки снятие омонимии рассматривалось как жесткая необходимость, то для Мелетия Смотрицкого и Федора Поликарпова – как возможность.

Лингвистическая рефлексия, зафиксированная грамматиками церковнославянского языка, реализовалась и в книжной справе, осуществлявшейся в Московской Руси.

§2. Книжная справа XVII–XVIII вв. (Острожская Библия 1580 г. < Библия 1663 г. < Новый Завет 1673 г., Библия 1713–1720 г. // Библия Ф. Скорины 1517–1519 гг., Псалтырь А. Фирсова 1683 г.): библейские тексты на *правильном* // *понятном* литературном языке

2.1. Острожская Библия 1580 г. < Библия 1663 г. < Новый Завет 1673 г., Библия 1713–1720 гг.: библейские тексты на «*общем*» *правильном* литературном языке

Книжная справа в конфессиональной культуре являла собой процесс исправления богослужебных и библейских книг, имевший целью достижение *правильности* или *понятности* славянских конфессиональных текстов и языка. В зависимости от конкретной культурно-языковой ситуации книжная справа могла контролироваться духовной или светской властью, носить «соборный» или индивидуальный характер.

В культурно-языковом «пограничье» в XVI–XVII веках установка на греко-славянское духовное единение мотивировала книжную справа, основным принципом которой было следование библейских и богослужебных книг греческим образцам как источникам *правильности* на уровне текста и языка. Основным результатом филологической «работы» книжников Юго-Западной Руси явилось первое издание полной Библии на церковнославянском языке (Острожская Библия 1580 г.), которая определила перспективу библейской книжной справа в разных славянских культурно-языковых пространствах.

В основу Острожской Библии был положен список Геннадиевской Библии 1499 г., который исправлялся по греческим изданиям, вероятно, по Альдинской Библии 1518 г. [Алексеев 1999, 211–212]. Справе подвергались прежде всего книги, переведенные у Геннадия с латыни: эти книги были либо вновь переведены с греческого языка (1, 2 Паралипоменон, 1, 2 Маккавейские, Премудрости Соломона, главы 1–25 и 46–51 Иеремии), либо отредактированы по греческому источнику (1, 2 Ездры, Неемии), либо оставлены в переводе с латыни (Товит, Иудифь, 3 Ездры).

В Московской Руси второй половины XVII века декларированная патриархом Никоном книжная справа по греческим источ-

никам реально осуществлялась посредством выбора греческого образца и/или посредством выбора юго-западнорусского текста, исправленного по греческому образцу. Библейская справа пошла по пути «двойных» образцов: при издании Библии 1663 г. была использована Острожская Библия (корректурный экземпляр – РГАДА, ф. 1251, ед. хр. 149), которая в сложных случаях сверялась с греческим текстом, что подтверждается пометами писцов: «со греческого».

В предисловии к Библии 1663 г. специально подчеркивалось, что Московская Библия была напечатана по Острожской Библии «незмѣнно», кроме орфографии и «нѣкинухъ в малѣ именъ и реченій явственныхъ погрѣшеній».

«Явственные погрешения» на морфологическом уровне представляли, по мнению московских справщиков, аграмматизмы и формы, порождавшие омонимию или ограничивавшие синонимию.

Так, *формально-семантическими* «погрешениями», приводившими к аграмматизму, явились отдельные случаи отсутствия в Острожской Библии реализации грамматической категории одушевленности // неодушевленности:

Библия 1580 г.	Библия 1663 г.
пс. 105:19 «сѣтворѣша телець»	«сотворѣша телца»
пс. 28:6 «нѣтънигъ ѿ ѿко телець»	«нѣтънигъ ѿ ѿкѡ телца»

Формальные «погрешения» в Острожской Библии, по мнению московских справщиков, представляли имена существительные мужского рода в грамматической позиции **В. мн.** и имена существительные женского рода в грамматических позициях **Р. ед.**, **И.-В. мн.**, которые порождали омонимию по числу и падежу.

Так, имена мужского рода с исходом на мягкий согласный, шипящий и -ц- являли омонимию **Р. (В. для одуш.) ед. (-Ѧ, -ѧ) = В. мн. (-Ѧ)**, которая была устранена московскими книжниками посредством замены флексии **-Ѧ** флексией **-И** у существительных на мягкий согласный и шипящий, а также флексией **-Ы** у существительных на -ц- в грамматической позиции **В. мн.**:

Осуществленное в процессе никоновской библейской sprawy снятие омонимии у имен существительных женского рода в грамматических позициях **Р. ед., И.-В. мн.** явилось продолжением практики предшествующей иосифовской sprawy и в точности соответствовало рекомендациям грамматики 1648 г.:

Апостол 1644 г.	Грамматика 1648	Библия 1663 г.
Р. ед. ж.:		
-И	-И	-И
тип «Ѡ земля → Ѡ земли»	тип «лодіи, мрежи»	тип «Ѡ земля → Ѡ земли, Ѡ стража → Ѡ стражи»

В грамматической позиции **Р. мн.** существительные мужского рода в Острожской Библии также демонстрировали формальную недостаточность, выражавшуюся в омонимии **И. (В. для неодуш.) ед. = Р. мн.** Однако в этой позиции московские книжники снимали омонимию непоследовательно и использовали для снятия омонимии два способа – собственно грамматический, заключавшийся во введении нестандартных флексий **-ѠВЪ/-ѠВЬ**, и орфографический, предполагавший дифференциацию дублетных букв:

Библия 1580 г.	Библия 1663 г.
Р. мн.:	
Быт. 22:17 «Ѡ врагъ»	«Ѡ врагвѣ»
Иов 1:3 «Ѡ востокъ»	«Ѡ востокѣ»

Стремясь сохранить грамматическую синонимию, книжники восстанавливали нестандартные флексии, например, флексию **-Ѡ** у имен среднего рода с суффиксом **-ѠС** в **Р. ед.:**

Библия 1580 г.	Библия 1663 г.
Р. ед.:	
Быт. 22:11 «съ нб̄си»	«съ нб̄се»
Быт. 22:16 «ѡ нб̄си»	«ѡ нб̄се»

«Явственные погрешения» Острожской Библии на синтаксическом уровне представляли, по оценке московских книжников, конструкции, нарушавшие либо грамматическую семантику церковнославянского языка, либо формальное тождество греческого языка и церковнославянского.

Так, никоновские справщики, следуя рекомендациям грамматики 1648 г., которая совпадала в данном пункте с грамматикой 1619 г., заменяли конструкции с относительными местоимениями, согласованными с определяемым словом в роде, числе и падеже, на конструкции с относительными местоимениями, падеж которых зависел от модели управления глагола:

Грамматики 1619 г.=1648 г.

«Есть Аггикω свойство/ Славенскѡ ѡзыкѡ всакѡ странно/ Возносительномѡ со Предидущимѡ втождѡ падежи сочинягнса, напоследующий глѡ, ѡмже правнѡ быти емѡ достоаше/ нѡ единѡ възгладѡ ѡмдцемѡ: ѡкѡ, ποῦ εἰσὶ τὰ ἐλεῆ σου τὰ ἀρχαῖα, κύριε, ἃ ὤμοσας τῷ Δαυὶδ ἐν τῇ ἀληθείᾳ σου. Славенски превѣдено сице: Гдѣ сѡть мѡтѡ твоѡ дрѣвнѡ Гдѡ, ѡже клѡ Дѡдѡ во ѡстиннѡ твоѡй.... по Славенскагѡ ѡзыка свойствѡ превѣденѡм быти достоаше, Гдѣ сѡть мѡтѡ твоѡ дрѣвнѡ Гдѡ/ ѡмже клѡ еси Дѡдѡ во ѡстиннѡ твоѡй» (ГС, л. 204)

Библия 1580 г.	Библия 1663 г.
пс. 88:50 «Гдѣ сѣтъ мѣти твоѧ древнаѧ гѣ, ѣже клѣса двѣдѣ въ истинѣ твоеѣ»	«Гдѣ сѣтъ мѣти твоѧ древнѧ гѣ, имѣже клѣса двѣдѣ во истинѣ твоеѣ»
пс. 88:51 «помани гѣ поношеніе раѣ твоѧ... ѣже поносиша врази твоѧ»	«помани гѣ поношеніе рабѣ твоѧ, имѣ же поно- сиша врази твоѧ»
пс. 77:11 «завыша блгодѣаніи єго ичюдѣсѣ єго, и хѣже ѣви имѣ»	«завыша блгодѣаніѧ єгѡ, и чюдеса єгѡ, ѣже показа имѣ»

Равным образом, никоновские справщики, в соответствии с указаниями грамматик 1619 г. и 1648 г., восстанавливали формальное тождество греческих и славянских инфинитивных конструкций с целевым значением:

Грамматики 1619 г.=1648 г.
<p>«Нѣсть ѡбаче ѡрицѣтелно/ въ нѣконѣ мѣстехѣ сохрѣнено/ ѣже, многое пишемеѣ разѡмѣнѧ оудѡвѣе подавати, ѣкѡ во оуказѣ:</p> <p>ѡвнѣѡ ѡтатарѣ твоѣи Гди/ ѣже оуслышати мѣ гласѣ хвалѣ твоѣѧ.</p> <p>и, Бѡди мѣ въ Бгѣ защитѣтеля/ и въ доѣ прибѣжища ѣже спасти мѧ.</p> <p>и, Живи спѡве члчѣтинъ въ мѣрнѣлехѣ/ ѣже ѡнеправдѣти себѣ ѡ сѣты въ кѡпѣ.» (ГС, л. 221 об.).</p>

Библия 1580 г.	Библия 1663 г.
пс. 25:7 «ѠБЫДѸ ѠТАРѸТВОИ Г҃И. ОУСЛЫШАТИМИ ГЛАСЬ ХВАЛЫ ТВОЕѠ»	«ѠБЫДѸ ЖЕРТВЕНИ ^Ѡ ТВОИ Г҃ДИ. ѢЖЕ ОУСЛЫШАТИ МИ ГЛАСЬ ХВАЛЫ ТВОѠ»
пс. 61:10 «АЖИВИ СІВѸ ЧЛЧТІН Ѣ МѢРИЛЕХѸ, НЕПРАВДНИ ТІН Ѡ СЧЕТЫ Ѣ КѠПѸ.»	«АЖИВИ СЫНѠВЕ ЧЕЛОВѢЧЕСТИН, Ѣ МѢРИЛЕХѸ ѢЖЕ НЕПРАВДАТИ, ТІН Ѡ СЧЕТЫ Ѣ КѠПѸ.»
пс. 30:3 «БѸДИМИ Ѣ Б҃ГѸ ЗА ЩИТИТЕЛЬ, ИВѸ ДОМѸ ПРИБѢЖИ ЩА СП҃ТИ МѠ»	«БѸДИ МИ Ѣ Б҃ГА ЗАЩИТИТЕЛА, И Ѣ ДОМѸ ПРИБѢЖИЩА ѢЖЕ СПАСТИ МѠ»

Определивший собой новый этап книжной sprawy библейский перевод, выполненный Епифанием Славинецким, привел к усилению формально-семантической трансляции греческого языка в церковнославянский язык [Новый Завет 2002]. При этом максимальная грецизация проявилась в синтаксисе, например, в жестком соответствии греческих и славянских инфинитивных конструкций с целевым значением:

«ὁὶὸς τοῦ ἀνθρώπου παραδίδοται εἰς τὸ σταυρωθῆναι
= «СНѸ ЧЛЧЕСКІИ ПРѢДАЕТСѠ ВѸ ѢЖЕ УКРЕСТВОВАТИСѠ» Мф. 26:2,

βαλοῦσα γὰρ αὐτὴ τὸ μύρον τοῦτο ἐπὶ τοῦ σώματος
μου πρὸς τὸ ἐνταφιάσαι με ἐποίησεν

= «ВОЗЛІАВШИ БО СІѠ МУРО СІѠ НА ТѢЛО МОѠ, КѸ ѢЖЕ
ПОГРЕВСТИСѠ МНѸ СОТВОРИ» Мф. 26:12.

Результатом данной установки в области морфологической sprawy явилось изменение характера реализации грамматической категории числа: в соответствии с новопечатным греческим библейским текстом формы двойственного числа заменялись на формы мн. ч.:

«ДВѸ РЫБЫ» Мф. 14:17, 19, «ДВѸ РѸККИ ИЛИ ДВѸ НОГИ» Мф. 18:8,
«ДВА СЛѢПЦЫ» Мф. 20:30.

Разрешая проблему *формальной недостаточности*, Епифаний Славинецкий расширил зону снятия омонимии, устранив у существительных мужского рода в грамматической позиции **Р. мн.** нулевую флексию и закрепив в качестве нормативного показателя только флексию **-ѡВЪ/ '-ѢВЪ**:

«Ѡ человекѡвъ» Мф. 6:2, «Ѡ прескѡтерѡвъ, и Архїерїевѡвъ, и писменникѡвъ» Мф. 16:21, «Ѡ востокѡвъ» Мф. 24:27.

Петровская справа начала XVIII века явилась логическим продолжением иоакимовской справа, поскольку основной установкой, которой руководствовались московские книжники, оставалась установка на формально-семантическое тождество греческого оригинала и славянского перевода.

Грекоориентированная позиция проявилась в области морфологической справа в поддержании реализации грамматической категории числа, представленной в Новом Завете Епифания Славинецкого: формы двойственного числа петровские справщики последовательно заменяли во всех библейских книгах формами множественного числа (здесь и далее правка приводится по рукописи ГИМ, Барсов. 8, в которой текст разделен на две колонки: «старое», т. е. текст Библии 1663 г., и «приправленное», т. е. текст новой Библии 1713–1720 гг.):

Библия 1663 г.	Библия 1713–1720 гг.
ГК числа: формы дв. ч.	ГК числа: формы мн. ч.
<i>старое</i>	<i>приправленное</i>
Быт. 4:1 «Ѡ рѡкѡ твою»	«Ѡ рѡки твоѡ»
Быт. 1:16 «дѡвѡ свѣтїлѡ»	«два свѣтїла»
Быт. 4:19 «дѡвѡ женѡ»	«дѡвѡ жены»
Быт. 9:27 «братѡма своїма»	«братїамѡ своїмѡ»

Продолжая традиции книжной справы XVII века, петровские книжники поддерживали также независимую от греческого влияния формальную правильность текста, корректируя употребление стандартных и нестандартных флексий, порождавших *формальную избыточность*. Так, в грамматической позиции Р. ед. стандартная флексия **-И** исправлялась на нестандартную флексию **-Ѣ** у существительных женского и среднего рода с подвижной словообразовательной структурой:

Библия 1663 г.	Библия 1713–1720 гг.
Р. ед. ж., с.:	
-И	-Ѣ
<i>старое</i>	<i>приправленное</i>
Ис. 3:4 «крѡви»	«крѡве»
Лев. 18:17 «дщѣри»	«дщѣре»
Лев. 19:12 «ѣмени»	«ѣмене»

Равным образом, в грамматической позиции **И. мн.** стандартная флексия **-И** заменялась на нестандартную флексию **-ІѢ** у имен существительных мужского рода:

И. мн. м.:	
-И	-ІѢ
<i>старое</i>	<i>приправленное</i>
Быт. 17:16 «цари»	«царіе»
Быт. 18:16 «мѹжи»	«мѹжіе»

Разрешая проблему *формальной недостаточности*, петровские книжники у имен мужского рода в Р. мн. исправили нулевую флексию на флексию -ѡвѣ/ -ѡвѣ, а в Т. мн. флексию -ѣ на флексию -ѣми:

Библия 1663 г.	Библия 1713–1720 гг.
Р. мн. м.:	
<i>старое</i>	<i>приправленное</i>
Быт. 1:25 «гáдъ»	«гадóвъ»
Быт. 3:14 «скóтъ»	«скотóвъ»
Быт. 32:14 «овéнь»	«овно́въ»
Быт. 44:19 «ра́бъ»	«раво́въ»
Ис. 34:17 «вóгъ»	«вогóвъ»
Лев. 3:12 «ѡ козéлъ»	«ѡ козлóвъ»
Т. мн. м.:	
Быт. 1:26 «скоты, гады»	«скотáми, гадáми»
Лев. 24:7 «съ хлѣбы»	«хлѣбáми»

Результаты петровской книжной справки повлияли на исправления в системе грамматических норм, представленных в грамматике 1721 г.: дв. число «нѣ мало употребляемо» (Г 21, л. 116).

Синтаксическая книжная справка, проведенная петровскими книжниками, обнаруживала тенденцию к расширению сферы употребления синтаксических гречизмов в соответствии с греческим источником:

Библия 1663 г.	Библия 1713–1720 гг.
Быт. 32:23 «преведе все свое»	«преведе вса своа» πάντα τὰ αὐτοῦ
Быт. 35:3 «БгѸ, нже послѸша мене»	«БгѸ, послѸшавшемѸ мене» τῷ ἐπακούσαντί μου

Исследование правленных библейских текстов показало, что книжная справа в Юго-Западной и Московской Руси поддерживала *правильность* церковнославянского языка императивных текстов посредством коррекции употребления синтаксических грецизмов и грамматических синонимов, а также посредством снятия грамматических омонимов, что соответствовало рекомендациям грамматики Смотрицкого и ее московских редакций, т. е. имело место единство аналитической и синтетической кодификации.

2.2. Библия Ф. Скорины 1517–1519 г., Псалтырь А. Фирсова 1683 г.: библейские тексты на «своем» понятном языке.

Библейская книжная справа в культурно-языковом «пограничье», проводившаяся в рамках традиционного церковнославянского языка, явилась реакцией на библейские тексты, переведенные на «простой» «русский» язык. Первый опыт литературного языка, концептуально противопоставленного церковнославянскому, был явлен в начале XVI века вне пределов культурно-языкового «пограничья», но был адресован носителям «русского» языка Великого княжества Литовского: между 6.8.1517 г. и 15.12.1519 г. «у старом месте Празском» была издана «Библия рѣска» Франциска Скорины.

«**БИБЛИЯ РѢСКА**» представляла собой совокупность изданий, вышедших «Повѣщеніемъ Працею Ївѣкладомъ Їзѣрнанного Мѣжа в лѣкарскихъ надкахъ Доктора Франциска, Скоринина сына Шполоїка: Псалтыр, Книга Іѡва, Притчи Саломона, Книга Ісуса Сирахова, Ёклесіастесъ, Песнь песнямъ, Премѣдрость Божна, Книги Царствъ, Книги Ісуса Навина, Іѣдиѡвъ, Книги Судей, Книги бытїа, Исходъ, Левитъ, Числа, Второй законъ, Рѣкъ, Ёсѣеръ, Плачь Бремїинъ, Книги Данила пророка» [Біблія 1990-1991].

Феномен Библии Франциска Скорины заключается в том, что она имеет «двойной» языковой статус, поскольку входящая в ее состав Псалтырь написана, по заявлению самого Скорины, «словенскимъ языкомъ», а все остальные книги написаны «рѣскимъ языкомъ». Исследователи радикально расходятся в понимании «рѣского языка» Библии Скорины, считая его либо церковнославянским языком [Соболевский 1888; Флоровский 1940-1946], либо старобе-

лорусским языком [Владимиров 1888; Карский 1903; Ломтев 1945], либо гибридным языком, полагая, что Скорина, «сохранив церковно-славянскую базу текста, подновил ее живой, народной в основе своей, белорусской речью» [Толстой 1998, 115]. Такое же несовпадение мнений наблюдается и при установлении источников Библии Франциска Скорины: в гипотетический состав источников включают чешские Библии [либо печатную Библию 1506 г., либо рукописные Библии], церковнославянскую Геннадиевскую Библию, Вульгату, неизвестную польскую Библию [Владимиров 1888; Флоровский 1940–1946; Соболевский 1888; Копреева 1979].

Проведение структурного анализа позволило реконструировать сложный механизм порождения текста, основанный на смене культурно доминирующих языков: Франциск Скорина отказывался от греческого языка, транслированного в церковнославянский, и ориентировался на чешский литературный язык [Запольская 1993, 1999].

Диагностической зоной элиминации греческого языка являлась синтаксическая зона. Так, например, для выражения целевых значений Скорина использовал наряду с конструкцией «еже + инфинитив» глагольно-личные не книжные конструкции «а + конъюнктив»:

«И все множество целымъ сердцемъ молишесѧ гдѣ богу,
абы посетилъ людей своихъ Израилангъ» (Иуд. 4),

«Быновѣ... молишесѧ, абы гдѣ богъ показалъ милосердіе
свое надлюдми своими» (Иуд. 7),

«Службу на нхъ наложилъ абы делали плиты и ставили
грады» (Иуд. 5).

В диагностическую морфологическую зону трансляции чешского языка входила грамматическая категория лица.

Так, в глагольном ряду, включавшем формы прошедшего времени, центральное положение занимали аналитические формы «перфекта», имевшие непосредственную формально-семантическую «поддержку» в чешском литературном языке [Gebauer 1958–1963; Селищев 1941]:

чешский язык		«рѣскии языкъ» Библии Скорины	
ед.	мн.	ед.	мн.
1. -1 + jsem	-1 + jsme	-л + есмъ, есми	-л + есмо
2. -1 + jsi	-1 + jste	-л + еси, есь	-л + есте
3. -1 ± jest	-1 ± jsu	-л ± есть	-л ± сътъ

1 ед.: «Ср/д/це вѣоуици потешивалъ есмъ» (potešoval jsem) Иов. 29; «Вышла есми (vyšla jsem) Вселе полна» Руф. 1.

2 ед.: «Иже предадъ еси (dals) насъ вѣще враговъ нашихъ нелютоствивыхъ ѳзакону престѣпниковъ» Дан. 12.

3 ед.: «И поставилъ (postavil) ѳ наполни Дурамъ костране Вавилонстен. И такъ послалъ есть (poslal jest) Навѣходносоръ Царь созвати. Кнзѣи велѣможъ Сѣден ...» Дан. 3.

1 мн.: «И несть ѳ насъ часовъ сихъ ... дабы есмо могли (mohli jsme) знайти мнлостъ твою» Дан. 12.

3 мн.: «Иходили сѣтъ (hodili jsu) посрѣди пламени хвалаце бога» Дан. 12; «Тыи пакъ понали (pojali) собе жены Моавланки». Руф. 1.

Наряду с ведущими аналитическими формами в роли допустимых вариантов употреблялись синтетические формы аориста и имперфекта, в основном в грамматических позициях 1 и 3 ед./мн.:

1 ед.: «Сѣ ѳчинихъ тобѣ пословѣи твоѣму, Идалъ есми тобѣ сердце мудро ѳразумно.» 3 Цар. 3; / «Но ѳтыѣ речи ѳхъ же еси неспросилъ дахъ тобѣ.» 3 Цар. 3; «И поставилъ есмь Храмъ ѳмени гѣа бога Израйлева». 3 Цар. 8; / «многимъ более Храмъ сеи ѳго же поставихъ ѳмени твоѣму» 3 Цар. 8.

3 ед.: «Снѣ внигда ѳслышалъ естъ Царь Вааса, престалъ ставити Рамы.» 3 Цар. 15; «Снѣ внигда ѳслышалъ пророкъ той старыи ... ѳ рече.» 3 Цар 13; / «И внигда ѳслыша Царь Ёровоамъ слова мѣжа возни глаголющего натревникъ той ... рече». 3 Цар. 13; «И Царѣтвовалъ ест Ёсофатъ сынъ ѳго понѣмъ. И Царѣтвовалъ самъ вместо ѳго. / И Царѣтвова дѣе

летѣ.» 3 Цар. 15; «И стоѣлъ ѣсть ѡселъ подле телеси мер"т-ваго И Левъ стоѣше посполу сним". 3 Цар. 13; «[Вен"гаверь] ... владель всею страной Ар"гов"скою / Авинадавъ сынъ Ад"донн владше В"манайме» 3 Цар. 4.

3 мн. «Имже согрѣшили сѣтъ» 3 Цар. 16; / «Онже сѣгрѣ-шиша предъ тобою.» 3 Цар. 8; «Ирекли сѣтъ кнемѣ» 3 Цар. 20; / «Шещашаже вси людѣ ирекоши» 3 Цар. 18; «И послани КоѢзавели глаголюще..» 3 Цар. 21; / «Послаша понего ипо-зваша и» 3 Цар. 12; «и два Львовѣ стоѣли ѹкаждоѣ рѣки» 3 Цар. 10; / «Онже стоѣхѣ предъ Царемъ» 3 Цар. 4.

Использование форм аориста и имперфекта могло иметь стерео-скопическую мотивацию, поскольку могло быть и данью церковно-славянской традиции, и в то же время могло иметь непосредственную или опосредованную «поддержку» чешского литературного языка.

Зависимость от церковнославянской языковой традиции имела прежде всего текстуальный характер, поскольку обнаруживала себя в параллельных чтениях, «заданных» в языковом сознании текстом Псалтыри, «словенскии» статус которой Скорина сознательно не менял.

Ср.: «Сѣгрѣшихомъ сошци нашими, безаконовахомъ инебправ-днхомъ.» Пс., 188 ⇒ ⇒ «Согрѣшихомъ ибезаконовахомъ инебправдн-хомъс.» 3 Цар. 8; «Согрѣшихомъво ибез"закон"не чинихомъ». Дан. 3.

Разрешение на употребление аориста и имперфекта, идущее от церковнославянской Псалтыри, могло подтверждаться состоя-нием чешского литературного языка, который потенциально допу-скал свободную вариацию аналитических и синтетических форм. Существенно лишь то, что степень использования синтетических форм была различна, о чем свидетельствуют разные редакции чешских Библий:

Оломоуцкая Библия 1417 г. ⇒ Библия 1506 г.

[Dvě ženě] tiem činem sě sváriešta (krykowały) před králem...
A když přinesechu (przinesli) meč před krále, i vecě (rzekl) král:
«Rozdělte dietě živě ve dvě ciesti, dajtež polovici jedné a polovici

druhé. Tehdy vecě (odpowiedziela) ta žena, jejíž syn bieše (byl) živ, k královi, neb sú sě zarmútila třěva jejie nad jejím synem: “Proši toho, pane, dajte jie dietě živě a nerod’te jeho zabíjěti”. Proti tomu druhá vecě (odpowiedziela): “Ani tobě ani mně bud’, ale nechat’ je rozdělé”. K tomu odpovědě (wydal saud a rzekl) a řka: “Dajte této diete živě a nezabíjějte jeho, nebot’ ona jest máté jeho». 151b [Staročeska Bible 1988, Biblij Česka 1506].

Помимо указанных регулярных вариантных форм в контексте прямой речи встречались формы типа «пришлахъ», традиционно интерпретируемые как формы с нарушением грамматической семантики, т. е. как гиперкорректные образования:

«Йегда рано встала ихотелахъ накор’мити сына моего видехъ его мер’тва. Нанегоже внегда пила не поглѣдела есмн вденъ ѡсный позналахъ иже неестъ мой егоже родихъ» 3 Цар. 3.

Однако именно эти формы являются наиболее показательными для подтверждения идеи о регулирующем участии западнославянской языковой стихии в языке Библии Франциска Скорины, поскольку эти формы калькируют диалектные формы типа «gobilach», которые могли окказионально употребляться в литературном языке.

Формально-семантическая «производность» «русского языка» Библии Франциска Скорины от чешского литературного языка дает возможность представить механизм порождения «ново выложеныхъ на рускии языкъ» библейских книг как механизм «грамматического подобия», предполагавший репрезентативность форм, демонстрировавших сходство с формами избранного языка-образца: если чешский язык «поддерживал» исходную некнижную форму, то она становилась единственным нормативным элементом, если же чешский язык «поддерживал» исходную книжную форму, то ей отдавалось оправданное предпочтение, что приводило к вынужденному синтезу некнижных и книжных форм.

Однако установленные структурные особенности «русского языка» Библии Франциска Скорины требуют функционального объяснения, т. е. необходим переход от понимания того, как Скорина использовал язык, к пониманию того, чем была мотивирована его языковая деятельность, т. е. какова была его лингвистическая рефлексия.

Формально-семантическая ориентация на чешский литературный язык, имевший несомненный некнижный субстрат, позволяет предположить, что Скорина мыслил свой «ру́сский язы́къ» как равнофункциональный чешскому литературному языку, т. е. как «простой» литературный язык. Доказательством этого служит лингвистическая рефлексия самого Франциска Скорины, выразившаяся в предисловиях и послесловиях к «ново выложенымъ» библейским книгам, которые содержат обоснования мотивов и условий использования «ру́сского язы́ка» в Священном Писании. Так, основной причиной, побудившей Скорину перевести Библию на «ру́сский язы́къ», являлась достигаемая этим *понятность* библейских текстов, позволявшая сделать доступным как религиозное знание, так и знание вообще, знание как принцип, обеспечивавший духовное и интеллектуальное общение: «Понеже нетолко Докторове ѿ люди вченые внихъ разумеють. Но всакни человек' простыи исполитыи ч' тучи и' или слухаючи можетъ поразумети что естъ потребно кдушному спасению его ... Тѣ Научение сед' ми наѣкъ вызволенныхъ достаточ'ное» (Быт., 3–5). При этом, утверждая, что «библиа руска выложена вог' кочти й людемъ посполитымъ кдвормъ научению» (Быт., 1). Скорина непосредственно следовал за чешскими реформаторами, переводившими библейские тексты на чешский язык «к похвале божией и к благу верных чехов и мораван» [Мыльников 1990, 258]. Равным образом, гуманистический тезис о том, что «истина и добро тем похвальнее, чем шире они распространены», делает понятным и представления Скорины о своей переводческой деятельности как о личной просветительской миссии. Настойчиво подчеркивая, что «имы братниа неможем' ли вовеликиѣ послужити посполитому люду рускаго язы́ка сие малые книжки праца нашее приносимо имъ» (Лев., 4–5), Франциск Скорина словно продолжал просветительский диалог с миром, начатый еще Л.-Б. Альберти, заявлявшим: «и не похвалит ли меня, скорее, человек благоразумный за то, что, пользуясь языком понятным, я больше стараюсь помочь многим, чем нравиться немногим» [Альберти 1937, 172]. Считая принципиально возможным перевод Библии на «ру́сский язы́къ», Скорина руководствовался идеей «преемственности» литературных языков, позволявшей включить и «ру́сский язы́къ» в духовную генеалогию литературных языков: «Өбѣдоси же ѹчитель великии Греческаго Язы́ка

Выложилъ хал"дейскаго писма нагреческоѣ. И светынъ Ёронимъ налатин"скоѣ зупол"не ... Ёзъ теже недостойнынъ последовникъ нъ нароженный в рѹскомъ "языку спомощию божию ... выложихъ ... на рѹс"кнн "языкъ зуполн"е» (Дан. 8). Точное следование главенствующей идее «преемственности» всех «простых» литературных языков по отношению к «классическим» и в то же время понимание «уподобления» как органического усвоения реального текста-источника и реального языка-источника объясняют отсутствие вербально выраженного указания на чешскую Библию и чешский литературный язык. Аналогичное отношение к «простым» и «классическим» языкам наблюдалось и в польской традиции, например, Библия 1561 г., фактически переведенная с чешской Библии 1506 г., декларировалась как перевод с латыни: «Biblia ná Polski język według Łacińskiej Bibliey nowowylózona» [Карский 1896, 34].

Приведенные аргументы свидетельствуют о том, что Скорина, получивший образование в Кракове и в Падуе и создававший библейский свод в Праге, безусловно воспринимал свой «рѹскии "языкъ» в координатах латинского мира, т. е. как один из «простых» славянских литературных языков, функционально равный чешскому литературному языку, образцовому литературному языку *Slavia Latina*, обретшему свое «достоинство» в функциональной оппозиции к латыни. Однако, обращая свой литературно-языковой труд «людѣмъ посполнымъ рѹскаго "языка», Скорина естественно сохранял «общую» славянскую языковую память, воспринимая «словенскын "языкъ» как «общее» языковое прошлое славян, реально явленное в текстах, хорошо известных именно «людѣмъ в рѹскомъ "языку» нароженныхъ». Рассматривая «словенскын "языкъ» и «рѹскии "языкъ» более в хронологической оппозиции, чем в функциональной, Скорина проводил историческую аналогию между отношениями «словенского "языка» и «рѹскаго "языка» и отношениями «хал"денскаго "языка» и «евренскаго "языка»: Псалтырь в Библии Скорины была «тиснѹта» рѹскыи словами "словенскыи" "языкомъ» (Пс, 6), равно как Книга пророка Даниила была написана «Во"уден Хал"дейскимъ "языкомъ" "евре"йскыи словами» (Дан. 7), «евре"йскнн "языкъ он" же подовень естъ Кохал"дейскому понеже Евре"и вышнн сѹтъ Ѡ хал"ден» (Есф. 3). Именно осознание «словенского

языка» как в большей степени «своего» прошлого и позволило Скорине объединить в Библии «нерушаючи ни в чьмъ же» церковнославянскую Псалтырь, явившуюся результатом действия традиционного механизма репродукции, и «ново выложенные на рускии языкъ» остальные библейские книги, порожденные посредством нового механизма грамматического подobia.

Сознательная языковая дифференциация в Библии Скорины позволяет выделить два основных источника — церковнославянскую Псалтырь и чешскую Библию, однако не традиционно называемую печатную Библию 1506 г., которая отнюдь не всегда дает текстуальные совпадения с Библией Скорины и которая лишена маркированных форм, а вероятно другую чешскую Библию, чей поиск следует вести, привлекая рукописное наследие.

Итак, принадлежа одновременно культурно-языковому пространству *Slavia Latina* и культурно-языковому «пограничью», Скорина обладал несомненным панорамным мышлением, позволившим ему соединить славянские традиции и новации.

Восприятие «русского языка» Библии Скорины и отношение к нему читателей Библии зависело от того, к какому культурно-языковому ареалу они относились и какие языковые принципы они разделяли.

В латинском культурно-языковом пространстве «рускии языкъ» Библии Скорины воспринимался и признавался как один из «простых» литературных языков, достигший «достоинства», воплотившись в библейских текстах. Так, профессор Падуанского университета Тезей А. Альбонези издал в 1539 г. «Введение в язык халдейский, сирийский, армянский и десятки языков других», где в качестве примера «русского» языка поместил цитату из 2 Книги Царств Библии Скорины. Опосредованное участие Библии Скорины в языковой полемике в координатах культурно-языкового пространства *Slavia Latina* могло наблюдаться также в 30–40 гг. XVI века, когда обострились споры о возможности перевода Священного Писания с латыни на польский язык. В этот период появились библейские тексты на «простом» польском языке, в предисловиях к которым содержались языковые установки, вербально совпадавшие с языковыми установками Скорины: так, в 1539 г.

была издана Псалтырь (Zoltarz Dawidów Walentego Wróbla), в предисловии к которой указывалось, что польский перевод служил «pospolitemu człowieku naszego języka» [Klemensiewicz 1981, 229].

Поскольку Библия Франциска Скорины была первой печатной (хотя и неполной) «русской» Библией, широкое распространение она получила в культурно-языковом «пограничье», где была представлена как в монастырских библиотеках, так и в частных книжных собраниях, владельцы которых принадлежали к разным конфессиям. Актуализация в духовном «пограничье» функциональной оппозиции церковнославянского и «простого» «русского» литературного языка, калькирующей оппозицию латыни и польского языка, мотивировала принципиально разное восприятие Библии Скорины.

Так, православные приверженцы церковнославянской традиции, оценивавшие свою языковую ситуацию в координатах Slavia Orthodoxa, принимали отдельные книги Библии Скорины, но не принимали языка: считая «рѣскии» и «словенскии» синонимами, они полагали, что «рѣскии языкъ» Библии Скорины несколько испорчен некнижным языком. К числу таких языковых традиционалистов принадлежал, например, некто Василий Жугаев из Ярославля Галицкого, составивший в 1568 г. рукописный библейский сборник, в который включил некоторые книги из Библии Скорины с предисловиями и послесловиями к ним, заменив при этом имя Скорины своим: «протожь ѿ василии жжгае^а снь зъ ярославля в лѣкарскы^х наоука^х докторь ... каза^а есми списати книгоу стго ішва ржскы^а языко^а богу къ чти и людем посполнтымъ къ наоученню». Однако в языковом плане рукописный сборник оказался противопоставлен изданиям Скорины, так как Василий Жугаев провел определенную «окнижняющую справу», пытаясь вернуть Библию Скорины к исконной церковнославянской традиции: «поминѹла есми → поминоуѹхъ, видели есте → видѣсте, поживалъ → пожива» [Анічѣнка 1966].

Книжники, принадлежавшие к разным конфессиям, но оценивавшие свою языковую ситуацию сквозь призму Slavia Latina, воспринимали «рѣскии языкъ» Библии Франциска Скорины как «простой» литературный язык и противопоставляли его в своем культурно-языковом контексте церковнославянскому языку. Лега-

лизация «простого» литературного языка привела к появлению библейских текстов, функционально тождественных Библии Скорины и обнаруживавших явную зависимость в выражении языковой установки: так, православное Пересопницкое евангелие 1556–1561 гг. было переведено «*На мову рѣцкуюю... дла̄ лепшо̄ вѣро-зүмленя̄ лѣдоу хр̄тіанско̄ посполитого̄*», арианский Катехизис Симона Будного 1562 г. был издан «*дла̄ просты̄х люде̄ӣ языка̄ рѣцкого̄*», а сочинианское евангелие Василия Тяпинского 1570 г. было издано параллельно на церковнославянском языке и на «простой мове» «*дла̄ лепшого̄ разүмү*» [Martel 1938]. Следуя одним языковым установкам, авторы текстов на «простом» языке могли реализовать тот же механизм подобия, но только применяли его к польскому языку как к языку-образцу, чем и объясняется различие манифестаций «простого» языка.

Устойчивое бытование церковнославянского языка как символа православной веры препятствовало распространению в культурно-языковом пространстве *Slavia Orthodoxa* общеевропейской концепции «простых» литературных языков. Только культурно-языковое влияние Юго-Западной Руси на Московскую Русь во второй половине XVII века задало возможность рефлексии над *понятностью* литературного языка и как следствие возможность появления текстов на «простом» языке, противопоставленном традиционному церковнославянскому языку по признаку *понятности*, что делало такие тексты маргинальными функциональными репрезентантами «латино-славянского» мира.

Пожалуй лишь один конфессиональный текст на языке, отличном от традиционного церковнославянского, был создан в XVII веке в самой Москве: в 1683 г. появилась Псалтырь [Псалтырь 1989, далее ПсФ], в предисловии к которой утверждалось, что «*преведена сія свѣтая вѣдоухновенная книга ѱалтїрь, на нашъ простон, швыклон словенскоӣ языкъ*» «*трѣды же и снисканїем Аврамїа Панкратїева сїна Фирсова*» (ПсФ, 23). Отсутствие достоверных биографических сведений об Авраамии Фирсове и, следовательно, о его языковой компетенции существенно осложняет решение вопроса о структурно-функциональном статусе языка переведенной им Псалтыри.

Исследователи Псалтыри Фирсова значительно расходятся в интерпретации функциональных параметров языка, характеризуя его либо как «народный русский язык», не дистанцированный от разговорного языка, либо как «упрощенный» вариант традиционного церковнославянского языка, перешедший из сферы светских текстов в сферу конфессиональных текстов, либо как «простой» язык, противопоставленный «классическому» церковнославянскому [Целунова 1985; Успенский 2002, 491]. Некоторое единство мнений наблюдается лишь при характеристике структурных показателей языка Псалтыри Фирсова, поскольку проведенные исследования продемонстрировали ориентацию «простого словенского языка» на польский литературный язык [Целунова 1985]. Выявленное польское влияние позволило отказаться от первоначальной идеи перевода Псалтыри Фирсова с немецкого языка и мотивировало формирование гипотетического корпуса польских источников, в который включаются четыре Библии: Брестская (Радзивилловская) Библия 1563 г., Библия Симона Будного 1572 г., Краковская Библия Якуба Вуйка 1599 г., Гданьская Библия 1632 г.

Соединение структурно-функционального анализа языка Псалтыри с реконструкцией *лингвистической рефлексии* Авраамия Фирсова позволило внести некоторые коррективы в существующие представления о языке и источниках данного текста.

Обращение к синтаксическому уровню «простого словенского языка» позволило выявить последовательную элиминацию конструкций, ориентированных на греческие модели.

Стремясь к тому, чтобы «*Ѡ читанія слова бжїя с разумом множилась в члвцѣх вѣра*» (ПсФ, 25), Фирсов заменял конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. мн. на конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. ед., конструкции с относительными местоимениями с полным согласованием — на конструкции с относительными местоимениями с неполным согласованием, причастные и инфинитивные конструкции — на глагольно-личные конструкции (для сравнения приводится текст Острожской Библии 1580 г., повторенный Библией 1663 г.):

Библия 1580 г. = Библия 1663 г.	Псалтырь Фирсова 1683 г.
<p>пс. 8:7 «вѣа покорѣнѣ ѣси по^а нозѣ ѣго»</p> <p>πάντα ὑπέταξας ὑποκάτω τῶν ποδῶν αὐτοῦ</p>	<p>«Все покорил еси под нозѣ егѡ».</p>
<p>пс. 77:11 «забыша бл̄годѣнїи ѣго ꙗ̄чюдѣсѣѣго, ꙗ̄хѣже ꙗ̄ви ѣмѣ»</p> <p>καὶ ἐπελάθοντο τῶν εὐεργεσιῶν αὐτοῦ καὶ τῶν θαυμασίων αὐτοῦ, ὧν ἔδειξεν αὐτοῖς</p>	<p>«Забыли бл̄годѣнїе егѡ, и дивныя чѡдеса егѡ которыя нмѣ показал».</p>
<p>пс. 2:4 «Живыӣ нанѣсехѣ посмѣетса ѣмѣ»</p> <p>ὁ κατοικῶν ἐν οὐρανοῖς ἐκγελάσεται αὐτούς</p>	<p>«Но ти иже живетѣ в нѣбси, посмѣетса нмѣ».</p>
<p>пс. 33:17 «лицѣ же г̄не на творѣщаа злая, еже потребити ѱ земля памѣть нѣх»</p> <p>πρόσωπον δὲ κυρίου ἐπὶ ποιῶντας κακὰ τοῦ ἐξολεθρεῦσαι ἐκ γῆς τὸ μνημόσυνον αὐτῶν</p>	<p>«Но лице г̄с̄дне на творѣщаа злая, дабы искоренна со земли памѣть нѣх».</p>

Наиболее показательным примером отталкивания от греческого синтаксиса и ориентации на польский синтаксис являлось инвариантное употребление глагольно-личных конструкций «да + конъюнктив» для выражения целевых значений:

«Из ѹсть младенець, и еще ссѡцихъ дѣток, совершила еси истинную хвалѹ твою предъ враги твоими, дабы еси сокрѣшила врага и мстителю» (8:3),

«Дабы тебе творила славу гласомъ великимъ, и повѣдалъ вся чюдеса твоя» (25:7),

«Таковыи языкъ свон стрежетъ ѡтъ злаго, и ѹстнѣ твои дабы не глаголали лести» (33:14),

«Очи гѣни ѡтворени сѣть, на праведныя, и ѹши егѡ в мѡтвѹ нхъ. Но лице гѣдне на творящыя злая, дабы искоренилъ со земли память нхъ» (33:17),

«Ожидали гѣда, и сохрани пѣти егѡ, а онъ тя возвыситъ, дабы еси наследилъ землю, а ѹзриши егда потреблятися бѣдѣтъ грешницы» (36:34),

«Реклъ самъ в себѣ, бѣдѹ сохрѣяти пѣти моя, дабы не согрѣшилъ языкомъ моимъ» (38:2).

Обращение к морфологическому уровню «простого словенского языка» дало возможность не просто выявить некоторую формальную ориентацию языка Псалтыри Фирсова на польский язык, а установить наличие императивного польского языкового участия [Запольская 1999а].

Проведенный ранее традиционный статистический анализ глагольного ряда, включавшего формы прошедшего времени, продемонстрировал лишь количественный состав форм без учета их отношений: указывалось, что «71,5 процентов всех форм прошедшего времени представлены образованиями на -Л (нормативный характер которых следует объяснять характером ориентации переводчика на польский язык), перфект со связкой составляет 15,1 процента форм, аорист — 13,1 процента, а имперфект — 0,3 процента общего количества форм прошедшего времени» [Целунова 1985, 15].

Структурный анализ позволил увидеть не вариативность форм прошедшего времени, а определенную формально-семантическую дистрибуцию.

Так, следует признать, что центральное положение в глагольном ряду занимали не только синтетические, но и аналитические формы

перфекта, распределение которых давало возможность адекватно транслировать грамматические категории рода+лица, релевантные для форм прошедшего времени в польском языке:

польский язык		«простой словенский язык»	
ед.	мн.	ед.	мн.
-ł...m	-ł...śmy	-ł	-ł- ЕСМЫ
-ł...s	-ł...ście	-ł ЕСИ	-ł- ЕСТЕ
-ł	-ł...	-ł	-ł-

1 ед.: «Рассуди же мене гѣди, понеже аз ходилъ (chodzil) в невинности мои» (25:1),

2 ед.: «Ты оставил еси (tyś odpuścił) гѣди вину грѣховъ моихъ» (31: 5),

3 ед.: «Которон сотвори (stworzył) небо и землю, море и вся яже в нихъ есть» (145:6),

1 мн.: «На рѣкахъ вавлонскихъ тамо сѣдѣли (siedzieliśmy) есмы и плакали, (plakaliśmy) воспоминающе сишнѣ» (136:1),

3 мн.: «Бгда молчал состарѣлися (zastarzały się) кости моѣ с въздыханіемъ моимъ на всякіи днѣ» (31:4).

Находившиеся на функциональной периферии формы аориста и имперфекта могли служить дополнительным регулятором грамматической категории лица, так как употреблялись в 1 лице и в 3 лице преимущественно ед. ч. и снимали омонимию л-форм:

1 ед.: «Обаче чрезъ четьредесятъ лѣтъ имѣл спор, с тѣмъ народомъ и реклъ» (94:10) // «рѣхъ, исповѣмъ тебѣ беззаконіе мое гѣди» (31:5),

3 ед.: «И реклъ, ннѣ позналъ иже та есть штемна десницы вышнѣгш» (76:11) // «Рече беззѣменъ в срѣдцѣ своемъ, иже нѣсть бѣга» (52:2).

Предполагаемая дополнительная формально-семантическая мотивация употребления аористных и имперфектных форм могла входить в более общую предельно формальную мотивацию.

Так, функционирование книжных форм в конфессиональных текстах на «простом» языке могло объясняться устойчивостью церковнославянской традиции, продолжавшей реализоваться в строго фиксируемых текстуальных условиях (см. далее о жанровой дифференциации псалмов) или в строго замкнутой книжной лексике (например: единственно возможными являлись формы аориста «смятятся» и «смятошася»).

Разрешение на употребление книжных форм могло быть продиктовано и самой польской языковой традицией, допускавшей в конфессиональных текстах периферийное употребление как собственно архаичных глагольных форм, так и «новых» *ch*-форм типа *robilech*, *robilychmy*.

Подтверждением объемной мотивации служит аналогичное употребление форм аориста и имперфекта на фоне доминирующих форм «аналитического перфекта» в западнорусских псалтырях XVI–XVII вв., переведенных на «просту мову» с польского языка:

«Не ѡтворял есмн» 8 // «ѡтворях» 41, «есмн надѣл-
са» 33 // «надѣлхса» 31 [Карский 1896].

Зависимость языка Псалтыри Фирсова от польского литературного языка позволяет реконструировать механизм порождения текста как механизм «грамматического подобия», при этом в роли культурно доминирующего языка выступил польский язык: если польский язык поддерживал некнижную форму, то она становилась нормативным элементом нового литературного языка, если же польский язык поддерживал книжную форму, она продолжала оставаться достоянием и нового литературного языка.

Установленные структурные особенности, в свою очередь, дают возможность уточнить функциональный статус языка Псалтыри Авраамия Фирсова. Сознательный выбор в качестве языка-образца или языка-посредника польского литературного языка, имевшего некнижный субстрат, однозначно определяет приверженность Фирсова к некнижным формам и позволяет предполо-

жить, что Фирсов мыслил свой «простой словенский язык» как язык, функционально противопоставленный традиционному «словенскому языку». Подтверждением того, что «простой словенский язык» следует рассматривать в рамках оппозиции «классические» языки // «простые» языки, является лингвистическая рефлексия самого Фирсова, выраженная в «Предисловии к читателю» и в «Объяснении переводчика».

Так, защищая свой перевод на новый литературный язык, Фирсов определял дистанцию между «словенским» языком и «простым словенским языком» в категориях «недоступности» — «доступности» и «непонятности» — «понятности». Основной причиной, приведшей Фирсова к отказу от традиционного «словенского» языка являлась его непонятность для людей «простых», «неученных», обусловленная зависимостью «словенского» языка от других конфессиональных языков: «... на всякій день читают ея (псалтырь) во црквѣ вѣжн, но разѹма читаемагѹ в нем нам вѣдати невозможн... тогѹ ради, иже в нашеи ѹсалтири многѹ реченнн разныхъ языкѹв, нам ихъ невозможнн разѹмѣти, но тн токѹмѹ вѣдаютъ иже многимъ языкамъ искѹсни сѹтъ» (ПсФ, 27, 28). В свою очередь, «достоинство» «простого словенского языка» заключалось в том, что он был очищен от влияния традиционных библейских языков «радн истинныя вѣдомости и ѹвѣренія неразѹмныхъ и простыхъ людей» (ПсФ, 23): «в сен книгѣ ѹсаломнон истолкованы ѹсалмы на наш простон словенскон языкѣ... безъ всякагѹ ѹкрашенія, ѹдобнѣшагѹ ради разѹма... здѣ нѣстѣ реченнн греческихъ, латинскихъ, сербскихъ, волоскихъ, болгарскихъ и еврейскихъ, но все наша славенская простая выкляя рѣчь, ѹдѹборазѹмнтелная преложена безъ ѹкрашенія» (ПсФ, 28).

Разрешающим условием перевода псалтыри на «простой» язык Авраамий Фирсов считал потенциальное функциональное равенство языков, проявляющееся в сосуществовании разноязычных переводов псалтыри: «со многихъ книгѣ, разныхъ преводниковѣ, со еврейскаго языка, якѹ сѹтъ с полскаго, латинскаго, немецкаго, и греческаго и иныхъ языковѣ преводниковѣ снѹхъ: седмидесяти и двѹ и сѣгаго црковнаго ѹчителя Геронима, Якова Вѹйка, Николая Радзивила и иныхъ преводниковѣ» (ПсФ, 28). Упоминание в предисловии имен Якова Вуйка и Николая Радзивила навело исследователей на

мысль, что Фирсов использовал Библию Вуйка и Радзивиловскую Библию в качестве основных источников. Однако в соответствии с общепринятой схемой «защиты» «простых» языков в предисловии отнюдь не предполагалось указание на конкретный текст, послуживший источником перевода, необходима была лишь демонстрация определенной языковой компетентности, доказывающей совершенство самого перевода. Вероятно, источник следует искать среди отдельных изданий псалтыри, начиная с Псалтыри W. Wróbla, обращенной к «pospolitemu człowiekowi naszego języka». Жанр предполагаемого источника мотивирован и тем, что из всех библейских книг Авраамий Фирсов перевел именно Псалтырь, ибо «сія свѣтая книга псалтырь во црѣквѣ вѣжн на всякн день, во весь год читаема бывает... велми полѣзна и потребна сѣть. В неѣ ѡбв истинная вѣдомость во величествѣ прѣстола вѣжн» (ПсФ, 26).

Призывая «возлюбленного читателя» читать всю Псалтырь «с разумом и неспѣшнѣ, дабы разумѣти глаголемая», Авраамий Фирсов все же акцентировал внимание на «молитвенных» псалмах, имеющих непосредственное отношение к духовной жизни каждого верующего и, следовательно, в первую очередь требующих «простого» языка: «Ты же во любезныи читателю, естли восхоуещ по сѣи псаломнои книгѣ бгѣ молитися, и ты сыскав в неѣ псалмы молитвенныя, и читанн их неспѣшнѣ, с разумом, ни в чем не сомнянся. Аще и двѣдовы тн псалмы молитвенныя, но ты их разумѣн во сѣбѣ реченная, понеже ты глѣши их во сѣбѣ» (ПсФ, 29). Принятая жанровая дифференциация псалтырного текста могла быть причиной языковой дифференциации, объясняющей то, что в Псалтыри Авраамия Фирсова встречаются псалмы, оставленные без каких-либо изменений в церковнославянском языке, и псалмы, в которых церковнославянский язык совсем не ощущается.

Свою переводческую деятельность, направленную на то, чтобы «Ѡ читанія слова вѣжн с разумом множилась во члвцѣх вѣра» (ПсФ, 25) Фирсов рассматривал как просветительское служение «на славу, и честь стѣомѣ имени вѣжн и всемъ людемъ во вещью ползу» (ПсФ, 28).

Московские книжники, современники Авраамия Фирсова, восприняли «простой словенский язык» Псалтыри как язык, противопо-

ставленный традиционному «словенскому» языку, и не приняли этот беспрецедентный для Московской Руси лингвистический эксперимент, о чем свидетельствует проведенная редакторская работа. В процессе редактирования из предисловия были устранены замечания о функциональном равенстве литературных языков, сняты аргументы, не свойственные текстам православной традиции, и, главное, была проведена «окнижняющая справа», возвращающая Псалтырь к «словенской» языковой традиции:

- «Аз же ходиѣхъ ⇒ ходихъ во истинности моеи» (23:11),
 «Понеже оцъ мой и мати моя оставили ⇒ остависта мя»
 (25:10),
 «Умножилъ ⇒ умножишася немощи твоѣхъ, которыя идѣтъ
 за чюжимъ богом» (15:4).

Несмотря на проведенную языковую правку, Псалтырь Фирсова не была признана и напечатана: патриарх Иоаким, непримиримый противник латино-польского влияния, «указалъ тон книгѣ бытъ в розни казнѣ а без указу смотритъ давать не велено никому» (ПсФ, 5).

Легализация «простого» языка в XVIII веке, отмеченном переходом к секулярной культуре и к понятному литературному языку, мотивировала определенное распространение Псалтыри Авраамия Фирсова, о чем свидетельствуют списки, в которых специально указывается на «простоту» языка Псалтыри: «Книга глаголемая ѳалтирь на простомъ языкѣ словянскимъ» (ПсФ, 10), «ѳалтирь простымъ нарѣчїемъ переведенная и с разныхъ языковъ исправленная» (ПсФ, 7). Однако несмотря на некоторое распространение Псалтырь Фирсова так и осталась на периферии языкового сознания своей эпохи, поскольку не сложились исторические условия для появления конфессиональных текстов, порождающий механизм которых может быть определен как механизм «подобия». Возникновение в Петровскую эпоху «простого» литературного языка было уже результатом действия механизма «элиминации» книжных форм, что давало принципиально другие манифестации *понятного* языка, реализованного в светских текстах.

* * *

Проведенное исследование позволило заключить, что доминирующая в «греко-славянском» мире рефлексия над церковнославянским языком как «общим» литургическим и литературным языком православных славян носила формальный, конвергентный, корректирующий характер и реализовалась в «зоне средств выражения»: *правильность* «славянского» языка достигалась посредством дифференциации грамматических синонимов и устранения грамматических омонимов. Взгляд на греческий язык как на источник правильности мотивировал формально-семантическую трансляцию греческого языка в «славянский». Периферийная рефлексия над «своим» «простым» литературным (но не литургическим) языком носила *семантический, дивергентный, креативный* характер и реализовалась в «зоне грамматических категорий и средств выражения»: *понятность* достигалась посредством формально-семантической трансляции авторитетного «простого» языка, что приводило к уменьшению формально-семантической дистанции между книжным и некнижным языком. Противопоставление «своего» «простого» языка «общему» «словенскому» языку выражалось также в отказе от греческого влияния.

«Общий» славянский литературный язык
в конфессиональной культуре
(Slavia Latina):
проблема правильности и понятности языка

§1. «Грама̀тично изказа̀нје ов рѣскомъ језику» Юрия Крижанича 1666 г.: кодекс норм *правильного и понятного* литературного языка, сравнительная характеристика славянских языков

Мотивированная концепцией *христианского универсализма*, «латино-славянская» рефлексия над церковнославянским языком как «общим» славянским литургическим и литературным языком получила выражение в лингвистических сочинениях и книжной справе Юрия Крижанича.

Характеризуя Юрия Крижанича как «вдохновенного проповедника славянского объединения XVII века», исследователи отмечают его «лингвистическую загадочность», не позволившую до сих пор решить вопрос о структурно-функциональном статусе декларированного им литературного языка, который определяется как искусственно созданный «общий» славянский литературный язык, представлявший собой либо «равномерную смесь» церковнославянского, русского и хорватского языков, либо модификацию хорватского языка, либо модификацию русского языка [см. подробно: Экман 1963]. Одной из веских причин столь разных суждений служит недостаточное понимание экстралингвистической и лингвистической мотивации замысла Юрия Крижанича и, как следствие, неадекватное понимание структуры и функции предлагаемого им варианта литературного языка. В этой связи представляется необходимым, основываясь на знании культурно-языковых доминант XVII века, реконструировать лингвистическую рефлексия Крижанича, выявляя ее концептуальную направленность. Источниками для такого рода восстановительной работы являются не только лингвистические опыты Крижанича, но и его историко-философские и

политические сочинения [Heaney 1971; Dell'agatta 1993, 1999]: трактат «Политика» (1663 г.) и официальные послания, обращенные к профессионально полярным адресатам — членам Конгрегации пропаганды святой веры и русским царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу [Крижанич 1997, Белокуров 1901]. Выявленные в этих текстах «теоретические лингвистические проговорки», сведенные в определенную теоретическую программу, позволяют приблизиться к пониманию лингвистической рефлексии Крижанича.

Отправной точкой для реконструкции концептуально направленной рефлексии Крижанича является его собственное обоснование своей будущей миссионерской деятельности в Московской Руси, которую он осмыслял как принципиально просветительскую: «Я считаю москвитян не за еретиков или схизматиков (так как их схизма происходит не из настоящего корня схизмы, не из гордыни, а из невежества), я считаю их за христиан, введенных в заблуждение по простоте душевной... и потому я полагаю, что отправиться для собеседования с ними не значит еще идти проповедывать веру (каковое дело я никогда не помыслил бы взять на себя), а значит лишь увещевать их добродетели к наукам и искусствам, по введении каких было бы уже более легким делом указать их заблуждение и обман, что и составит задачу уже иных мужей, исполненных добродетелей и вдохновения» [Записка к главам коллегии св. Афанасия, 1641: Белокуров 1901, 57]. Поскольку в деле просвещения «не следовало пренебрегать низшими из свободных наук», Крижанич, ссылаясь на авторитет Блаженного Иеронима, предполагал начать именно с «грамматики», желая «полѣзно дѣло сотворитъ» «ко изправльѣнїѹ језїка»: «Грамаѣично радїије ... вїт потрїбно ... како блаженїи Јеронїм велїт: Несподобитсе возгордажат малїх вещь, без кобїх велики обстојат немогѹт» [Крижанич 1859].

Возможность осуществления лингвистической просветительской программы была определена, по свидетельству самого Крижанича, его достаточной языковой компетенцией, поскольку он знал «четыре языки свершено: словенскїи, латынскїи, немецкїи, италянскїи, и другїе четыре языки несвершено: греческїи письменнїи, греческїи простїи, полскїи и венгерскїи» [Письмо-представление царю Алексею Михайловичу, 1659: Белокуров 1901, 91]. Характер и объем языковой компетенции Кри-

жанича определял характер и объем его метаязыковой компетенции. Владение в процессе формального обучения языками как «грамматикой», т. е. системой алгоритмических правил, позволяло Крижаничу структурировать любой языковой материал, а непосредственная включенность в языковую ситуацию Западной Европы, прежде всего Италии, мотивировала не только знание лингвистических концепций (*Questione della lingua*), но и возможность распространения концептуализирующей лингвистической мысли на языковую ситуацию Московской Руси. Так, факт использования в коллегии в Болоньи, где учился Крижанич, в качестве учебного пособия трактата П. Бембо «*Prose della volgar lingua...*», свидетельствует о знакомстве Крижанича со спорами «тосканистов» и «итальянистов» и объясняет его сравнение «московского языка» («русского языка»), как основы «общего» для всех славян литературного языка, с «тосканским языком», как основой «общего» итальянского языка [Обижаева 1999, 54].

Желание и готовность Крижанича служить делу просвещения нашли в Московской Руси государственную поддержку, поскольку вторая половина XVII века являлась временем последовательной и систематической языковой нормализации, которая осуществлялась посредством создания грамматик и проведения книжной sprawy: «А вельено мнѣ книги писать, Алфавит истинны<й> славянского ꙗзыка составить и граматикѣ̀ исправитьъ» [Челобитная царю Федору Алексеевичу с изложением всех служб государству, 1676: Белокуров, 177].

Необходимое и возможное «включение» лингвистической рефлексии Юрия Крижанича в «грамматическое дело» Московской Руси реализовалось в создании орфографического трактата – «Объяснѣнїе вѣводно о писмѣ̀ Словѣнскомъ» 1660–1661 гг. [Крижанич 1891, далее – Об.], и грамматического трактата – «Грама̀тнѣчно изказа̀нїе объ рѣ̀скомъ ꙗзыкѣ̀» 1666 г. [Крижанич 1859, далее – ГИ].

Предметом размышлений Крижанича являлся церковнославянский язык (русского извода), понимаемый им как «общий» *литургический и литературный славянский язык*: «наш кнѣ̀жннѣ̀ ꙗзыкъ» (Об. III), «ꙗзыкъ нашъ сѣ̀, ко̀нымъ мнѣ̀ кнѣ̀жки пї̀шемъ и во̀жнѣ̀ слѣ̀женъ отпра̀вля̀емъ» (ГИ, I). Исходя из идеи идентификации славянских локальных языков как вариантов одного славянского языка, Крижанич считал необходимым называть «общий» славян-

ский литературный язык «руским», а не «словинским» (сло/авенским): «се̑ љезик ко̑ним кнѣи҃ги пишем... Ру̑скии Кнѣи҃жнѣи ... Ру̑ско плѣме и љме љест остальним всѣм вершина и кореника... Ј потомѣ, когда хощем ѡбщим љменом ѡвѣат... всѣх љезичних ѡтмин: неподобитсе ѡнх зват ѡвничним Словинским, него паче предавним Ру̑ским љменом» (ГИ, II).

Генетическое главенство «русского» языка, т. е. рассмотрение его в качестве источника славянских языков, не требовало, по мнению Крижанича, доказательств, поскольку являлось фактом классического исторического знания, которое было поддержано новой исторической наукой: «нанстарије, и остальним всѣм зачало љест льѣдство и љме Ру̑ско: и се̑ једино давниим Грѣцским и Римским писателем љест вило познано и четесе вь старих кнѣигах написано» (ГИ, I), «Мартин Кромер (*Cromer M. De origine et rebus gestis polonorum*, 1555) обо всего словинского народа початкѣ пишет... вси ти народи произыдоша из Ру̑си» [Гольдберг 1960, 117–130].

Генетическая значимость «русского» языка поддерживалась его функциональной значимостью, поскольку автохтонная авторитетная государственная власть в Московской Руси определяла ситуацию, при которой все государственные дела оформлялись на «своем» языке: «домашним љезиком биваѣт ѡтпавляна» (ГИ, IV). Именно «самовладство», обеспечившее государственную защиту «русского» языка, создало условия для того, чтобы окончательно «стереть плесень древней дикости» и «научиться наукам», на что указывали, по свидетельству Крижанича, все западные политики и историки XVI–XVII веков, являвшиеся приверженцами «римской веры, а не «лютеровой ереси»: «Герберштейн, Пернштейн, Поссевино и Джовио были людьми римской веры» (*Herberstein S. Rerum Moscoviticarum Commentarii*, 1549; *Pernisteri Relatio de Magno Moscoviae Principe*, 1579; *Possevino A. Moscovia*, 1586; *Giovio P. Libellus de Legatione Basilii magni... ad Clementem*, VII, 152) [Крижанич 1997, 137, 184–185].

Исторически мотивированное генетическое и функциональное превосходство «русского» языка поддерживалось, по мнению Крижанича, собственно лингвистическими характеристиками, указывающими на близость именно «русского» разговорного языка к «общему» славянскому литературному языку: «се̑ кнѣи҃жнѣи љезик

вно́го подобни́и јест днѣшньѣ Рѣскоѣ ѡбщинноѣ, неже које́нибѣд Словѣнскоѣ отминѣ» (ГИ, II).

Осмысление исходных функционально-генетических и собственно лингвистических параметров «русского» языка позволило Крижаничу построить иерархическую схему славянских языков:

«Руский» язык:

«Рѣско плѣме и јме јест осталимъ всѣмъ вершина и коренника... Ј сице не Рѣска отмина Словѣнскије отминни плод: негѡ Словѣнска, и Чѣска, и Лѣска отмина, јесѣт Рѣскогѡ језика отродки» (ГИ, II),

«славно Рѣско господарство ... а гди јест краљѣствено дѣло, и народно законостаѣје, во својемъ језикѣ ѡстројено: тамо језикъ обикајетъ битъ обиванни, и от дне творитъ се стројни» (ГИ, III),

Хорватский язык и сербский язык:

«Сѣрѣльани и Хервѣти сѣт изгѣвѣли својѣ дѣдинскѣ вѣсидѣ ... али пакъ то не вездѣ во ѡјездѣ Дѣвѡвца и Озѣа и Ривника острогов... сохранило се јестъ Хервѣтско и Сѣрѣвско вѡльѣрство, Ј кѣлико јестъ још доселѣ остало старѡгѡ зачалнѡгѡ и чистѡгѡ изриканја...».

Чешский язык:

«Ѣ Чѣховъ језикъ немало закальѣн»,

Польский язык:

«Ѣ Лѣховъ половина ричѣѣ јестъ отъ ѣнихъ разнитѣхъ језиковъ примѣшена».

Болгарский язык:

«Ѣ Болгаръ ѣнѣтъ чѣсо ѣскѣт: тако во тамо језикъ јестъ изгѣвѣльѣн, да мѣ јѣдѣа слѣдѣ остѣјетъ» (ГИ, III).

Предустановленное и явленное в иерархии функционально-генетическое «достоинство» «русского» языка предполагало приобретение формально-семантического «достоинства» посредством проведения филологической «обработки»: «Ни́жеден ꙗзык неѡѡаше ꙗзко ни ѡѡка, и ту́тже на своѡм почѡткѣ совершен. ꙗ николиже неѡста́нет ꙗзык сеѡ слнчен, стро́ен, и къ разꙋмноꙋ ꙗкоꙋ ꙗсанꙋ и гово́ренꙋ пригоден, доколнго́д не истѡжитсе» (Об., I). Соответственно, свою задачу Крижанич видел лишь в том, чтобы способствовать «изправлѣнꙋ, изтежанꙋ, и совершенꙋ ꙗзика», ибо только «изправлѣнꙋ ꙗзика» ведет «ко ѡразꙋмлѣнꙋ всѡкнꙋ благоговѣнꙋ отѣскнꙋ дѡм, и дѡшн спасаꙋщ соѡнтоѡ» (ГИ, V). Необходимое «граматично ра́днꙋ» мыслилось Юрием Крижаничем как постепенный системно реализуемый процесс нормализации и кодификации «русского» языкового материала: критика — «облнченꙋ», анализ — «обѡяснѣнꙋ» («потрѣбно ѡѡаше ѡ всѡкоꙋ ꙗзкѣ ꙗзводно докѡзѡт ѡт коꙋ, како и зашто ѡѡ ꙋчннѣн сеѡ ꙗзкѣ»), кодификация — «кратка ꙗзкѣ» (Об., V–VI). «Филологическая работа» над «русским» языком как «общим» славянским литературным языком требовала межъязыкового сопоставительного контекста: данные «русского» языка представлялись в сопоставлении с данными других славянских языков, прежде всего, хорватского и польского, которые, по мнению Крижанича, являли полюсные пути развития, поскольку хорватский язык сохранял «стѡроꙋ зачѡлноꙋ и чнстоꙋ ꙗзкѣ», а в польском языке, наоборот, «полоѡнна рнчѣѡ ꙗст ѡт нннꙋ разннꙋ ꙗзкѣ ꙗзкѣ» (ГИ, III).

Дело «исправления» «русского» языка Крижанич воспринимал в рамках общеевропейского метаязыкового процесса XVI–XVII веков, сутью которого являлась грамматическая «обработка» языков [Гуковская 1940]: Крижанич полагал, что его лингвистические опыты являют собой одновременно и традицию («ꙗзкѣ ꙗзкѣ облнчнꙋ ꙗзкѣ Крнꙋтнꙋ ꙗзкѣ Грамѡтнꙋ разꙋдннꙋ» Об., 71) и определенную новацию («ꙗзкѣ ꙗзкѣ разꙋдннꙋ... ꙗзкѣ ꙗзкѣ ꙗзкѣ» Об., IV).

Лингвистическая рефлексия Крижанича, направленная на достижение *правильности* и *понятности* книжного «русского» языка, актуализировала проблему греческого и инославянского *влияния* на «русский» («ѡѡѡнꙋ ꙗзкѣ») язык, а также проблему *формально-*

семантической и формальной избыточности (правила «по избѣйткѣ») и недостаточности (правила «нензраздѣмни») самого «русского» языка.

Детальная разработка данных проблем осуществлялась Крижаничем на материале всех изменяемых частей речи, однако особое внимание было уделено имени и глаголу, задававшим, с точки зрения метаязыковой традиции, «основное членение речи» [Античные теории 1996, 125].

Имя определялось Юрием Крижаничем в соответствии с греко-латинской грамматической традицией как часть речи, обозначающая «вещь» («Једен раздѣл бесѣди, јлѣти рѣч, којеју се зовѣт всѧка вѣщ, видна и невидна») и обладающая грамматическими категориями («примѣти бесѣдних раздѣлов»):

рода (мужской род // женский род // средний род:

«Плѣме јѣст троје. Мужско. Об врат мѡь драг. Женско.
Оба сестра моја драга. Нијединско. Обо дѣтѣ моје драго»,

числа (единственное число // двойственное число?? /
множественное число:

«Число јѣст троје. Јединично. Чловѣк. Вножинно. Льѣди.
Двоично. Ми два чловѣка»,

падежа (семь падежей: именительный, звательный, винительный, родительный, предложный, дательный, творительный:

«Прѣгивов јѣст сѣдем.

Јменник, коьим се что јменујѣт. Брат.

Зовник, коьим что призивајѣм. Об вратѣ.

Крозник јѣдет за предложком кроз. Кроз врата.

Јзкерник јѣдет за предложком јзкер. Јзкер брата.

Придѣвник за предложком при. При братѣ.

Протѣвник за предложком против. Против братѣ.

Орѣдник за предложком со. Со братом» (ГИ, 2, 3).

Помимо канонических грамматических категорий Крижанич отметил в «русском» языке противопоставленность имен существительных и согласованных с ними имен прилагательных мужского рода по признаку одушевленность // неодушевленность («*Имена знаменующије дѹшатїје и недѹшатїје*»).

Кроме того, имена прилагательные были охарактеризованы Крижаничем по присущим только им грамматическим признакам: по признаку формы (краткая форма // полная форма = «*прѠто ѓме // ѓрѠдно ѓме*») и компарации (форма положительной степени // форма сравнительной степени // форма превосходной степени = «*подѠнно ѓме // верстѠлно ѓме // преверстѠлно ѓме*» ГИ, 37, 54).

Склонение имен, понимаемое как изменение по падежам и числам, было представлено в грамматике Крижанича 8 формальными классами, в основу дифференциации которых были положены три иерархически заданных критерия:

- лексико-грамматическая семантика (имена существительные: 1–6 типы склонения // имена прилагательные: 7–8 типы склонения),
- качество конечного элемента основы и характер флексий (t: 1, 5, 7 типы склонения // t': 2, 6, 8 типы склонения // t, t'-а 3 тип склонения // t'- нулевая флексия: 4 тип склонения; при этом определяющей являлась фонетика хорватского языка),
- родовая принадлежность для имен существительных (существительные мужского рода: 1, 2 типы склонения // существительные женского и мужского рода: 3, 4 типы склонения // существительные среднего рода: 5, 6 типы склонения):
  - (1 склонение) «*Первь ѡзор ѓмен мѡжскїх, ѓдѡщїх на негласници тонки. Брат.* - (2 склонение): «*Вторнь мѡжскїх, ѓдѡщїх на шѡмници. Крал.* - (3 склонение): «*Третъи жѡнскїх и мѡжскїх, ѓдѡщїх на ѡ. Рѡба. Владїка.* - (4 склонение) «*Четвѣртъи жѡнскїх, ѓдѡщїх на негласници. Рѡч.* - (5 склонение) «*Петъи нїедїнскїх, ѓдѡщїх на Ѡ. Лїто.* - (6 склонение) «*Шестъи нїедїнскїх, ѓдѡщїх на Ѣ. Лїце.* - (7 склонение) «*Седемъи Придѡвнїх ѓдѡщїх на тончїци Велик.* - (8 склонение) «*Ѡсемъи Придѡвнїх ѓдѡщїх на шѡмници. Нїшцѡ.*

Формально-семантическая норма книжного «русского» языка оценивалась Крижаничем с позиции носителя хорватского языка: *правильность* и *понятность* «русского» языка подтверждались Крижаничем при условии совпадения объема реализации и состава членов грамматических категорий в «русском» и хорватском языках.

Грамматическая категория числа реализовала в книжном «русском» языке оппозицию «единственное число // двойственное число / множественное число», представлявшую градуированную множественность, а в некнижном языке — оппозицию «единственное число // множественное число». С точки зрения Крижанича, в родном языке которого была представлена оппозиция «единственное число // множественное число», книжный «русский» язык демонстрировал *формально-семантическую избыточность*, обусловленную влиянием книжного греческого языка. Явленная в книжном «русском» языке формально-семантическая избыточность должна была, по мнению Крижанича, сниматься либо полным устранением форм двойственного числа, либо их ограниченным, возможно стилистически маркированным, употреблением:

«Двоично число никаковијеже користи, нит липотѣ језику непривављајет: него лише чинит сметѣње и вногo недобје. Грѣски писателън мало го ѡживајѡт, опрѣч нѣжи (наипаче въ писенних складаньих) и волет рѣщ. Рѣками и Ногами, него Рѣкама и Ногама. Ј Херватски племенити льѡди то Двоично говорѣње почитајѡт за Кметској и за припросто. Ј дльа тих причин (опрѣч никoвних мѣст, гди по нѡже морајет стојат Двоично число) липлъе јест вездѣ говорит Вножинним числом» (ГИ, 123).

Кроме того, по мнению Крижанича, грамматическая категория числа демонстрировала в книжном «русском» языке *формально-семантическую дефектность*, мотивированную греческим языком, что отразилось в неверном употреблении ряда книжных слов, являвшихся либо словами *singularia tantum*, либо словами *pluralia tantum*, при этом отрицание греческой числовой модели проходило через признание латинской числовой модели:

«Імена јмајѸща лнхо вножинно чнсло... кладѸт въ Јединнчном... книга ...Кньнги, за Латннско Liber... јмајѸт лнше вножинно чнсло. А Кньнга, за грамотѸ Epistola... јмајѸт вса чнсла.

А која нмајѸт вножинного чнсла, и она онн кладѸт во вножнне... Плотн, мѧса, жнга, жрѣвја...» (ГИ, 31, 155).

Подобным образом *формально-семантическую дефектность*, вызванную влиянием греческого языка, представляла, по мнению Крижанича, и грамматическая категория рода, что проявилось в употреблении ряда книжных слов как слов «общего» рода:

«Ј бѸдѸщ жеже въ оннх језнкѧх јестѸт ннка јмена двојего плѧмена /мѸжскогѧ и женскогѧ/, потомучѸ ... и въ нашем језнкѸ ннка јмена ... двојплѧменна. Се јест, Војвода, СѸднја, Воьнн ... Али въ том јест изјавен повѧбѸдок, авѧ Војвода, СѸднја, Воьнн ннколанж ннсѸт сншена въ женском плѧменѸ...» (ГИ, 22).

Грамматическая категория падежа представляла разный объем реализации в книжном и некнижном «русском» языке: в книжном языке грамматическая категория падежа охватывала все именные формы, тогда как в некнижном языке вне реализации данной категории оказывались краткие формы прилагательных. С позиции носителя хорватского языка, в языке которого изменение кратких прилагательных по падежам было ограничено пределами единственного числа, книжный «русский» язык демонстрировал некоторую *формально-семантическую избыточность*, тогда как развитие некнижного «русского» языка вызывало радикальную *формально-семантическую недостаточность*. Коррекция языкового материала, проведенная Крижаничем с учетом хорватского языка, определила «формально-семантический компромисс», заключавшийся в разрешении употребления изменяемых кратких прилагательных единственного числа, прежде всего в грамматических позициях Р. и Д. ед. м. и. с.:

«Прѣгнив ндѸщи на кончннѸ ГО и на МѸ моѸтсе скратнн: по изверженѸ складѧв, АГ, ОГ, ЕГ, ОМ, ЕМ. конья добра, добръ мѸжѸ» (ГИ, 39).

Юрий Крижанич особо отметил синтаксическую дифференциацию полных и кратких прилагательных в грамматических позициях **И. ед.** и **И. мн.**: употребление полных прилагательных ограничивалось атрибутивной функцией, тогда как употребление кратких прилагательных сводилось к предикативной функции:

«А особито, гдѣ ѣме придѣвно послѣдуетъ за ричиноуѣ
ЈЕСУТ или за **БѢЖОМ** или за **БѢДЕМ**, тамо јестъ по-
трибно изрѣцъ Јменникъ на **И**, а не на **ИЈЕ** нитъ на **ЕЈЕ**. Три
Марьи јесутъ свѣти или **БѢЖУ свѣти**. Всѣје сотвореніе дѣши
вѣдѣтъ сѣдженнѣ» (ГИ, 43).

Для грамматической категории одушевленности // неодушевленности в книжном «русском» языке Крижанич отметил регулярное выражение у имен существительных и прилагательных мужского рода в грамматической позиции **В. ед.** и нерегулярное выражение у субстантивированных прилагательных мужского рода в **В. мн.** В не книжном «русском» языке одушевленность // неодушевленность реализовалась у имен мужского рода в грамматических позициях **В. ед.** и **В. мн.**, а также у имен женского и среднего рода в грамматической позиции **В. мн.** С точки зрения Крижанича, в родном языке которого формальное выражение данной грамматической категории было представлено у имен существительных и прилагательных мужского рода в грамматической позиции **В. ед.**, а также у субстантивированных прилагательных мужского рода в грамматической позиции **В. мн.**, книжный «русский» язык являл *формально-семантическую норму*, а не книжный «русский» язык демонстрировал *формально-семантическую избыточность*. Оценивая как нормативную книжную реализацию грамматической категории одушевленности // неодушевленности, Крижанич особое внимание уделил *формально-семантической дефектности*, заключающейся в отнесенности к сфере одушевленных имен — существительных, обозначающих лиц потустороннего мира, и в отнесенности к сфере неодушевленных имен — существительных, обладавших значением собирательности:

«От ѡт ѡт ѡт знаменѡущихъ Душатиѣ нлгги Живѡущиѣ вѣщи, крознѣкъ ѡдет на А. Хвалѣте господа. Тоѡ биваетъ и ов мерт-
вѣхъ особахъ. Погребѡше мертвѣца, или мертвѣа чловѣка. А от
знаменѡущихъ Недѡшатиѣ вѣщи, крознѣкъ се творѣтъ једнакъ
ѡменникѡ. кроз град. Снѣже јдѡтъ и која незнаменѡѡтъ дѡшатиѣ
осѡв по јединѡ, но по вноѡѡ. нароѡ, собѡр, скѡт, полѡ» (ГИ, 7).

Расширение объема реализации грамматической категории одушевленности // неодушевленности у имен мужского рода в не-
книжном «русском» языке за счет грамматической позиции **В. мн.**
интерпретировалось Крижаничем как тенденция к снятию у оду-
шевленных существительных недопустимой омонимии прямого и
косвенного падежа (**И. мн.** = **В. мн.**) за счет разрешения более
приемлемой омонимии косвенных падежей (**Р. мн.** = **В. мн.**):
«ѡменникъ словѣтъ, прѣгниѣ корѣниѣчнѣ, а остѡлни прѣгниѣи словѡѡтъ про-
извѡдни» (ГИ, 8). При этом в хорватском языковом видении Кри-
жанича омонимия **И. мн.** = **В. мн.** имела место не только в не-
книжном, но и в книжном «русском» языке (**И. мн.** -**И** = **В. мн.** -**Ы** [и]).
По мысли Крижанича, формальная недостаточность книжного и
некнижного вариантов «русского» языка и формально-семантиче-
ская избыточность некнижного языка, приводившие к невозмож-
ности достижения в грамматической позиции **В. мн.** полной «про-
зрачности» грамматической семантики, могли устраняться за счет
трансляции в «русский» язык флексии -**Ѣ** из хорватского языка, ко-
торая бесспорно снимала омонимию **И. мн.** = **В. мн.**:

«А Рѡсѡани и Лѣхи творѣтъ крознѣкъ вножинѣннѣ на І и не
моѡѡтъ раздѣлитъ крознѣкъа от ѡменникѡ: и вноѡо кратъ ѡм по-
стаѣтъ недѡѡвно разѡмѣнѣ: и по нѡѡе никѡгда мораѡѡтъ ѡжи-
ватъ јзкерника вѡмѣсто крознѣкъа, и говорѣтъ снѣце:

Пѡвѣли сѡтъ Перси Тѡрков: вѡмѣсто недѡѡѡмноѡ изрѣченѣја
снѣцеа:

Пѡвѣли сѡтъ Перси Тѡрки.

А по Херватскѡ, без недѡѡѡмѡја снѣце се изрѣкаѣтъ:

Пѡвѣли сѡтъ Перси Тѡрке» (ГИ, 11).

При невозможности принятия формантов хорватского языка, «вынужденная» формально-семантическая избыточность, заключающаяся в реализации одушевленности // неодушевленности в грамматической позиции **В. мн.**, допускалась Крижаничем в книжный «русский» язык, но только для имен существительных мужского рода по аналогии с субстантивированными прилагательными в «русском» книжном языке и в хорватском языке, и была исключена для имен женского и среднего рода:

«Херватѣ во всѣх ѡмениках: и въ придѣвних ѡменех, мужского плѣмена, ѡживаѣтъ Ѕкерника въ мѣсто Крозника: кѣт, Добрѣ добрых ѡдѣвет. А невѣмо зачъ въ обстоѣних ѡменех тогожъ нечинѣтъ... А вѣмъ въ ободвѣхъ мѣстехъ еднака ѡестъ прича: и право се велѣтъ ободвоѣ: Добрѣ дрѣгѣ добре дрѣге ѡдѣвет: и Добрѣ дрѣгѣ добрыхъ дрѣговъ ѡдѣвет» (ГИ, 13);

«Али обѡичаѣ: жеже Ѕкерникъ мѡжетъ стоѡтъ въ мѣсто крозника, лишъ въ единичномъ и во множинномъ числѣ, а не въ двобичномъ, въ ѡменехъ вещьѣ дѡшати, а не въ вездѡшнихъ: и то лише въ мужскомъ плѣмену, а не въ ѡномъ. Тоже и въ ѡменикахъ, и въ придѣвнихъ ѡменехъ... Мѣ ѡдѣвимъ васъ своихъ добрыхъ приѡательевъ... А въ женскомъ и въ ниѡединскомъ плѣмену не мѡжетъ Ѕкерникъ стоѡтъ въ крозника мѣсто... Сѡцеже добро: Призовѣ мѡихъ приѡательевъ. Призовѣ мѡе приѡательевъ. Призовѣ мѡе приѡательи. А въ женскомъ не добро: Призовѣ мѡихъ сестеръ. Него лише. Призовѣ мѡе сестри или сестеръ» (ГИ, 11, 13).

Формальная норма книжного «русского» языка предполагала генетическую «чистоту» и структурную «прозрачность», оправданную употреблением, которое оценивалось Крижаничем с позиции носителя хорватского языка: *правильность* языка достигалась Крижаничем посредством устранения «чужих» и «своих» неупотребительных или употребительных формантов, порождавших грамматическую синонимию или омонимию.

Формальная избыточность книжного «русского» языка определялась, по мнению Крижанича, флексиями, оппозиция которых была обусловлена исходом основы, а также нестандартными флексиями.

Так, оппозиция флексий, обусловленная качеством конечного элемента основы, была отмечена Крижаничем для грамматических позиций **Д.=П. ед.** у существительных женского рода, **П. ед.** у существительных мужского рода и **П. ед. и мн.** у существительных среднего рода.

Оппозиция флексий **-ѣ / 'И**, представленная у имен женского рода в грамматических позициях **Д.=П. ед.**, по мнению Крижанича, бесспорно требовала устранения, так как имела аналог в польском языке:

Д.=П. ед. ж.: **-ѣ / 'И** → **-ѣ**

«Придѣвникъ Јединичныйъ

Противникъ Јединичныйъ

...на овом мѣстѣ Лѣхи, Белорѣцѣани... чинѣтъ непотрѣбен развѣр меж знаковницами: и при тонкихъ изглашашѣтъ **ЇѢ**, или **Ѣ**: ктѣ, при Рѣвѣ, Главѣ, Рѣцѣ: а при шѣмнихъ изглашашѣтъ **Ї**: при стражи, при лѣдѣн, при земльн.

Али пакъ намъ нѣтъ пригодно таково развѣрѣнѣ: но паче всѣхъ ѣмена сего прѣтворѣа мѣгутъ се оиди кончитъ на **ѣ**: При Рѣвѣ...земльн...

Противникъ Јединичныйъ јестъ придѣвникѣ во всѣмъ једнакъ».
(ГИ, 20).

Оппозиция флексий у имен среднего рода должна была получать, по мысли Крижанича, разное разрешение в парадигмах единственного и множественного числа: в грамматической позиции **П. мн.** противопоставленность флексий **-ѣХЪ / 'ИХЪ** устранялась, тогда как в грамматической позиции **П. ед.** оппозиция флексий **-ѣ / 'И** сохранялась в целях снятия омонимии по падежу (**П. ед.** **-ѣ** = **И. ед.** **-Ѣ** → **П. ед.** **-И** // **И. ед.** **Ѣ**):

П. ед. ср.: -ѣ / '-И

П. мн. ср.: -ѣХЪ / '-ИХЪ → -ѣХЪ

«Придѣвник Јединичниъ

Придѣвник Вножинниъ

От ѓмен пѣтого ѳзѳра Придѣвник јединичниъ се творит на ѣ: а вножинниъ на ѣХ: на селѣ, на селѣх...

А от ѓмен шѣстого прѣтѳвѳра Придѣвники нѣдѣт згѳдно на Ī, и на ĬХ: Мѳри, Мѳрих...

...въ петом ѳзѳрѣ липо изрикајѣм придѣвник на Ѣ... Али въ шѣстом ѳзѳрѣ не творим на Ѣ, нѳ лише на Ī. Да вѣдет рѣзност от ѓменника и от крозника, кнѣ се изрикајѣт на Ѣ» (ГИ, 25–26).

Имена существительные мужского рода в грамматической позиции П. ед. являли двухуровневую формальную избыточность, поскольку помимо стандартных флексий, дифференцированных в зависимости от качества конечного элемента основы, реализовали нестандартную флексию -ѣ: (-ѣ / '-И) + -ѣ. При этом нестандартная флексия -ѣ породила омонимию П. ед. = Д. ед., характерную также для хорватского языка. Пытаясь разобраться в сложном формальном поле грамматической позиции П. ед., Крижанич зафиксировал все возможные форманты, отдав предпочтение флексии -ѣ, снимавшей омонимию и устанавливавшей тождество средств выражения у существительных всех родов в грамматической позиции П. ед.:

П. ед. м.: -ѣ / '-И + -ѣ → -ѣ

«Придѣвник Јединичниъ

Рѣзво говорѣщ, опѣшцаѣтсе двојгласница ѣ: и от тонких кончин придѣвник се изрекајѣт на Ī, или Ѣ: при Братѣ, и при Братѣ. А от шѣмних, на Ī : при Кралѣи.... А на Ѣ, не съ тол ладно, при Кралѣе...

Рѣсјани чѣсто, а Херѳати всегда, творѣт придѣвник једнак прѳтивникѣ: тѳ јѣст, на ѣ и велѣт, при Братѣ, при Кралѣѣ.

Потому́ адда, что смо ре́кли, о́в прегнѣ вногочѣсно се
мѡжет изрещ: При вратѣ, врати, врате: при вратѣ, При
кравѣ, кравн, краве: при кравѣ» (ГИ, 9).

(выбор в образце склонения: При Братѣ, При Кравѣ)
(ГИ, 4).

Формальная избыточность, основанная на сосуществовании стандартных и нестандартных языковых элементов, была представлена в книжном «русском» языке как на уровне отдельных грамматических позиций, так и на уровне парадигм.

Нестандартные флексии, употребление которых явилось результатом иноязычного влияния, были зафиксированы Крижаничем у имен существительных мужского рода в грамматических позициях 3. ед., Р. ед., Т. мн. и П. мн.:

«правила јних језиков → своја правила».

Так, избыточность, вызванная непосредственным влиянием греческого языка на книжный «русский» язык, была выявлена Крижаничем у существительных мужского рода в грамматической позиции 3. ед.: обусловленная качеством конечного элемента основы оппозиция флексий -Ѣ // (') -Ѥ, представленная в книжном «русском» языке и поддержанная оппозицией -Ѣ // (' и r) -Ѥ в хорватском языке, осложнялась введением независимой от фонетических характеристик основы флексией -Ѣ в собственных именах, заимствованных из греческого языка. С точки зрения Крижанича, нормативной являлась оппозиция флексий, заданная хорватским языком, которой должны были подчиняться как «русские» формы, так и заимствования из греческого языка:

3. ед. м.: -Ѣ/ ' -Ѥ, + -Ѣ → -Ѣ / (' и r) -Ѥ

«Зовниѣк Јединичниѣ

Кончина Р пристѡбит ко пѣрвому ѡзѡру: лише зовниѣк
творѣт на Ѥ... ѡ ВладимѣрѤ...» (ГИ, 6),

«Јмена Греѣска, која Ѥ Греѣков јдуѣт на ѠѢ, а Ѥ нас на
АѢ, ѤѢ, ЇѢ, ѠѢ, и на Р, блѣдно се творѣт Ѥ нас на Ѣ: кѣт,

Николаѣ, Архелаѣ, Алексѣ. Јѹрь, Днѣ, Антонѣ, Васиљѣ, Григорѣ, Енсоѣ: зло ѿ Николаѣ, ѿ Алексѣ, ѿ Георгѣ, ѿ Александрѣ, ѿ Прохорѣ. Право пиши: ѿ Николаѣѣ, ѿ Архелаѣѣ, ѿ Алексѣѣ, ѿ Јѹрѣѣ, ѿ Днѣѣ, ѿ Антонѣѣ, ѿ Васиљѣѣ, ѿ Григорѣѣ, ѿ Енсоѣѣ, ѿ Александрѣѣ, ѿ Прохорѣѣ: опрѣч јединногѣ Петер, ѿ Пѣтрѣ» (ГИ, 7).

Формальную избыточность, воспринятую Крижаничем как результат влияния польского языка на «русский» язык, демонстрировали имена существительные мужского рода в грамматической позиции Р. ед. и имена существительные всех трех родов в грамматических позициях Т. мн. и П. мн. В грамматической позиции Р. ед. в качестве полонизма рассматривалась нестандартная флексия -ѣ, а в грамматических позициях Т. мн. и П. мн. как полонизмы отмечались флексии -АМИ, -АХЪ, которые являлись нестандартными для книжного языка и стандартными для некнижного. Негативно оценивая польское языковое влияние, Крижанич устранил «лешскије сказа»:

Р. ед. м. -А, -ѣ → -А

«Јзкерник Јединичнь

Се творѣнѣ на ѣ, јест Лѣщина. Лѣхом во јест обвинѣн сеѣ ѣзрок: Того часаѣ, того рокаѣ, зѣ бокаѣ, зѣ глѣдаѣ. Реци: Того часа, того рока, ѣз бока, ѣт глѣда» (ГИ, 7),

«Лѣхом и Билорѣѣјаном обвинѣн, а въ словѣнскоѣ рѣчи сказѣн и негодѣн јест Јзкерник на ѣ» (ГИ, 151).

Т. мн. м., ж., с.: -АМИ → -МИ

П. мн. м., ж., с.: -АХ → -ѣХ

«Орѣдник Вножиннь

Придивник Вножиннь

Пишци и Жидови јесѣт ѣ Лѣхов наш језик мѣрзко сказили, а Билорѣѣјани сѣт того скажѣнѣя вногѣ завѣзели: и на

сем мѣстѣ чинѣт нестерпен преврат, еже ѡв прѣгнѣ творѣт
на АМИ, а придѣвник на АХ: Братѣми, кральѣми... При
брѣтахъ, кральѣхъ...

Тѡж чинѣт и въ јнѣх претворѣх: Речѣми, Летѣми, По-
льѣми... При Речѣхъ... польѣхъ...

За (Братѣми, кральѣми) Ричѣми, Лѣтѣми, Польѣми» (ГИ, 16).

«Свои» нестандартные флексии мотивировали, по мнению Крижанича, особую формальную нагруженность имен существительных мужского рода в грамматических позициях Р. ед., Д. ед. и И. мн.: «своја правила: по извѣткѣ».

Так, в Р. ед. наряду со стандартной флексией -А употреблялась нестандартная флексия -Ѣ, в Д. ед. стандартная флексия -Ѹ конкурировала с нестандартной флексией -ОВИ/ '-ЄВИ, а в И. мн. помимо стандартной флексии -И реализовались нестандартные флексии ОВЄ/ '-ЄВЄ, -Є, -ІЄ. С позиции Крижанича, как носителя хорватского языка, все отмеченные нестандартные флексии были неупотребительны или рассматривались как просторечные, следовательно, безусловно требовали устранения:

Р. ед. м.: -А, -Ѣ → -А

«Јзкерник Јединичнь

Јзкерник сѣь изхѡдит на А, а не Јнако. Са тож обличѣь:
Паче камене чѣстна ... Право реци: Паче драга камена...»
(ГИ, 7).

Д. ед. м.: -Ѹ, -ОВИ/ '-ЄВИ → -Ѹ

«Противник Јединичнь

Ѳв прѣгнѣ јмајет двѣ кончини, једну на Ѹ, а другу на
ОВИ по первом или на ЄВИ по втором ѳзорѣ: кт РѣвѸ,
рабови... сннѸ, снѡви... мѡжѸ, мѡжеви...

Али Хервати николиж неживѣјѡт тојѣ кончини на ВИ:
и за кметскѣ јѡ почитѣјѡт» (ГИ, 9, 10).

И. мн. м.: -И, -ОВЕ/ '-ЕВЕ, -ІЕ, -Е →-И

«Јменник Вножинниъ

А по извѣткѣ, и по припрѣстом изрѣкѣ, двојескладни Јменникѣ преминѣјуѣтсе на ОВЕ и на ЕВЕ (нанти стерпније, на ОВИ, ЕВИ): кѣ ... Рѣове...Еинове... мѣжеви... (ГИ, 10);

А јније кончини, на ЈЕ и на Е, јесѣт згола сказни и мѣрзки: кѣ Цѣре...Кнезе, Пастѣре, Тѣтје, Мѣже, Госпѣде...
А Јошце гѣре, Свидѣтеле... Степене, Кѣмене. Право се велѣт:
Цѣри...Кнези, Пастѣри, Тѣти, Мѣжи, Госпѣди... Свидѣте-
льи... Степени, Кѣменѣ» (ГИ, 10–11).

Имена существительные среднего рода с подвижной словообразовательной структурой (тип «слова/словеса») обладали в книжном «руском» языке синонимичными парадигмами, представлявшими, соответственно, стандартные и нестандартные флексии. Установка Крижанича на снятие грамматической синонимии проявилась в устранении нестандартных формантов единственного числа и в ограничении употребления нестандартных формантов множественного числа, что было мотивировано характером функционирования этих форм в хорватском языке:

стандартные+нестандартные парадигмы (ед., дв., мн.) →
стандартные+ нестандартные парадигмы (мн.)

«Дѣла Јмен Јмѣјущих прирѣстки СѦ, НѦ, ТѦ .... особито претварѣнје сице:

Ово Слово, Јма, Дѣтѣ

От Словесе, Јмене, Дѣтѣте

При Словеси, Јмени, Дѣтѣти

Ко Словеси, Јмени, Дѣтѣти

Со Словесем, Јменем, Дѣтѣтем

Дѣла сѣса, Јмена, Дѣтѣ

Сѣсѣ, Јменѣ, Дѣтѣѣ

Сѣсема, Јменема, Дѣтема

Сѣсама, Јменама, Дѣтѣма

Словеса, Јмена, Дѣта
 Словес, Јмен, Дѣтат
 При Словесех, Јменех, Дѣтатех
 Ко Словесем, Јменем, Дѣтатем
 Со Словеси, Јмени, Дѣтати

А по Херватскѹ прирасток нѣст обичен въ единичном...
 а во вножинном изрикаѹт двојакѹ съ прирастком, и безъ него.
 А претвараѹтсе вса та Јмена правнано, по петомъ зорѹ, сице.

Ово Слово, Јме, Дѣте
 Отъ Слова, Јмена, Дѣтега
 При Словѣ, Јменѣ, Дѣтетѣ
 Ко Словѹ, Јменѹ, Дѣтетѹ
 Со словом, Јменом, Дѣтетом

Слова и Словеса, Јмена, Дѣтега
 Слов, и Словес, Јмен, Дѣтет
 Словѣх, и Словесех, Јменех, Дѣтетех
 Словом, и Словесом, Јменом, Дѣтетом
 Словми, и Словесми, Јменми, Дѣтетми» (ГИ, 24–25).

Лишь для нескольких имен существительных, названных «неправильными», Крижанич допустил в качестве нормы нестандартные парадигмы, что было мотивировано характером их бытования в хорватском языке:

«Неправилна јесѹт: Дѣн, Мати, Дици, Братја, Господја,
 Дитја, Дрѹзја, Кнезја, Мѹжја, Сватја, Око, Ѣхо...» (ГИ, 27).

Среди имен существительных мужского рода особый набор формантов допускался для слова «день», но исключался для слова «пѹть», имевшего особые форманты в «русском» книжном языке:

«Томѹ пѹти нѣт... Право реци: Томѹ пѹта нѣт» (ГИ, 7).

Не право адда се велит.... ВсакомѸ пѣти... Поправи, и реци: ВсакомѸ пѣтѸ» (ГИ, 10).

Ден: Херватски Дан (ГИ, 27)

Ов Дѣн, дан	Ови Дни	Два Дни
Ов Дѣн: дан.	Ѡ Дни	
Ѡ Дѣн, днѣве	Кроз Дни	
Кроз Дѣн, дан	От Дѣн, дан	
От Днѣ, Днѣва	При Днѣх, днѣх	
При Дни, днѣви	Ко Днѣм, днѣвом	ДвиѸ ДнѣвѸ
КѸ Дни, днѣвѸ	Со Днѣвми, Дни	Двима Днѣвма, днѣма
Со Днѣм, днѣвом.		

Среди имен существительных женского рода особые реализации допускались только для слов «мати, дщи» и исключались для слов типа «любовь, церковь», имевших одинаковые форманты в «русском» книжном языке:

«Билорѣсјани чинѣт та јмена (любовь, церковь) неправна... претварат, јако Мати... идѣт правнано по 4 ѡзорѸ: От Льѣвви, При Льѣвви, Ко Льѣвви и по 3 ѡзорѸ От Церквн, При Церквѣ, Ко Церквѣ» (ГИ, 29).

«Мати» (ГИ, 27)

Ова Мати	Овије Матере, ри	Дви Матери
Ѡ Мати	Ѡ Матере, ри	
Кроз Матер	Кроз Матере, ри	
От Матере	От Матер, рѣь	
При Матери	При Матерах	ДвиѸ МатериѸ
Ко Матери	Ко Матерам	
Со МатериѸ	Со Матерми	Двима Матерма

Среди имен существительных среднего рода в изолированные парадигмы Крижанич выделили слова «око, ѡхо», полагая, что они имеют две парадигмы во множественном числе — парадигму среднего рода и женского рода:

«Око, и ѡхо, во вножинном числѣ јесѹт Нијединского, и Женского плѣмена: претварајѹтсе по Петом, и по Четвѣртом ѡзорѹ.

Ова Ока, Очѣса	Овије Очи
От Ѡк, Очѣс	От Очѣь
При Ѡкѣх, Очѣсѣх	При Очѣх
Ко Ѡком, Очѣсом	Ко Очѣм
Со Ѡкми, Очѣсми	Со Очми

Особенности строения парадигмы Крижанич отметил у собирательных имен, указывая на объединение формантов единственного и множественного числа среднего и женского рода:

«Братја... во двѣх пѣрвих прѣгнѣх јесѹт Вножинного числа, и нијединского плѣмена. А въ пѣтих послѣдних прѣгнѣх, Јединичного числа, и женского плѣмена.

Ова Братја, Ѡ Братја, кроз Братјѹ, от Братъи, при Братъи, ко Братъи, со Братјѣѹ» (ГИ, 28).

Формальную недостаточность книжного «русского» языка определяли у существительных мужского рода омонимичные ряды **И. ед.** (**В.** для неодуш.) = **Р. мн.**, (**т'**, шипящий и **ц-**) **Р. ед.** (**В.** для одуш.) = **В. мн.**, (**т**) (**И. мн.**) **В. мн.** = **Т. мн.**, у существительных женского рода — (**т'**, шипящий и **ц-**) **И. ед.** = **Р. ед.**, **И.-В. мн.**: «своја правила: неразѹмно правило → разѹмно правило».

Формальная недостаточность книжного «русского» языка, по мнению Крижанича, подлежала устранению только грамматическим способом, поскольку орфографический способ, основанный на дифференциации дублетных букв, воспринимался как результат

влияния греческого языка: «...установиша правило, да въ единичнихъ падежѣхъ пишется е да о, а во множиннихъ Ѣ да ш... и то вѣдше излишна печал. Абовѣмъ у Грековъ очевидста јестъ потреба и причина... различно бо јестъ провлеченје гласа, оно кратко, ово долго» (Об., 12). Исходя из фонетической системы хорватского языка, Крижанич считал актуальным снимать омографию, используя различные надстрочные знаки.

Так, в грамматической позиции Р. мн. стандартной флексией являлась нулевая флексия, что приводило к омонимии И. (В. для неодуш. сущ.) ед. = Р. мн., а нестандартной флексией являлась флексия -ОВ/'-ЄВ, позволявшая снимать омонимию. С позиции Крижанича, носителя хорватского языка, представлявшего флексию -ОВ/'-ЄВ как стандартную, а нулевую флексию как нестандартную, при употреблении которой менялся характер ударения, именно флексия -ОВ/'-ЄВ должна была рассматриваться в качестве нормативной.

Р. мн.: нулевая флексия, -ОВ /'-ЄВ- → -ОВ/'-ЄВ

«Јзкерникъ Вножинниъ

Вса јмена пѣрвогъ и вѣдѣрогъ прѣтворѣ, лѣпо и правлно се творѣт на ОВ, и на ЄВ кѣ, Рабѣв... Змијев...

По Херватскѣ ... все ѣдет правлно на ОВ, и ЄВ...

А въ јнихъ вногнѣхъ јменѣхъ, опрѣч правлногъ творѣнѣа на ОВ, ЄВ, (које јестъ обично лѣдѣемъ племенѣтимъ, и чѣстѣе вѣсѣди вригѣцимъ) по дрѣгомъ обличѣнѣ творѣтсе сеѣ прѣгне сподѣбен јменнику јединичномѣ али тако, да вѣдетъ въ завлакехъ разница кѣ Пророк, от прорѣк...» (ГИ, 13, 14).

Равным образом, в грамматической позиции Т. мн. Крижанич зафиксировал флексию -И (мотивированное хорватским языком неразличение флексий -И, -И), порождавшую омонимию И., В. мн. = Т. мн., и флексии -МИ, -АМИ, снимавшие омонимию. Флексия -АМИ воспринималась Крижаничем как результат влияния польского языка и не рассматривалась как нормативная (см. выше). Поскольку в хорватском языке стандартной являлась флек-

сия **-МИ**, а нестандартной флексия **-И**, при которой омонимия преодолевалась посредством разницы ударения, для «русского» языка Крижанич также отдал предпочтение флексии **-МИ**.

Т. мн.: **-И, -МИ → МИ**

«Орѹдникъ вножинниъ»

Овогo прѣгнѣа конѣина јестъ **МИ**: со Братми, со Крѣльми. Алн вѣм вногокрѣт спѹшѣаетсе **М**: ако из којего предлѣжка, или из ѣннје рѣчи, вѣдетъ моцъ разознатъ ѡв прѣгнѣ, от ѣменника: ктѣ Зѣ двѣми брати. За тѣми Крѣльми. А вѣдетъ да въ коѣем мѣстѣ нѣвѣдетъ разознанѣа: и тамо јестъ трѣба изрѣцъ **М**: ктѣ. Перстми стѣснѣт.

Херватѣ вездѣ ражнѣ изрикатѣт **М**: опрѣчъ таковоу мѣстѣ, гдѣ даъ сошѣетѣа негласницѣ неможетсе произгласитъ **М**... различно се преминѣатѣтъ завлаки... Ови пси. Со пси...» (ГИ, 15, 16).

Особую формальную сложность книжного «русского» языка представляли пересекавшиеся ряды именных форм, задававшие одновременно *формальную избыточность и формальную недостаточность*.

Так, имена существительные мужского рода в грамматической позиции **В мн.** представляли формальную избыточность, заключавшуюся в дифференциации флексий в зависимости от конечного элемента основы **-Ы / ' (+шипящий и ц) -А**, и формальную недостаточность, проявлявшуюся в двухуровневой омонимии по падежу и числу: омонимии в твердом варианте склонения **И. мн. -И = В. мн. -Ы**, возникающей для Крижанича как хорвата, и омонимии в мягком варианте склонения **Р. ед. -А (А) = В. мн. -А**. Крижанич предложил заменить книжную флексию **-А** некнижной флексией **-И** в грамматической позиции **В. мн.**, что снимало формальную избыточность и ограничивало формальную недостаточность (ликвидация омонимии **Р. ед. = В. мн.**), однако полное снятие формальной недостаточности (ликвидация омонимии **И. мн. = В. мн.**), удовлетворяющее хорватское языковое видение, было возможно, по мнению Крижанича, только посредством трансляции в данную грамматическую позицию

флексии **-Ѣ** из хорватского языка. Компромиссное ограничение формальной недостаточности посредством введения омонимии **Р. мн. = В. мн.** для одушевленных существительных воспринималось Крижаничем как менее удачное решение, чем формальная трансляция хорватского языка (см. выше раздел о грамматической категории одушевленности // неодушевленности):

В. мн. м.: **-Ы / ' (+шипящий и ц) -А → -И (-Ѣ)**

«Крозник вножинниъ

Сеъ прегѣ по Херватску изхѣдит на Ѣ: кроз Браће, кроз Краље. Ј сице љпо се разлѣчаеъ крозник от љменника. А Рѣсјани и Леѣи твореъ крозник вножинниъ на Ї: и не могуъ разлѣчиъ крозника от љменника: и вногѣ крат љм постајеъ неѣдѣвно разлѣмије: и по нѣже никѣгда мораѣѣт ѣживаъ ѣзерника вѣмисто крозника...

Вѣ мисто конѣини Ѣ, мѣрзко и вѣдѣно се чѣтеъ вѣ никѣх мѣстех постаѣваеъно ЈА, или А ...» (ГИ, 11, 12).

Равным образом, имена существительные женского рода в грамматических позициях **Р. ед.** и **И.-В. мн.** представляли формальную избыточность, мотивированную фонетическими особенностями основы **-Ы / ' (+шипящий и ц) -А**, и формальную недостаточность, проявляющуюся в омонимии по падежу и числу в мягком варианте склонения: омонимии **И. ед. -А = Р. ед., И.-В. мн. -А**. Имена существительные мужского рода, относившиеся к этому же типу склонения, представляли аналогичную формальную сложность в грамматической позиции **В. мн.:** дифференциацию флексий **-Ы / ' (+шипящий) -А** и порождаемую при этом омонимию по падежу и числу **И. ед. -А = В. мн. -А**. Определенное ограничение омонимии происходило у существительных мужского рода с исходом на шипящий за счет флексии **-Ы**, отмеченной Крижаничем как вариант флексии **-А**. Стремясь к однозначности соответствий значения и средства выражения, Крижанич заменил и флексию **-А**, и флексию **-Ы** в обоих вариантах склонения флексией **-И**, позволявшей одновременно снять и формальную избыточность, и формальную недостаточность:

Р. ед., И.-В. мн. ж. -Ы /' (+шипящий и ц) -А → -И

В. мн. м. -Ы /'-А, (+шипящий) -А, -Ы → -И

«Їзкерник Јединичниъ, Јменник, Крозник вножинниъ
Крозник вножинниъ

... Јмена Јмаѷца Тонкије знаковници... Їзкерник на И...
А Јмена Јдѷца на Шѷмнје знаковници: се јест, на Жа, Лѷа,
Нѷа, Ча, Ша, Ща, Ја, творет Їзкерник јединичниъ (и Јменник,
да Зовник, вножинније) мѷжска на Ї: а женска на А. А крозник
вножинниъ мѷжска на Ї, или А: а женска једно на А...

Ми пак такова правила нехѷалим, зато јез бесидѷ
чинит двојвенѷ, и неизразѷмнѷ, и слишит мерзкѷ. Або гди
јест триба различно чинит прегивом окончанје: тамо нист
разници: рекши меж Јменником јединичним, и меж произ-
водними прегивми: коби по том правилѷ вси једнако изхо-
дет на А: кт Једна Дѷша, кроз вногије Дѷша.

А сверх того такова неразличног творенја на А, илти
на А, нигдје нист въ ѷщем льѷдском говоренѷ: разви
лише ѷ Лѷхов јест ничто тому сподовно. Рѷсјани бо всије
тије производније прегивн једнако и липо творет на Ї: хоц
съ тонкими, хоц со шѷмними негласницами: и изрикаѷт
добро сице, От Дѷши...

То завершанје јзкерника на А, либо на А, тако јест
мерзко, негодно: да висмо је морали нарочно въ писмѷ замѷ-
тат, хотја ви оно и въ ѷщем говоренѷ било ѷживано.
А сада пак са кѷлико паче сподовитсе заверш то превратно
изриканје: и чинит разлѷченје производних прегивов,
от јменника поколи и въ ѷщем језикѷ везди се чинит то
разлѷченје. Никтож бо въ ѷщѷе бесидѷ не говорит сице,
от свѷтија Богородица: Спаси Господи дѷша наша. Но сице:
от свѷтије Богородици: и Спаси Господи дѷши наши...»
(ГИ, 18-19).

Предложенная Юрием Крижаничем нормативная система флексий имен существительных может быть представлена в итоговой таблице:

Падеж	1,2 склонения	5,6 склонения	3 склонение	4 склонение
	типы врат/краль	типы литго/лице	тип рѣва	тип рѣч
Ед. ч.				
И.	∅	о/ѳ	а	∅
З.	ѳ/у	о/ѳ	о	∅
В.	а, ∅	о/ѳ	у	∅
Р.	а	а	и	и
Д.	у	у	ѳ	и
П.	ѳ	ѳ/и	ѳ	и
Т.	о(ѳ)м	о(ѳ)м	о(ѳ)у	у
Мн. ч.				
И.	и	а	и	и
В.	и, ѳ?	а	и	и
Р.	о(ѳ)в	∅	∅	ѳь
Д.	о(ѳ)м	о(ѳ)м	ам	ѳм
П.	ѳх	ѳх	ах	ѳх
Т.	ми	ми	ами	ми

Правила, сформулированные Крижаничем для имен существительных, дополнялись правилами для имен прилагательных.

Формально-семантическая избыточность, мотивированная греческим языком, была представлена, по мнению Крижанича, краткими прилагательными в грамматической позиции З. ед. м.. Краткие прилагательные, как и имена существительные, реализовали в этой позиции флексию -ѳ, посредством которой звательный падеж противопоставлялся именительному. Крижанич считал нормой па-

дежную нейтрализацию, представленную полными прилагательными в «русском» языке и поддержанную хорватским языком:

3. ед. м. // И. ед. м. → 3. ед. м. = И. ед. м.: -Ѣ → -ИЬ (ИИ)

«Зовник јед. јмен м., н.

Во всѣх Придѣвних јменех зовник јест једнак со јменником. Бѣдно адда никоьн из Греца мѣжско плѣме ј ни јединско плѣме творѣт на Ѣ. Чловѣче равнодѣшне. Реци право, Чловѣче равнодѣшнѣ» (ГИ, 38).

Формы сравнительной и превосходной степени прилагательных в книжном «русском» языке, с точки зрения Крижанича как носителя хорватского языка, демонстрировали некоторую *формальную избыточность*, явившуюся результатом влияния польского языка. Так, форму И. ед. ж. с суффиксом -ѢИШ- и флексией -И Крижанич воспринимал как форму мужского рода, исходя из родовой оппозиции хорватского языка -I // -А, и считал заимствованием из польского языка, противопоставленным исконной «русской» форме с суффиксом -ѢИ- и флексией -И, совпадавшей с формой хорватского языка:

И. ед.: ѢЈШИ → ЂИ

«Верстаѣни јмена

Лѣхом обична јест Верстаѣних јмен кончина на ИЬШИ или на ѢЈШИ. Каког, Најаснѣјши, Најмлѣјши, Најсвѣтѣјши. Али Рѣсјаном, Ђервом и Херватом обична, и липља јест кончина ИЬИ или ЂИ. Каког, Јаснѣни, Најјаснѣни» (ГИ, 152).

Формальная избыточность, обусловленная разным составом флексий в книжном и не книжном вариантах «русского» языка, была представлена в грамматических позициях Р. ед. м. (-АГО, -ОГО/-ѢГО), П. ед. м., с. (-ѢМ, -ОМ), а также Д.-П. ед. ж. (-ѢИ, -ОИ), Р. ед., И.-В. мн. ж., В. мн. м. (-ЫА, [-ѢѢ, -ОЙ] -ЫѢ). Снятие формальной избыточности осуществлялось Крижаничем посредством устранения книжных формантов, что было продиктовано хорватским языком:

Р. ед. м., с.: -АГО, -ОГО/-ЕГО → -ОГО/-ЕГО

«Јзкерник јед. јмен м., н.

(Јзкерник въ мъжскомъ и въ ннѣдинскомъ плѣменѣ) творѣтсе по Рѣску на ОГО во всѣхъ јменехъ, а ъ Лѣховъ всегда на ЕГО, а ъ преводниковъ вездѣ на АГО, а ъ Херватовъ при знаковницѣхъ тонкихъ на ОГА, а при шѣмнихъ на ЕГА. Али ми паче хвалѣмъ ОГО. Зато жежъ складъ ОГъ јестъ обиченъ Рѣсѣаномъ, Херватомъ, Сѣрвомъ, Чѣхомъ, а складъ АГъ нигдѣже въ льѣдѣхъ неслѣшитсе и невѣмо, въ коѣеѣ странѣ и когдѣ въ предавнихъ виѣхъ вѣнъ вѣнъ ѣживанъ..» (ГИ, 38–39).

П. ед. м., с.: -ѢМ, -ОМ → -ОМ

Д.-П. ед. ж.: -ѢИ, -ОИ → -ОБ (ОИ)

«Придѣвникъ јед. јмен м.,

Придѣвникъ, Противникъ јед. јмен ж.

Въ Рѣскомъ, въ Херватскомъ и по простѣ во всемъ Словѣнскомъ језику неизходѣтъ сеи прѣгѣвѣ знако, нежъ на ОМ. ОБъ, мѣо на ЕМ, ЕЪ... Јното ова кончина на ѢМ, ѢЪ, Ѣ всако јестъ блѣдна, мерзка и негодна» (ГИ, 40–41).

Р. ед., И.-В. мн. ж.: -ЫА, -ЫЕ, (-ОЕ, -ОЙ) → ИЕ

«Јзкерникъ јед. јмен ж., Јменникъ, Крозникъ вн. јмен ж.

Жѣнско плѣме јмаѣтъ дѣвнѣ невстојалностъ въ окончѣнѣхъ и вногѣ различно се изриѣаѣтъ. По Рѣску на ИЕ, ОЕ, ОБъ... изриѣаѣња на А нѣстъ тѣтъ нигдѣже въ льѣдскомъ говорѣнѣхъ... Али липалье и разѣмније се видѣтъ ЕЈЕ да ИЈЕ» (ГИ, 39–40).

Особую характеристику получила форма И. мн. м. на -ИИ, которая была воспринята Крижаничем как ошибка, требующая коррекции с точки зрения хорватского языка:

И. мн. м.: ИИ → И

«Женник вн. м.

Не можемсе пак доста начѣднт, за что превѣдники въ мъжскомъ сего мѣста окончанїѣ пишѣт двоје И, сице Бѣликин... гдѣ вѣднн въ каковоѣже Словинского језика отминѣ мѣ неможемъ ѣзрит слѣда нит подобѣа томѣ ѣдвоѣномѣ словѣ И. Въ Рускоѣ отминѣ слышитсе сицево ѣдвоѣненје да лихѣ невимѣ, не от превѣдниковъ ли јестъ взето се говорѣненје, паче неже от народногѣ обичѣа» (ГИ, 43).

Система форм имен прилагательных, получивших в результате «селекции» статус нормативных форм, может быть также представлена в итоговой таблице:

Падеж	7, 8 склонения		
	мужской род	средний род	женский род
Ед. ч.			
И.	<i>ИЬ</i>	<i>ОЈЕ/ЕЈЕ</i>	<i>АЈА</i>
З.	<i>ИЬ</i>	<i>ОЈЕ/ЕЈЕ</i>	<i>АЈА</i>
В.	<i>ИЬ</i>	<i>ОЈЕ/ЕЈЕ</i>	<i>УЈУ</i>
Р.	<i>ОГО/ЕГО</i>	<i>ОГО/ЕГО</i>	<i>ИЈЕ</i>
Д.	<i>ОМУ/ЕМУ</i>	<i>ОМУ/ЕМУ</i>	<i>ОЬ/ЕЬ</i>
П.	<i>ОМ</i>	<i>ОМ</i>	<i>ОЬ/ЕЬ</i>
Т.	<i>ИМ</i>	<i>ИМ</i>	<i>ОЛУ/ЕЛУ</i>
Мн. ч.			
И.	<i>И</i>	<i>АЈА</i>	<i>ИЈЕ</i>
В.	<i>ИЈЕ</i>	<i>АЈА</i>	<i>ИЈЕ</i>
Р.	<i>ИХ</i>	<i>ИХ</i>	<i>ИХ</i>
Д.	<i>ИМ</i>	<i>ИМ</i>	<i>ИМ</i>
П.	<i>ИХ</i>	<i>ИХ</i>	<i>ИХ</i>
Т.	<i>ИМИ</i>	<i>ИМИ</i>	<i>ИМИ</i>

Местоимение было определено Крижаничем как часть речи, замещающая имя: «Јмени́ка јест рѣч, ко́ја се кла́детъ въ мѣсто́ јмена. ка́кот, ја́, тѣ́, онъ» (ГИ, 63).

Формальная избыточность, обусловленная разным набором флексий в книжном и некнижном «русском» языке, проявлялась в грамматических позициях Р. ед., И.-В. мн. ж., В. мн. м. (-О(Е)А, -О(Е)Ъ). Снятие формальной избыточности осуществлялось посредством устранения книжных форм, которые воспринимались Крижаничем как неупотребительные:

Р. ед. ж., И., В. мн. ж., В. мн. м.: -О(Е)А → -О(Е)Ъ
«Јзкерникъ јед. јмен ж., Јменникъ, Крозникъ вн. јмен ж.

Крозникъ вн. јмен м.
Јменики право њдѣт на ЕЈЕ» (ГИ, 40).

Причастие было представлено Крижаничем как часть речи, грамматически уподобленная имени и глаголу: «Медольѣнје јест рѣч јмену сподобна, ра̀звѣ что знаменѣјет вре́мѣ сада̀шнь, ка́кот, јма́ѣщ, ве́дѣщ, ведещ, или промѣньено, ка́кот, јма́л, вел, вода́, јма́н, веде́н, ве́дженъ» (ГИ, 2).

Имя-образующие грамматические категории рода, числа и падежа представляли разный объем реализации в причастных формах книжного и некнижного «русского» языка: в книжном языке данные грамматические категории охватывали всю систему причастных форм, тогда как в некнижном языке вне реализации грамматических категорий рода, числа и падежа оказывались краткие действительные причастия (деепричастия), а вне реализации грамматической категории падежа — краткие страдательные причастия. С точки зрения хорватского языка, в котором функционировали неизменяемые деепричастия, книжный «русский» язык демонстрировал *формально-семантическую избыточность*, требующую устранения посредством кодификации неизменяемых или несклоняемых кратких действительных причастий и несклоняемых страдательных причастий:

«Медольѣнѣја прѣста претвара́ѣтсе, ка́коти и јмена по всѣхъ числехъ и прѣгнѣхъ. А медольѣнје неокончано непретвара́ѣтсе, него въ једно́ѣ кончине склада́ѣтсе зъ јменими, во всѣхъ

числех али не во вснх прегнбех, но въ единомъ именикѣ. Садашнье. Јмаја или Јмаѣцъ или Јмаѣщи. Промѣнено. Јмав, и Јмавши. Про. терпѣлно. бѣв или бѣвши Јман. Пришѣстно. Јмаја Јмат» (ГИ, 80).

Глаголо-образующая грамматическая категория времени реализовалась во всей системе полных причастий «русского» языка, тогда как в хорватском языке не употреблялись формы страдательного причастия настоящего времени. С позиции хорватского языка «русский» язык представлял *избыточность*, источник которой Крижанич видел во влиянии греческого языка, указывая на тождественность образования причастных форм страдательного залога настоящего времени от основ настоящего времени (от форм I л. мн.):

«У Греков Терпѣлно медольѣнѣ, Садашньего врѣмена творѣтсе отъ пѣрвије особи вножинного числа... А будѣщъ жеже У Грековъ јестъ прѣлишно вногѣ Уживанѣ медольѣнѣ: зато сѣтъ прѣводники издѣмали У насъ таковожъ терпѣлно. Садашньего врѣмена медольѣнѣ: и отъ тојежъ пѣрвије вножинније особи. Ми Льѣвимъ творѣтъ нѣкъ и нѣгдѣжъ въ льѣдѣхъ неслѣшанѣ рѣчъ, Льѣвимъ, льѣвѣма, льѣвѣмо» (ГИ, 102).

Формальная избыточность в книжном «русском» языке была представлена у полных действительных причастий в грамматической позиции **И. ед. м.**: нестандартная флексия **-АИ** также была мотивирована, по мнению Крижанича, влиянием греческого языка:

«Сказно и мѣрзко Греки, наши прѣводники, кончинѣ Щ претварѣѣтъ на ЈАЈ и на ИЪ» (ГИ, 101).

Глагол определялся Крижаничем как часть речи, обладающая грамматическими категориями:

наклонения (изъявительное наклонение // повелительное наклонение // сослагательное наклонение // неопределенное наклонение: «Начини рѣчѣнъ јесѣтъ четѣри. Повѣдалниъ,

ко̀ним что повидѹ́јем... Заповида̀лннъ, ко̀ним заповида̀јем и проси́м... Приди́ва̀лннъ се приди́вајет ко спо́јенјѹ... Неоконча̀ннъ, ко̀нъ ни́мајет оконча̀ннје особи, ни́т чѹсла...»),

времени (настоящее время // прошедшее время: аорист / имперфект / перфект / плюсквамперфект // будущее время: будущее первое / будущее второе: «Ври́менъ ри́чинннхъ јестъ шѣстъ. Сада̀шннѣ, Про́мннѣно Кра̀тко, Про́мннѣно До́лго, Про́мннѣно Со́верше́но, Пром. Пресо́верше́. Прише́стно»),

лица: (первое лицо // второе лицо // третье лицо: «О̀соби јесу́т три. Пе́рва, Вто́ра, Трѣ́тја»):

Ри́чина јестъ ри́ч, ко̀ја се претвара̀јет по три́х о́совахъ и по разни́хъ ври́менехъ, како́т, Јма́јѹ, Јма́јеш, Јма́јет, Јма́јем, Јма́јете, Јма́јѹт, Јма́т хо́шѹ» (ГИ, 2–3).

С точки зрения Крижанича, как носителя хорватского языка, категории времени и лица в книжном «русском» языке не требовали исправления, «несовершенство» являл только некнижный язык.

Грамматическая категория времени задавала дистанцию между книжным и некнижным языком по составу членов грамматической оппозиции: системе форм прошедшего времени книжного языка была противопоставлена л-форма некнижного языка. С позиции хорватского языка, в котором была представлена развернутая система временных форм, книжный «русский» язык демонстрировал *формально-семантическую норму*, а некнижный «русский» язык *формально-семантическую недостаточность*.

Грамматическая категория лица демонстрировала в книжном и некнижном «русском» языке разный объем реализации: в книжном языке грамматическая категория лица была представлена во всей системе форм, тогда как в некнижном языке вне действия этой грамматической категории оказывались формы прошедшего времени изъявительного наклонения и формы сослагательного наклонения. С точки зрения хорватского языка, реализовавшего грамматическую категорию лица во всей системе глагольных форм, «русский» книжный язык являл *формально-семантическую норму*, тогда как некнижный язык демонстрировал *формально-семантическую недостаточность*:

– изъявительное наклонение, прошедшее время:

«Тож опѣшцаѣ речини **ЈЕСЕМ**, и въ ѡбщем **РѸском** **језикѸ** негѡжѸ чинитъ **БЕСИДѸ**, або въ мисто нѣејѣ вездѣ непо-
трѣбно изрикајѸт именники, **ЈА**, **ТѢ**, **ОН**» (ГИ, 161),

– сослагательное наклонение:

«**РѸсјани** вездѣ велѣт **БИ**, кт, **ЈА** би **ЈМАЛ**, **ТѢ** би **ЈМАЛ**,
ОН би **ЈМАЛ**, **МѢ** би **ЈМАЛИ**, **ВѢ** би **ЈМАЛИ**, **ОНѢ** би **ЈМАЛИ**.

А Херватѣ въ пѣрвѣх ѡсѡбах непремѣнно велѣт **БИХ** и
БИМО, а въ ѡстѡлнѣх изрикајѸт двојѡко, **ВѢ** вистѣ **ЈМАЛИ**, или
ВѢ би **ЈМАЛИ**, **ОНѢ** вѣхѸ **ЈМАЛИ** или **ОНѢ** би **ЈМАЛИ**» (ГИ, 78).

Представляя формально-семантическую норму, книжный «русский» язык не выдерживал, по мнению Крижанича, формальной нормы: *формальное* «несовершенство» проявлялось в наличии неупотребительных форм, имевших заимствованный или исконный характер.

Влияние польского языка на книжный «русский» язык Крижанич отметил в системе форм сослагательного наклонения:

сослагательное наклонение: **БЫМ** (**БИМ**)... → **БЫХ** (**БИХ**)

«Придивалннь начин.

Лѣшщина же, **БИМ**, **БИ** **ѢСИ**, за **БИХ**, **БИ**» (ГИ, 151).

Исторически не мотивированным влиянием немецкого языка Крижанич объяснял аналитические формы будущего времени изъявительного наклонения, представленные в «русском» языке, и предлагал формы, поддержанные хорватским языком:

Изъявительное наклонение: **вѹдѹ** + инфинитив → **вѹдѹ** + л-форма

«**Повидѡлннь начин. Пришѣстно Дрѹго.**

Бѹдем **ЈМАТ** и ѡстѡлно ѡво во јестъ сказа, **взѣтѡ** из **Нимѣцкого** **језика**. Но рѣци, **ЈА** **вѸдѸ** **ЈМАЛ**» (ГИ, 77).

В книжном «русском» языке Крижанич отметил в качестве неупотребительных глагольные формы на **-АА-**, формы аориста 3 л. ед. на **-Т**, формы настоящего времени 2 лица на **-ШИ**:

— «...нема̀ло сказа̀них ричи́нь, које ни́сѣт ни́гдањ вь льѣдѣх с̀лишани б̀или. А̀ ни́коуи́х и вь Грѣцскихъ прѣво̀дѣх ни́т ѡ̀видит. А̀ ни́које јесѣт сказа̀но ѡ̀творени по обзорѣ на Лешскѣ отминѣ. Ка́кот чѣш јесѣт ови́ ричи,

Творјаах, Творјаати, Творјаал, Творјаабь, Творјаавнь,
Творјаан.

Њицево творѣње и гласници А ѡ̀двојење ни́гдањ ни́т с̀лишано, ни чтено» (ГИ, 103),

— «Пови́да́лннь на́чин. Проми́ньено кра̀тко

Сего врѣмена трѣтја особа вьзди јест једнака со вѣторѣ. Бѣдно адда ни́коуи́ пи́шѣт, Јат, Вза́т, Отја́т, Прија́т.

А без обзорѣ на Лѣхов, Билорѣсјани по своѣм ѡ̀мислѣ бѣдно заверша́јѣт на Т трѣтјѣ особѣ проми́ньеного кра̀ткого врѣмена» (ГИ, 153),

— «Пови́да́лннь на́чин. Сада́шнье врѣме

Вѣторихъ особѣ оконча́ње на ШИ, Јмајѣши, Веде́ши, Во́диши, ни́т Рѣско, ни Херватско, ни Сѣрвско: но вь преда́внихъ ви́кѣх јест б̀ило вь ни́коуи́ стра́не во ѡ̀жива́нјѣ. А̀ сада́ јест необи́чно и ме́рзко с̀лишнт. Ј мора́јем је почита́т вь ста́рије, необи́чније и заверже́нјѣ ричи» (ГИ, 149).

Отметив формальное «несовершенство» книжного «русского» языка и формально-семантическое «несовершенство» некнижного «русского» языка, Крижанич посчитал возможным продемонстрировать систему глагольных форм хорватского языка, отличавшуюся, по его мнению, генетической «чистотой» и структурной «прозрачностью»:

— изъявительное наклонение: настоящее время — прошедшее время (аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект) — будущее время:

«Пови́да́лннь на́чин. Сада́шнье Врѣме: Јмам, Јмаш, Јма, Јмамо, Јмате, Јмајѣ. Проми́ньено Кра̀тко Врѣме: Јма́х, Јма́,

Јма́, Јма́смо, Јма́сте, Јма́ше. Промѣньено Дѡлго Врѣме: Јма́хн, Јма́ше, Јма́ше, Јма́хом, Јма́хомо, Јма́хоте, Јма́хѹ. Промѣньено Совершѣно Врѣме: Јма́л сем, Јма́л си, Јма́л је, Јма́ли смо, Јма́ли сте, Јма́ли сѹ. Промѣньено пресовершѣно Врѣме: Једнократним ричинам властито: Бја́хн, Бја́ше, Бја́ше Дѡл, Бја́хом, Бја́хоте, Бја́хѹ Дѡли. Пришѣстно Перво: Јма́т хо́щѹ, Јма́т хо́щеш, Јма́т хо́щем, Јма́т хо́щете, Јма́т хо́теш. Пришѣстно Дрѹго: Бѹдѹ, вѹдеш, вѹдет Јма́л, Бѹдем, Бѹдети Јма́лн»,

– повелительное наклонение:

«Заповида́лннъ на́чин. Јма́ь ти, Јма́ь он, Јма́јмо, Јма́јте ви, Јма́јте они»,

– сослагательное наклонение: настоящее время, прошедшее время, будущее время

«Придивѡлннъ на́чин. Сада́шнѹе Врѣме: Јма́л вих, Јма́л ви, Јма́л ви, Јма́ли вѣсмо, вѣсте, вихѹ.

Промѣньено Врѣме: Бѣл вих Јма́л, Бѣл ви Јма́л, Бѣли вѣсмо, вѣсте, вихѹ Јма́ли.

Пришѣстно Врѣме: Когда вѹдѹ Јма́л, Когда вѹдем Јма́ли»,

– «неопределенное» наклонение: настоящее время, прошедшее время, будущее время

«Неокончанинъ на́чин. Сада́шнѹе Врѣме: Јма́ти.

Промѣньено Врѣме: Јма́вшн вѣт.

Пришѣстно Врѣме: Јма́т Јма́т» (ГИ, 75–79).

Однако Крижанич не рассматривал хорватские формы как нормативный элемент книжного «русского» языка, утверждая, что «негодѣтсе писателѹ сѣдѣти Херватского окончѡнѡ (вѹдѹщ оно далеко отминно от Руского доброго) но ѹживѡт јест Руского обичного окончѡнѡ: ако неѹдет сказно» (ГИ, 147).

Крижанич лишь последовательно проводил критику «русского» языка в контексте межъязыковых сопоставлений, контрастно демон-

стрируя «порчу» «русского» языка реальным влиянием польского языка и «разумность» возможного влияния хорватского языка.

Синтаксические изыскания Крижанича отражали традиционное атомистическое понимание предложения как «сочинения» «восьми частей речи». Смысловые отношения, выраженные предложением, были заключены в отдельных формах слов, а единственной проблемой синтаксиса являлась проблема «согласованности» частей речи, т. е. сочетаемости их соответственно их значению. Классификация частей речи, объединявшая лексические и морфологические признаки, была основой синтаксиса, поскольку слово не имело иной функции, кроме выражения своей «семантической энергии», распределенной между корнями и аффиксами.

Поскольку книжный «русский» язык возник как «преводничскнь», т. е. в результате перевода греческих богослужебных книг, основную причину его «непригодности» к «разумному» использованию Крижанич видел в грецизации синтаксиса: «Греки... вс состав и обличје нашего језика по обзорѣ на своѣ језик изо дна извратили и претворили» (ГИ, IV). Устраняя «обезјанство по обзорѣ на грѣчскнь језик», Крижанич в первую очередь проводил замены синтаксических грецизмов:

— конструкции с родительным приименным

По мнению Крижанича, особенностью греческого и латинского «сочинения» имен существительных являлось расширенное, по сравнению со славянскими языками, употребление родительного приименного. В славянских языках родительный приименной соотносился с притяжательным или относительным прилагательным, а также с дательным приименным, допускался же только при наличии нескольких определений к одному определяемому или при наличии зависимых слов при определяемом. Калькирование греческих и латинских конструкций, с одной стороны, изменяло характер и принципы дифференциации средств выражения притяжательного значения в книжном «русском» языке, а с другой стороны, влияло на норму глагольного управления:

«Ѹ Греков, и Ѹ Латинцев, когда коли двѣ ѡмена обстоѡна (разнитѣе вѣщи знаменѡвца) въ весѣде стоѡетъ безъ споѡенѡ, ѡдно изъ нѣхъ стоѡитъ во Ѥзерникѣ. А Ѹ насъ въ мѣсто Ѥзерника стоѡитъ ѡме придѣвно Владѣлно или Прѣстоѡлно.

Страхъ Господа → Страхъ Господень.

А коли пакъ при дрѡгомъ обстоѡномъ вѣдетъ коѡе Придѣвно, ѡлѣти дрѡго обстоѡно по нѣдже морѡжетъ стоѡятъ во Ѥзерникѣ.

Зло пакъ: Тоъ ѡестъ сѣнъ Бѡжѣнъ, спасаѡвцаго рѡдъ чловѣческии. Реци, Онъ ѡестъ сѣнъ Бѡга спасаѡвцаго родъ чѡ.

А нѣка изглашѡемъ во Прѡтивникѣ.

Господи Владѣно животѣ моѡемѣ» (ГИ, 174).

– конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. мн.

В греческом и латинском языках «сочинение» имен прилагательных, местоимений и причастий совпадало при их субстантивации. В славянских языках, по мнению Крижанича, субстантивированным прилагательным, местоимениям и причастиям функционально соответствовали имена существительные со значением носителя признака и словосочетания имен существительных и прилагательных. Для выражения обобщенно-субстантивированного значения в греческом и латинском языках использовалась форма **И.-В. ср. мн.** субстантивированных прилагательных, местоимений и причастий. Явленные в книжном «русском» языке кальки данной конструкции, должны были, по мнению Крижанича, заменяться конструкциями с субстантивированными прилагательными, местоимениями и причастиями в форме **И.-В. ср. ед.**, либо конструкциями с именами существительными со значением абстрактного признака, либо конструкциями со словосочетаниями, компонентами которых являлись имена существительные и прилагательные:

«Ѹ Греков, и Ѹ Латинцев, всѡко ѡме придѣвно, мѡжетъ стоѡятъ въ мѣсто обстоѡного... Лѣчши нѣшцъ правѣден, неже богѡтъ ложивъ.

Али ѿ насъ негодѣтсе тако говоритъ, но мѣ придѣвна живѣщихъ особъ имена претварѣajem въ обстојна на ЕЦ или на НИК... Аѣчи јестъ Нишцецъ праведенъ, неже богатецъ ложивъ.

А въ нѣкихъ мѣстехъ, гди ѿ Грековъ стоѣитъ придѣвно једино, мѣ липље придѣваемъ къ нѣмѣ обстојно... Аѣчи јестъ чловикъ нишцъ, и праведенъ, неже богатъ а ложивъ.

А во вножинномъ числѣ Греки и Латинци кладѣтъ придѣвна Нијединска (держѣща обстојнихъ обличѣе) и приразѣмѣвајѣтъ Прагмата, Ёрга, Вѣщи, Дела или Стварн.

Богъ возмагѣетъ всѣческа. Реци, Богъ возмагѣетъ все или всѣчинѣ или всѣкије вѣщи» (ГИ, 156–157),

«А во вножинномъ числѣ ѿ Грековъ вногѣ кратъ стоѣитъ, а ѿ насъ ни отнѣдѣ нестанетъ придѣвно јме въ обстојного мѣсто.

Что аѣда Греки велѣтъ и Латинци не реци ти, всѣ чловѣческа сѣт сѣжетна, нити всѣческа сѣт сѣжетна. Него реци, всѣ чловѣчко битѣ јестъ сѣжетно, всѣкије чловѣчскије вѣщи јесѣт сѣжетни» (ГИ, 173).

конструкции с притяжательными и возвратными местоимениями

В соответствии с синтаксисом греческого языка книжный «русский» язык демонстрировал дифференциацию притяжательных местоимений по лицу, ограничивая употребление местоимения «свой» грамматической позицией 3 лица. Устранение синтаксического гречизма проявилось в снятии функционального ограничения:

«Въ мѣсто Скѣвъ, кладѣтъ Мѣвъ, Ткѣвъ...

ис. 6: по́стель ѿ моѣ ѿ омочѣ. Реци, по́стель ѿ своѣ ѿ омочѣ» (ГИ, 161).

Влиянием греческого синтаксиса объяснялось контактное положение местоимения **СА**, которое, по мнению Крижанича, должно было замениться на дистантное:

«Ричиѣ ѿ СЕ пренѣсетъ изъ нѣе мѣста. Јзповѣмъ ти. Реци, Јзповѣмъ ти се» (ГИ, 162).

— конструкции с относительными местоимениями, согласованными с определяемым словом в роде, числе и падеже

Особенностью греческого синтаксиса, отразившейся и в книжном «русском» языке, являлось употребление придаточных конструкций с относительными местоимениями, согласованными по роду, числу и падежу с тем словом главного предложения, к которому они относились. По утверждению Крижанича, синтаксическая норма славянских языков, совпадающая с нормой латинского языка, требовала падежа местоимений, определенной моделью управления глагола-сказуемого придаточного предложения:

«А ѿ Греков и въ прѣгнѣхъ занѡсно ѿме всегда се згаджаетъ съ прошѣстнимъ. А ѿ насъ и ѿ Латинцевъ токмо въ числѣ, и въ плѣменѣ, съ прошѣстнимъ ѿменомъ, а въ прѣгнѣхъ съ послѣдѣщѣхъ ричинохъ мораетъ битъ сгѡдно.

Повелѣнѣмъ, ѿмже заповѣда → Повелѣнѣмъ, ѿже заповѣда» (ГИ, 173).

— конструкции с причастиями в полупредикативной и предикативной функциях

Синтаксис причастий в книжном «русском» языке подвергся особенно сильному греческому влиянию, что обусловило маркированную роль причастий как грамматического показателя книжности.

По мнению Крижанича, конструкции с причастиями в полупредикативной и предикативной функциях следовало заменить глагольно-личными конструкциями. Особое внимание Крижанич уделил конструкции «дательный самостоятельный», калькировавшей «родительный самостоятельный» греческого языка. Выстраивая аналогию с синтаксисом латинского языка, Крижанич считал необходимым заменить в «русском» языке конструкцию «дательный самостоятельный» на придаточные глагольно-личные конструкции с обстоятельством значением:

«Греки на избит гдѣсто ѡживајѡт Медольѣнје и мало да не всака четвѣрта рич ѡ нѣих јест Медольѣнје. Потомуѡж и нашин предки во вногих, хоц непристојних мистех кладѡт Медольѣнје.

Перво, во мисто јменики Јже или Кни.

Нѣст во смѣрти, поминајаѡ тебе. → Нѣст того во смѣрти, иже би те поминал.

Второ, кладѡт Медольѣнје во мисто Ричини.

Всјак иже просјаѡ пријемлет, и иже ницаѡ обрѣцет. → Всјакни, иже просит, пријемлет, и иже нищет обрѣтајет» (ГИ, 163–164),

«Что Греки велѣт, то нашин преводники преводет на Протѣвниъ прѣгнѣ. Јаѡщѡ жемѡ. Зато жеже Гречески Јзкерник, и наш Протѣвник, ободва једнако изходет на ѡ. Али пак сице преводит, ниѣст преводит, но приврацѣт језик. Такова во говорѣња нигдаже ниѣст во обичајѡ во нашем језику...»

Латинци таково мѣста преводет различно. Нигда на прѡст Орѣдник нигда на ричицѡ Когда.

Потомѡж адда и ми морајем таково мѣста различно преводит, како се гди гожије биѣт покажет. Се јест на Орѣдник прѡст, на Когда, на За, на При, и на Бѣдѡщ и, Биѡши, или на јно Медольѣнје» (ГИ, 179).

– инфинитивные конструкции

Наиболее последовательно, по мнению Крижанича, синтаксическая зависимость книжного «русского» языка от греческого языка проявилась в использовании инфинитивных конструкций. Так, частотной инфинитивной конструкцией являлся «винительный с инфинитивом»: действие, являвшееся предметом речи или восприятия, выражалось инфинитивом, а его субъект был выражен именем в винительном падеже:

«Неокончѣлна ричина (ѡ Греков и ѡ Латинцев) јмајет прѣд совојѡ Крозник. Али сицево говорѣнје ниѣст нам обично, него ми ладније велим.

Радѡѡсе, тебе биѣт здрава. → Радѡѡсе, жеже ти јеси здрав» (ГИ, 175–176).

Средством выражения целевых значений в греческом языке являлась инфинитивная конструкция, в которой к инфинитиву прибавлялся артикль в среднем роде. В книжном «русском» языке эта конструкция передавалась оборотом «еже+инфинитив», где союз «еже» выступал в соответствии с греческим артиклем. В латинском языке средством выражения целевых значений выступали герундий и супин. По мнению Крижанича, конструкция «еже+инфинитив» должна была заменяться на независимый инфинитив, имена существительные со значением абстрактного действия или на глагольно-личные конструкции «ДА+конъюнктив» или «ДА+индикатив», при этом последняя конструкция поддерживалась хорватским языком:

«...когда се знаменѣет причина, дльаради које се что чинит, Греки кладѣт Неокончѣлник прѣст, съ привержком тѣ (того). Нам пак въ снцевѣх мѣстех право стоѣит или Неокончѣлник прѣст, без привержка јлн споѣнје ДА.

Придоша, еже слѣшати слово Божје. → Придоше слѣшат слово Божје. Придоше, да вѣхъ слѣшали Божје слово» (ГИ, 159),

«Греки ѡживѣѣт Неокончѣлника со всѣкими предлѣжки, по всѣх прѣгнѣвѣх, вѣдѣто јмена Ричинного. А Латинци въ такѣвѣх мѣстех ѡживѣѣт своѣих Герундий и Супин, нам и Греком незнанѣх.

А ми ѡживѣѣем ричинних јмен, јдѣщих на НЈѢ или ТЈѢ. А переводники наши переводѣт рич на рич, нелѣдно и нестерпно, и кладѣт Неокончѣлник съ Предлѣжки и съ Привержком Жеже.

Еже лѣати нѣст моѣ. → Логѣти или Логѣнје нѣст моѣ нарав.

От еже спѣти. Реци, От спѣнја» (ГИ, 183).

— конструкции с одинарным отрицанием

Синтаксическим гречизмом Крижанич считал мононегативную конструкцию и полагал необходимым заменить ее на полинегативную:

«Отрицѣнје НѢ опѣщѣѣѣт и из мѣста преносѣт.

Ничтоже ме лишит. → Ничтоже ме нелишит» (ГИ, 160).

§2. Книжная справа Юрия Крижанича: библейские тексты на правильном и понятном литературном языке

Осуществленное Юрием Крижаничем «граматично радѣнїе» было направлено на его активную реализацию в библейских текстах, книжный язык которых был далек от совершенства:

«До сих во врѣмен во свѣтом божѣем писмѣх и всѣх преводех нашихъ въ никоихъ мѣстехъ вногѣ jest ричѣь, а мало разума» (ГИ, V).

Культурно-языковое разрешение на исправление библейских книг для достижения их адекватного понимания Крижанич, как и подобало иезуитскому миссионеру, подтверждал ссылкой на языкотворческую деятельность Блаженного Иеронима, осуществившего перевод Библии на латынь:

«Грама̀тично радѣнїе... вѣтъ потрѐнено... како блаженнь Иероним велѣтъ: Несподобитсе возгора̀жатъ малнхъ вещьѣхъ, без коихъ велики обсто̀ятъ немо̀гутъ» (ГИ, V).

С именем Блаженного Иеронима была связана и установка на *понятность* как основу адекватного библейского перевода: «Я могу перевести только то, что я прежде понял».

Стремление непосредственно скоординировать систему кодифицированных форм и императивные конфессиональные тексты обусловило своеобразную «справу» псалмов, инкорпорированных в правила-комментарии, представленные в грамматике Крижанича.

В результате проведенной Крижаничем книжной справы, как и в результате собственно «грамматической работы», элиминации подверглись языковые элементы, рассматриваемые Крижаничем как «чужие», т. е. как грецизмы или полонизмы, и как «свои», но нарушавшие «общую» грамматическую семантику, а также порождавшие синонимию или омонимию.

Формально-семантическая избыточность в библейских текстах определялась, по мнению Крижанича, прежде всего формами двойственного числа, маркировавшими книжную реализацию грамматической категории числа. Демонстрируя необходимость снятия данной избыточности, Крижанич осуществил правку на материале имен су-

ществительных со значением парности, составляющих мотивационную базу двойственного числа:

Исходный библейский текст	Книжная справка Крижанича
ГК числа: формы дв. числа	ГК числа: формы мн. числа
пс. 7:4 «Вь рѣкѣ моѣй»	«Вь рѣкаѣ моѣихъ»
пс. 23:4 «Не повинен рѣкама»	«Не повинен рѣками»
пс. 21:10 «От сосѣѣ маѣтере моѣа»	«От сосѣѣѣ маѣтере моѣеѣ» (ГИ, 123)

Подтверждение правильности замены форм двойственного числа формами множественного числа Крижанич нашел в самих библейских текстах на «русском» языке:

«Вь рѣкаѣ вражѣихъ. пс. 30. Подвижѣтисѣ ногѣмъ моѣимъ.
пс. 37. Воздухомъ рѣки. пс. 43. Дѣла рѣкѣ твоѣихъ. пс. 137»
(ГИ, 123).

Кроме того, Крижанич отметил и исправил случаи *формально-семантической дефектности* в реализации грамматической категории числа, которая проявилась в неверном употреблении ряда книжных слов, являвшихся либо словами *singularia tantum*, либо словами *pluralia tantum*:

Исходный библейский текст	Книжная справка Крижанича
ГК числа: формы мн. числа	ГК числа: формы ед. числа (<i>singularia tantum</i>)
Пс. 118:120 «Пригвозди плѣти моѣа»	«Пригвѣзди полѣт моѣѣ»
Пс. 49:13 «Бѣда ѣамъ мѣса ѣвѣча»	«Едѣали хошѣѣ ѣисти говѣдѣѣ мѣсо»
Пс. 64:1 «Умножи жѣта ѣѣа»	«Умножи жѣто ѣѣеѣ»
Пс. 21:19 «Мѣташа жрѣѣѣѣа»	«Мѣташа жрѣѣѣѣеѣ» (ГИ, 155)

Формально-семантические нарушения в библейских текстах давала и грамматическая категория одушевленности // неодушевленности: Крижанич исправил формы, демонстрировавшие отсутствие реализации данной категории:

Исходный библейский текст	Книжная справа Крижанича
пс. 77:51 «порази́ вѣтак первенецъ»	«порази́л жєст вса́кого пѣрвенца»
пс. 105:19 «сотвори́ша теле́ецъ»	«сотвори́ша теле́ца»
пс. 28:5 «ѡзѣтнѣтъ ѡ ѡко теле́ецъ»	«ѡзѣтнѣтъ же ѡко теле́ца» (ГИ, 7)

Формальная избыточность, представленная в библейских текстах у имен существительных, была обусловлена употреблением наряду со стандартными нестандартных языковых элементов. Наибольшую формальную избыточность демонстрировали имена существительные мужского рода в грамматических позициях **Р. ед.** и **И. мн.** Так, в грамматической позиции **Р. ед.** имена существительные обладали стандартной флексией **-А**, нестандартной флексией **-Ѣ**, имевшей словообразовательную мотивацию (имена с суффиксом **-ѢН-**), лексически прикрепленной нестандартной флексией **-И** (слово «пѣть»), а также нестандартной флексией **-Ѹ**, которую Крижанич рассматривал как полонизм. В грамматической позиции **И. мн.** помимо стандартной флексии **-И** имена существительные реализовали нестандартные флексии, имевшие словообразовательную или лексическую мотивацию: **'-Ѣ** (имена с суффиксами **-ТЕЛ-**, **-АНИН-**), **-ОВѢ/'-ѢВѢ** (имена с односложной основой), **-ІѢ** (имена с собирательным значением). Руководствуясь установкой на снятие формальной избыточности, Крижанич исправил все нестандартные флексии на стандартные:

Исходный библейский текст	Книжная справка Крижанича
Р. ед. м.:	
-А// -Е, -И, -У	-А
пс. 18:11 «Паче камене чѣстна»	«Паче драга камена»
пс. 113:1 «Домъ Иаковла»	«Дома Яковля» (ГИ, 7)
И. мн. м.:	
-И // -ІЕ, -Е, -ОВЕ/ -БВЕ	-И
пс. 103:11 «звѣрїе»	«звѣри»
пс. 26:12 «свидителе»	«свидѣтели»
пс. 4:4 «Синове»	«Сини»
пс. 148:7 «зміїеве»	«зміи»
пс. 87:11 «Врачеве»	«Врачи» (ГИ, 10)

Формальную избыточность, мотивированную разным набором флексий в книжном и некнижном вариантах «русского» языка, демонстрировали в библейских текстах имена прилагательные. Снятие данной формальной избыточности осуществлялось Крижаничем посредством замены неупотребительных книжных форм употребительными некнижными формами:

Исходный библейский текст	Книжная справка Крижанича
П. ед. м., ж.:	
-ѢМ -ѢИ	-ОМ -ОИ
пс. 32:2 «Во псалтири десѣто-стрѣнѣмъ»	«Во псалтирѣ десетострѣнномъ»
пс. 62:1 «Въ пѹстини Јѹдеѣстѣи»	«Въ пѹстинѣ Јѹдеѣскоѣ»

Особое внимание Юрий Крижанич уделял снятию *формальной недостаточности*, затмевавшей смысл библейского текста. Зону максимальной формальной недостаточности образовывали имена существительные мужского рода в грамматической позиции **В. мн.** и имена существительные женского рода в грамматических позициях **Р. ед.**, **И.-В. мн.**

Имена существительные мужского рода в грамматической позиции **В. мн.** представляли формальную недостаточность, проявляющуюся в двухуровневой омонимии по числу и падежу: омонимии в твердом варианте склонения **И. мн. -И = В. мн. -И**, возникающей для Крижанича как хорвата, и омонимии в мягком варианте склонения **Р. (В. для одуш.) ед. -А, -А = В. мн. -А**. Устранение флексии **-А** в грамматической позиции **В. мн.** лишь ограничивало формальную недостаточность (ликвидация омонимии **Р. ед. = В. мн.**), однако полное снятие формальной недостаточности (ликвидация омонимии **И. мн. = В. мн.**), удовлетворяющее хорватское языковое видение, было возможно, по мнению Крижанича, только посредством трансляции в данную грамматическую позицию флексии **-Е** из хорватского языка.

Исходный библейский текст	Книжная справа Крижанича
В. мн. м: ' (+шипящий и ц)	
-А	-И
пс. 50:21 « возложат на олтар твоѣ телца »	« возложѣт на олтарѣ твоѣ телци [телце] »
пс. 67:15 « егда разствѣит небесинь царя »	« когда разлѣчѣет небесинь царя [царе] »
пс. 149:8 « Связати царя ѡх пѣти »	« Свѣзат царя ѡх [царе ѡх] пѣтми »
пс. 117:9 « Ѹповати на князя »	« наднѣтсе на кнези [на кнезе] »
пс. 18:8 « ѸмѸдрѣта младенца »	« Јже ѸмѸдрѣет млѣднѣци [млѣднѣце] » (ГИ, 12)

Своеобразное разрешение на употребление флексии -Ѣ давали приведенные Крижаничем единичные примеры, взятые из библейских текстов на «русском» языке, демонстрировавшие нестандартную флексии -Ѣ, маркировавшую в книжном языке существительные определенной словообразовательной структуры (имена с суффиксом -анин-):

«**Ј** въ царскихъ книгѣхъ 4, въ главе 18, чтѣтсе снце: **Ј** изведе царъ Асирѣскнь Самарѣане въ асирѣѸ. **Ј** снце липо се разлѸчаетъ крозннк от Ѱменника» (ГИ, 111).

Равным образом, имена существительные женского рода в грамматических позициях Р. ед., И.-В. мн. представляли формальную недостаточность, проявлявшуюся в омонимии по числу и падежу в мягком варианте склонения: омонимия И. ед. -А = Р. ед., И.-В. мн. -А: Крижанич заменил книжную флексию -А некнижной флексией -И, бесспорно снимавшей омонимию:

Исходный билейский текст	Книжная справа Крижанича
Р. ед., И.-В. мн. ж.:	
-А	-И
пс. 19:7 «Спасѣние десница его»	«Спасѣнје десници јего»
пс. 10:6 «Част чаша их»	«Част чаши ѡих»
пс. 59:11 «До ЈдѸмеја»	«До ЈдѸмѣи»
пс. 129:5 «От стража Ѹтренья»	«От стражи јѸтреньје»
пс. 106:16 «Верѣя желѣзница сломѣи»	«Верѣи желѣзница сломѣи»
пс. 18:8 «Обрацаѣя дѸша»	«ОбрацаѣѸщ дѸши»
пс. 17:15 «Молнья Ѹмножи»	«Молньи Ѹвножи» (ГИ, 20)

Возможность замены неупотребительных форм, порождающих омонимию, употребительными формами, снимающими омонимию, подтверждалась примерами из библейских текстов на «русском» языке:

«А въ ѿнихъ мѣстехъ правнѣ стоѣнтъ, Порази́вшемъ цѣри бѣлиѣ пс. 135, Извѣи́ цѣри крѣпки пс. 134, Сохрани́хъ пѣти жестоки пс. 16, Я разби́етъ младенци твоѣя, ѡв ка́менъ пс. 136... Вице во тамож исто на ѿнихъ мѣстехъ стоѣнтъ добро написано: Я чаши моѣѣя, пс. 15. От плода пшеници, пс. 4, До двѣши моѣѣя пс. 68» (ГИ, 19).

Книжная справа, «встроенная» Крижаничем в грамматику, позволила достичь большего формального порядка на синтаксическом уровне, являвшемся традиционно периферией грамматик. Объектом исправлений выступали маркированные синтаксические конструкции, поддержанные в книжном «русском» языке греческим языком:

- конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. мн. → конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. ед., конструкции с существительными

Исходный библейский текст	Книжная справа Крижанича
пс. 8:7 «Всѣ покорѣа еси под нозѣ егѡ»	«Всѣ јеси Ѹпокорѣа под јего нѡги»
пс. 4:7 «Ктѡ јавѣт нам благѣја»	«Ктѡ нам јавѣт благо [добро]» (ГИ, 157, 173)

- конструкции с дифференцированными притяжательными местоимениями → конструкции с недифференцированными притяжательными местоимениями

Исходный библейский текст	Книжная справа Крижанича
пс. 31:15 «Јсповѣмъ на мѣ беззакѡнѣ мое»	«Јсповѣмъ на се беззакѡнѣ своѣ»
пс. 6:7 «пѡстель Ѹ моѣ Ѹ омѡчѣ»	«пѡстель Ѹ своѣ Ѹ омѡчѣ» (ГИ, 161)

- конструкции с контактным положением местоимения **СА** → конструкции с дистантным положением местоимения **СА**

Исходный библейский текст	Книжная справа Крижанича
пс. 29:13 «Јзповѣмса ти»	«Јзповѣм ти се»
пс. 39:6 «кто Ѹподобитса ти»	«кто ти се Ѹподобит»
пс. 2:12 «да некогда прогнѣвѣетса»	«да се не прогнѣвѣѣет»
пс. 6, 34, 39, 82, 128 «да постидѣтса»	«да се постидѣт» (ГИ, 162)

- конструкции с относительными местоимениями с полным согласованием → конструкции с относительными местоимениями с неполным согласованием

Исходный библейский текст	Книжная справа Крижанича
пс. 7:7 «Повелѣнѣм : ѿмже заповѣда»	«Повелѣнѣм : жеже заповѣда»
пс. 77:11 «Забѣнша чюдѣс его : ѿже јавѣ им»	«Чюдѣс : јаже ѿм јест јавѣ»
пс. 88:50 «Гдѣ сѣт мѣлости твоја дрѣвнѣја, јаже клѣлса ДѣѸ во јстинѣ твоѣ»	«Гдѣ сѣт мѣлости твоје дрѣвнѣје ѿмѣже клѣлсе јеси ДѣѸ во јстинѣ својѣ»
пс. 88:51 «Помѣни поношенѣ раб твоих : жеже поносиша врѣзи»	«Спомѣни на спонѣшенѣ рабѸ своих : ѿмѣже спонѣсише врѣзи твоѣ» (ГИ, 173)

– конструкции с одинарным отрицанием → конструкции с двойным отрицанием

Исходный библейский текст	Книжная справа Крижанича
пс. 22:1 «ничтѡже ме лишѣт»	«ниѣчтоже ме нелишѣт»
пс. 33:21 «ннедѣнна отъ нѣхъ сокрѣшѣтса»	«ниѣдѣнна отъ нѣхъ несокрѣшѣтсе»
пс. 88:23 «Ничесѡже Ѹспѣет»	«Ничесѡже неѸспѣет»
пс. 90:12 «да некогда преткнеши о камен ногѣ твоѣа»	«да никогдаже непотакнеши ѡб камен ногѣ своѣеѣ» (ГИ, 160)

* * *

Проведенное исследование позволило заключить, что предметом рефлексии Крижанича был церковнославянский язык (русского извода) – «Рѣскнь Кнѣѣжнѣ ѣзѣикъ», который он исправлял с целью поддержания *правильности и понятности*. Лингвистическая рефлексия Крижанича, маркирующая лингвистическую рефлексю «латинославянского» мира, носила *формально-семантический, конвергентный, корректирующий* характер и реализовалась в «*зоне грамматических категорий и средств выражения*»: *правильность и понятность* книжного «русского» языка достигались посредством устранения грамматической синонимии и омонимии, а также выбором грамматической семантики, общей для «русского» и хорватского языков. Идея формально-семантической самодостаточности книжного «русского» языка мотивировала снятие формально-семантической грецизации. Полученные результаты позволяют отказаться от традиционного мнения, согласно которому Крижанич «создал искусственный общеславянский язык», а его грамматика была «грамматикой придуманного языка» [Мечковская 1984, 48].

«Общий» славянский литературный язык
в секулярной культуре:
проблема понятности языка

§1. «Узајемні правопіс славјанскі то је: Uzajemna Slovnica ali mluvnica Slavjanska» Матии Маяра 1865 г.: модель нового «общего» понятного славянского литературного языка, сравнительная характеристика славянских языков

Мотивированная концепцией *этнического универсализма* лингвистическая рефлексия, направленная на функциональное переосмысление одного из славянских языков и/или на искусственное создание *нового «общего» славянского литературного языка*, реализовалась в императивных текстах и в экспериментальных грамматических сочинениях.

Этнически мотивированная лингвистическая рефлексия, актуализировавшая идею искусственного создания *нового «общего» славянского литературного языка*, понятного всем славянам, получила наиболее последовательное выражение в грамматическом труде словенского священника и ученого Матии Маяра «Узајемні правопіс славјанскі то је: Uzajemna Slovnica ali mluvnica Slavjanska» (далее – УП), в котором была предложена модель «*взаимнославянского*» языка.

В напряженной культурно-политической ситуации XIX века концепция «всеславяинства» являлась одной из форм борьбы за национальные права славян, за эмансипацию славянских народов, в первую очередь, в границах империи Габсбургов. В данном политическом контексте Матия Маяр утверждал, что «сам Бог установил так, что все наши племена составляют по крови и родству единый славянский народ», и формулировал основные принципы «всеславяинства»: 1) каждое славянское «племя» должно сохранить свои отличительные черты и особенности, свое имя, свою историю, свою литературу и свои права, однако перед остальным миром славяне должны выступать как единый народ, 2) «славянская взаимность»

должна распространяться «при помощи книг и статей, пером и перочинным ножичком, бумагой и чернилами, а не войной, не острой саблей, не пушками и не ружьями», 3) согласие и «взаимность» должны охватить все славянские племена без исключения, 4) «славянская взаимность» должна быть действенной, активной, для нее нужно трудиться практически [Чуркина 2001, 116–118].

Практической реализацией «всеславянской программы» и явилась работа по созданию «общего» славянского литературного языка, призванного продемонстрировать всему миру, что «славяне единый народ». Первым шагом на пути языкового объединения славян, зафиксированным в книге Маяра «Правила образования иллирского наречия и общеславянского языка» (1847 г.), стала попытка создать иллирский литературный язык, объединяя «поднаречья сербско-хорватское и словенское в единый литературный язык», который затем должен был соединиться с другими главными «наречиями» – русским, чешским и польским – в единый славянский литературный язык.

Опыт непосредственного конструирования «общего» славянского литературного языка, основанный на научных трудах выдающихся славистов Ф. Миклошича («Сравнительная грамматика славянских языков», 1852), П. Шафарика и М. Гатталы, был представлен Маяром во «Взаимной славянской грамматике» (1865 г.), которую он считал своим «самым важным литературным трудом». Процесс создания «взаимнославянского» языка Маяр разделял на два направления: постепенное сближение славянских литературных языков, которое должны продемонстрировать в литературной практике славянские писатели, и выработка «взаимнославянских» грамматических правил на основе правил отдельных славянских литературных языков.

Утверждая необходимость постоянного практического «всеславянского» общения, Маяр призывал славянских писателей «писать взаимно»: «Pisati uzajemno je prepolezno, prekoristno i neobhodno potrebnno» (УП, 7). Отвечая на вопрос «что значит писать взаимно», Маяр объяснял, что писать «взаимно» значит писать на славянских литературных языках так, чтобы они постепенно «сближались» и «уподоблялись» друг другу для облегчения славянской коммуникации: «Pisati

uzajemno se pravi: pisati v dosadajnih književnih jezikih pa tako, da se oni po malu bližaju i med seboj podobniji prihadjaju na toliko, da književen Slavjan za potrebu razumi vsaku uzajemno spisano slavjansku knjigu» (УП, 5).

Возможность формально-семантического «сближения» и «уподобления» славянских литературных языков была, по мнению Маяра, мотивирована историей славян, имевших в истоке единый церковнославянский (старославянский) язык, а также поддерживалась современным функциональным состоянием сложившихся национальных славянских литературных языков, среди которых первенствующее положение занимали русский, сербохорватский, чешский и польский языки: «Slavjanski jezik se deli na jezik staroslavjanski i na sadajnu slavjanščinu. V sadajnoj slavjanščině razlikujemo slavjansko prostorecǰe i slavjanščinu književnu. Glavni književni jeziki su: jezik ruski, jezik horvatskoserbski, jezik česki, jezik poljski» (УП, 1). Свою собственную лингвистическую задачу Маяр видел лишь в том, чтобы создать *механизм*, облегчавший *формально-семантическое* и *формальное* «сближение» и «уподобление» языков. В этой связи основной проблемой для Маяра стала проблема *снятия формально-семантической* и *формальной дистанции* между славянскими литературными языками. Поскольку исторически мотивированным «общим» славянским литературным языком был церковнославянский (старославянский), Маяр избрал его в качестве формально-семантического и формального образца, по которому «сверялись» показатели национальных литературных языков — русского, сербохорватского, чешского и польского.

Теоретические установки, сформулированные Маяром, получили детальную разработку на материале «главных» частей речи — имени и глагола.

Имя существительное как лексико-грамматический класс слов «взаимнославянского» языка обладало грамматическими категориями рода, одушевленности // неодушевленности, числа и падежа. Склонение имен существительных было представлено 4 формальными классами, в основу дифференциации которых были положены два признака: 1) родовая принадлежность имени существительного: мужской род — 1 тип склонения, средний род — 2 тип склонения, женский род — 3, 4 типы склонения, 2) характер флексий

у имен женского рода: -А (3 тип склонения) //-нулевая флексия (4 тип склонения).

Именную *формально-семантическую дистанцию* между избранными Маяром славянскими языками задавали грамматические категории числа и одушевленности // неодушевленности, представлявшие разный состав членов и разный объем реализации. Создавая именную формально-семантическую основу «взаимославянского» языка, Маяр ориентировался на объем реализации и состав членов данных грамматических категорий в церковнославянском (старославянском) языке.

Так, грамматическая категория числа получала реализацию в трехчленной оппозиции «единственное число // двойственное число / множественное число» по образцу церковнославянского языка, несмотря на то, что в избранных Маяром славянских языках, в отличие от его родного словенского языка, сохранились лишь отдельные формы двойственного числа:

«Číslo je trojno: jednotnik, množnik, dvojnik. Staroslavjanščina ima ves dvojnik... Ruščina ... ima dvojnik naj rědčajše, samo pri statnih i samo po čisljih два, оба... Serbsščina ima dvojnik samo pri statnih... dvojnिकove koncovke prečesto město množnikovih. Češčina sadajna ima vse pade dvojnिकove samo pri nekterih statnih: ruka, noha, oko, ucho, koleno, ostala statna, pridavna i zaimena imaju navadno samo dva pada dvojnिकova 3 i 7. Poljščina sadajna upotrebuje dvojnik i to ješče dosta često...» (УП, 86–87).

При невозможности скоординировать грамматическую семантику церковнославянского (старославянского) языка и национальных славянских литературных языков Маяр выявлял формально-семантическую общность самих национальных языков. Полагая, что в церковнославянском (старославянском) языке не было оппозиции по признаку одушевленности // неодушевленности, Маяр выбрал минимальный объем реализации данной категории, нейтрализовавший различия славянских языков. Так, в чешском языке грамматическая категория одушевленности // неодушевленности имела максимальный объем реализации, получая формальное выражение у имен мужского рода в грамматических позициях В. ед., Р. ед., Д.-П. ед., И. мн.. В русском языке одушевленность // не-

одушевленность была представлена у имен мужского рода в грамматических позициях **В. ед.** и **В. мн.**, а у имен других родов в грамматической позиции **В. мн.** Для польского и сербохорватского языков единственной грамматической позицией реализации одушевленности // неодушевленности являлась позиция **В. ед.** у имен мужского рода, однако в польском языке дополнительно реализовалась грамматическая категория лица. Во «взаимославянском» языке Маяр признавал нормативной реализацию грамматической категории одушевленности // неодушевленности только у имен мужского рода в грамматической позиции **В. ед.**, поскольку избранные славянские языки получали в данной позиции общее формальное выражение. Расширение сферы реализации за счет грамматических позиций **Р. ед.**, **Д.-П. ед.**, **И. мн.**, **В. мн.** у имен мужского рода, за счет грамматической позиции **В. мн.** у имен женского и среднего рода, а также реализация грамматической категории лица были недопустимы во «взаимославянском» языке, так как являли *формально-семантическую избыточность*:

<p>«Statna mužska životna dělaju v vsěh narečjih pad. 4 jednotni jednak drugomu, neživotna jednak prvomu» (УП, 110)</p>	
<p>«pravilo uzajemno:</p> <p>Pišuč uzajemno skladnjaja statna imena osobna ali neosobna, životna ali bezživotna, pravilno v jednotnom pade 2 na — A, v pade 3 na — Y, v pade 1 mn. na (b)I...</p> <p>Ruskopoljsko stavljane pada 2 mesto 4 se sovsěm protivi značajju i duhu jezika slavjanskoga» (УП, 110, 120–121)</p>	<p>чешский язык:</p> <p>И. мн. м.: -I, -OVE/-Y → -(b)I Р. ед. м.: -A/-U → -A Д. ед. м.: -OVI/-U → -Y</p> <p>русский язык:</p> <p>В. мн. м.: -OB/-bI → -I</p> <p>польский язык:</p> <p>В. мн. м.: -OW/-Y → -I</p>

Принятая Маяром реализация грамматической категории одушевленности // неодушевленности отвечала и его словенскому языковому видению, поскольку в словенском языке данная категория была представлена только у имен мужского рода в **В. ед.**

Глагол как лексико-грамматический класс слов во «взаимнославянском» языке обладал грамматическими категориями вида, залога, наклонения, времени и лица. Глагольную *формально-семантическую дистанцию* между славянскими языками задавали грамматические категории времени и лица, представлявшие, соответственно, разный состав членов и разный объем реализации.

Ориентируясь на грамматическую систему церковнославянского (старославянского) языка, Маяр признал нормативной для «взаимнославянского» языка многочленную временную систему, маркером которой явились синтетические формы прошедшего времени, несмотря на то, что в большинстве избранных Маяром современных славянских литературных языков эти формы «davno minuli»:

«Čas minuli dokončavnih glagoljev»:

старославянский язык: -охъ, -е, -е, -оухомъ, -осте, -оша, -охова, -вѣ, -оста, -остѣ / русский язык: - / сербский язык: -ох, -е, -е, -осмо, -осте, -оше / чешский язык: - / польский язык: - → «взаимнославянский» язык: -ох, -е, -е, -осмо, -осте, -оше,

«Čas minuli nedokončavnih glagoljev»:

старославянский язык: -ѣахъ, -ѣаше, -ѣаше, -ѣахомъ, -ѣасте, -ѣахж, -ѣахова, -вѣ, -ѣаста, -стѣ / русский язык: - / сербский язык: -ижахъ, -ијаше, -ијаше, -ијасмо, -ијасте, -ијаху / чешский язык: - / польский язык: - → «взаимнославянский» язык: -іжахъ, -іјаше, -іјаше, -іјасмо, -іјасте, -іјаху (УП, 173).

Равным образом, по примеру церковнославянского языка грамматическая категория лица получила реализацию во всех формах, хотя в русском языке вне действия данной категории были формы прошедшего времени изъявительного наклонения и формы сослагательного наклонения:

старославянський язык: хвалѣть(и) выхъ, вы, вы, выхомъ, бысте, выша / русский язык: хвалил(и) бы / сербский язык: хвалил (и) бих, би, би, бисмо, бисте, би / чешский язык: chvalil(i) bych, bys, by, bychom, byste, by / польский язык: chwalił(i) bym, bys, by, byśmy, byście, by → «взаимнославянский» язык: хвалі́л(і) біх, бі, бі, бісмо, бісте, бі» (УП, 203–204).

*Формальное поле «взаимнославянского» языка также составили флексии, заданные церковнославянским (старославянским) языком, т. е. общие стандартные флексии, поддержанные языковой традицией: «one, koje su obične vsemu slavjanskomu narodu ali većej njegovoј straně» (УП, 12). Соответственно, не получали доступа во «взаимнославянский» язык общие и локальные нестандартные форманты, порождающие *формальную избыточность*.*

Так, проводя отбор форм имен существительных мужского рода, Маяр не допускал общие нестандартные флексии, восходившие к праславянскому склонению на *u, которые, однако, он разделял на два формальных класса:

«Staroslavjanščina ima samo některi par statnih mužskih... kterih Ъ 1 pada stoji město izvirnoga ОУ... сынъ, -оу, -оу, -ъ, -оу, -оу, -омь... Koliko zaběgaš v jednotnik na ou, řědčeje, toliko pišeš pravilněje» (УП, 94, 96),

«Staroslavjanščina ima od prirastkove sklanja v jednotniku samo pad 3, množnik pa ves равови... равове, равовъ, равовомъ, равовы, равовѣхъ, равовы» ...Delaj pišuč uzajemno pad 2 množni v obče s prirastkom, vse ostale pade bez prirastka (pad 3 jeden. na Ó, pad 1 mn. na I» (УП, 96–97):

Р. ед.: старославянський язык: -А, -ОУ / русский язык: -А, -У / сербский язык: -А / чешский язык: -А, -U / польский язык: -А, -U → «взаимнославянский» язык: -А,

П. ед.: старославянський язык: -ѣ, -ОУ / русский язык: -ѣ, -У / сербский язык: -У / чешский язык: -Е, -U, (-OVI) / польский язык: -IE, -U → «взаимнославянский» язык: -ѣ,

Д. ед.: старославянський язык: -ОУ, -ОВИ / русский язык: -У / сербский язык: -У / чешский язык: -U, -OVI / польский язык: -U, -OWI → «взаимнославянский» язык: -У,

И. мн.: старославянский язык: -И, -**ОВЕ** / русский язык: -Ы, (А) / хорватский язык: -И / чешский язык: -I, -**ОВЕ**, -Y / польский язык: -I, -**OWIE**, -Y → «взаимнославянский» язык: (Ь)I.

Равным образом в систему форм «взаимнославянского» языка не попадали локальные нестандартные элементы:

Pravila uzajemna	локальные нестандартные → общие стандартные
<p>«Sklanjaja statna imena v vsëh padih i čislih doslëdno po toj istoj sklanji i po tom istom primëřë, k kateromu statno pridnaleži glede na pad I jednotni — brez ostudnoga preskakivanja v srëdë sklanje v druhu, iz tverdogo primëra v mehëk ali na opasko» (УП, 113–117)</p>	<p>(русский язык) И. мн. м.: -А → (Ь)I «je preskok v srëdnji spol» (УП, 90)</p>

При отсутствии общего форманта Маяр рекомендовал употреблять на правах равных вариантов локальные стандартные форманты, что мотивировало определенную грамматическую синонимию: «spisovatelj si može svobodno izmed nju izbrati onu, koja se njegovomu narečju bolje priljeze ali obe» (УП, 110).

У имен существительных формально нагруженными оказались грамматические позиции **В. мн. м.**, **Т. мн. м.** **П. мн. м.** Так, у глаголов допускалась грамматическая синонимия в грамматической позиции 1 лица ед. числа настоящего времени:

1 ед.: старославянский язык: -Ж / русский язык: -У / сербский язык: -ЕМ / чешский язык: -U / польский язык: -E → «взаимнославянский» язык: -У, -ЕМ (УП, 168).

В. мн.: старославянский язык: -Ы, -**ОВЫ** / русский язык: -Ы, -**ОВЪ** / хорватский язык: -Е / чешский язык: -Y / польский язык: -Y, **ÓW** → «взаимнославянский» язык: I, -E,

Т. мн.: старославянскі язык: -Ы, -ОВЫ / русскі язык: -АМИ / хорватскі язык: -И / чешскі язык: -У, -АМІ / польскі язык: -АМІ → «взаимнославянскі» язык: -І, -АМІ,

П. мн.: старославянскі язык: -ѢХЪ / русскі язык: -АХЪ / хорватскі язык -ИХ / чешскі язык: -ЕСН / польскі язык: -АСН → «взаимнославянскі» язык: -ІХ, -АХ (УІ, 88–89).

Система полученных в результате проведенной Маяром своеобразной сравнительно-исторической «селекции» «взаимнославянских» именных форм может быть представлена в виде итоговой таблицы:

	1 склонение	2 склонение	3 склонение	4 склонение
Ед. ч.				
И.	∅	О/Е	А	∅
Р.	А	А	Ї/Е	Ї
Д.	У	У	Ѣ/Ї	Ї
В.	А, ∅	О/Е	У	
З.	Е/У		О/Е	Ї
П.	Ѣ/Ї	Ѣ/Ї	Ѣ/Ї	Ї
Т.	ОМ/ЕМ	ОМ/ЕМ	У	ІУ
Мн. ч.				
И.	Ї	А	Ї/Е	Ї
Р.	ОВ/ЕВ, ЕЈ	∅	∅	ЈЇ
Д.	ОМ/ЕМ, АМ	ОМ/ЕМ. АМ	АМ	ЕМ, АМ
В.	Ї/Е	А	Ї/Е	Ї
З.	Ї		Ї/Е	Ї
П.	ЇХ, АХ	ЇХ, АХ	АХ	ЕХ, АХ
Т.	Ї, АМЇ	Ї, АМЇ	АМЇ	МЇ, АМЇ

Таким образом, лингвистическая рефлексия, направленная на создание *нового понятного «общего» славянского литературного языка* носила *семантический, конвергентный, креативный* характер и реализовалась в *«зоне грамматических категорий и средств выражения»*: *понятность* «взаимославянского» языка достигалась Маяром посредством выбора грамматической семантики и средств выражения, общих для языков, в рамках которых мыслился моделируемый язык.

Опыт «взаимной славянской» грамматики Маяра вызывал противоположные оценки современников: профессор Н. А. Попов утверждал, что «книга Маяра ... представляет новый материал для дальнейших исследований, необходимых для взаимного сближения между славянскими литературными языками», а профессор П. А. Кулаковский считал, что «основания, которыми руководствовался Маяр при установлении взаимного языка, и его метод не могут выдержать критики» [Чуркина, 2001, 114]. Сам Матия Маяр, помимо искусственного «общего» славянского языка, считал также возможным использовать русский литературный язык в функции «общеславянского», поскольку «русская литература и русский язык должны быть для нас, славян, примером».

§ 2. Книжная справа XVIII–XX вв.: тексты на «своем» понятном литературном языке

2.1. Книжная справа XVIII в. («Алкоран о Магомете» // «География генеральная» Б. Варения, «Библиотека» Аполлодора, «История императора Петра Великого» Феофана Прокоповича → «История Российская» В. Н. Татищева): дифференциация *плохого* и *понятного* «своего» языка в светских текстах → становление норм «своего» понятного языка

Осмысление в XIX веке русского литературного языка как потенциально «общего» славянского литературного языка мотивирует рассмотрение основных этапов его становления и развития.

Противопоставление церковнославянского языка новому «простому» литературному языку наметилось в России в Петровскую эпоху, содержанием которой явился переход от конфессиональной культуры к секулярной. Процесс возникновения нового русского литературного языка в этот период поддерживался сознательной государственной политикой: согласно инструкциям Петра I переводчики и авторы оригинальных сочинений, входивших в парадигму новой секулярной культуры, должны были стремиться писать не на «славенском» языке, а на некоем «простом языке» или «просторечии». При этом свои декларации, содержавшие идею упрощения языка, Петр I обращал прежде всего к ученым книжникам, привыкшим, наоборот, увеличивать дистанцию между книжным и некнижным языком. Так, именно Федору Поликарпову, одному из лучших выпускников Славяно-греко-латинской Академии, участнику библейской справки, Петр I поручил перевод с латинского языка «Географии генеральной» Бернарда Варения, и тот, будучи ученым книжником, перевел эту книгу в 1716 г. на традиционный церковнославянский язык, объясняя такой перевод функциональным тождеством классических языков (латинский язык = церковнославянский язык): «Убо и мне (коснувшемуся превода книги сея) должность надлежала последовати якоже сенсу, тако и тексту авторову и не общенародным диалектом Российским преводити сия, но хранити по возможности регулы чина грамматического, дабы тако изъяснил высоту и красоту слова и слога ав-

торова». Однако Петр I остался недоволен этим переводом, указывая, что «за неискусством» переведена «гораздо плохо», и повелел Поликарпову выправить перевод «хорошенько не высокими словами славенскими, но простым русским языком». «Упрощающая» правка была осуществлена бывшим учителем Поликарпова в Славяно-греко-латинской академии Софронием Лихудом, который перенес модель перевода «книжный язык» → «простой» язык с греческого материала на славянский. В предисловии к печатному изданию новой редакции перевода «Географии генеральной» 1718 г. уже отмечалось, что книга переведена «не на самый славенский высокии диалект против авторова сочинения, и хранения правил грамматических: но множае гражданскаго посредственнаго... наречия» [Живов 1996, 92]. В 1725 г. была напечатана «Библиотека» Аполлодора, переведенная с греческого языка также учеником Лихудов Алексеем Барсовым, специально указавшим в предисловии, что Петр I повелел перевести книгу «на общий Российский язык» [Живов 1996, 97]. Опыт владения церковнославянским языком также не позволил Алексею Барсову существенно упростить язык перевода, что потребовало дополнительной «упрощающей» правки, осуществленной справщиками Московской Синодальной типографии И. Кречетовским и И. Максимовичем.

Однако сложное пересечение в Петровскую эпоху языковых традиций и новаций не дает возможности однозначного определения структурно-функционального статуса текстов этого времени, т. е. различения текстов на традиционном, но «плохом» «славенском» языке, и текстов на новом «простом» языке, без знания лингвистической рефлексии создавших их книжников: показательным примером служит история книги «Алкоран о Магомете».

Перевод книги «Alcoran de Mahomet, translate de l'arabe en francois par le Sieur du Ryer», опубликованный в 1716 г. без указания имени переводчика под заглавием «Алкоран о Магомете или закон турецкий» с определенными сомнениями приписывается одному из лучших выпускников Славяно-греко-латинской академии, видному дипломату, врачу и переводчику Петровской эпохи Петру Постникову [Пекарский 1862, 370; Шмурло 1894, 146; Белоброва 1998, 267]. По сообщению П. Пекарского, рукопись печатного пе-

ревода содержала помету «переводилъ сію книгѣ Петрѣ Посниковѣ...»: «что касается до перевода Постникова, то он сделан без пропусков, заметна только неловкость переводчика при передаче некоторых французских слов и оборотов, что уже видно из названия, «Alcoran de Mahomet» вышел в русском переводе «Алкоран о Магомете», следовательно частица *de* принята не в смысле члена для означения родительного падежа, но как предлог *de*...на основании этого можно предположить, что книгу переводил младший брат, а не старший» [Пекарский 1862, 370]. Однако младший Петр Постников, как и его брат, получил серьезное образование сначала в «немецкой школе» Швимера в России, а затем во Франции, что предполагало основательное знание иностранных языков, и прежде всего французского. Таким образом, обоих братьев трудно подозревать в плохом владении французским языком и неумелой переводческой работе. Для объяснения переводческой «неловкости» необходимо определить культурно-языковые интенции изданного в 1716 г. «Алкорана о Магомете» в общем контексте истории перевода Корана в России. Первый в России перевод Корана, оригиналом для которого послужил французский перевод Андре Дю Рие, появился в Петровскую эпоху, что было мотивировано политическими и просветительскими задачами. Перевод под заглавием «Алкоран о Магомете или закон турецкий. Переведенный с французского языка на российский» был напечатан в 1716 г. в Санкт-Петербургской типографии гражданским шрифтом, что определяло его принадлежность новой культурной парадигме, противопоставленной традиционной парадигме, маркером которой был церковный шрифт. Знаковый новаторский характер издания Корана подтверждается и личным интересом к нему Петра I, о чем свидетельствует переписка директора типографии Михаила Аврамова с личным секретарем Петра I Алексеем Макаровым: «... отправлен до Его Величества ... Алкоран...» [Круминг 1994, 234]. В свою очередь, традиционное мнение, указывающее на необычность и чуждость перевода Корана в рамках христианской культуры, представлено Саввой Владиславичем-Рагузинским в предисловии к переведенной им в 1720 г. книге «I Consigli della Sapienza ovvero la raccolta delle massime di Salomone» («Собрание определе-

ний Соломоновых...»): «не Ёсоповы фавѹлы или махOMETанские рассказы ... обратиши, но самыя свѣтополитичныя поступки, ко исправлению совѣсти дѹха, или ѹма, сердца и страстей, да и языка» [Синьорини 1999, 330]. Таким образом, перевод Корана рассматривался в Петровскую эпоху и по содержательным, и по формальным признакам как текст, принадлежавший новой культуре.

Выявить языковые диагностические признаки «Алкорана» позволяют «подготовительные» материалы, а именно, сохранившиеся в собрании РГАДА корректурный экземпляр (ф. 1251, № 3) и наборная рукопись (ф. 381, № 1034) «Алкорана о Магомете», которые содержат языковую правку, выполненную справщиками типографии Михаилом Волковым и Иваном Кременецким, что дает возможность дифференцировать языковые навыки и установки неизвестного переводчика и справщиков. Так, анализ языка исходного текста позволил заключить, что неизвестный переводчик не столько плохо знал французский язык, сколько использовал при переводе знания латинского языка, что следует уже из перевода названия книги: «Alkoran de Mahomet» = «Алкоран о Магомете». Очевидно, что братьям Постниковым, в совершенстве владевшим французским языком, не могло быть свойственно такое книжно-языковое поведение. Кроме того, анализ языка исходного текста и системно проведенной языковой справки дает возможность установить, что неизвестный переводчик недостаточно владел и нормами церковнославянского языка. Именно недостаточное владение переводчиком нормами церковнославянского языка мотивировало «окнижную справку», целью которой было устранение грамматических ошибок и замена некнижных форм и конструкций книжными, т. е. восстановление формально-семантической и формальной дистанции между книжным и некнижным языком:

(Морфология)

1) снятие грамматических ошибок в книжных формах:
(глагол: снятие дефектности в реализации грамматических категорий лица и числа):

ты естъ → еси первъ (л. 200 об.); ѡ которыхъ есте → сѣть правѣрныхъ (л. 235 об.); Сие таинство сѣть → естъ таинство алкорана (л. 257); вѣже таинство сѣть → естъ необходимо (л. 293); Услышаны бысть → быша мѣтвы его (л. 216); бысть → быша дома ихъ разорены (л. 263); Они бысть → быша (л. 284);

Азъ послахомъ → послахъ к вамъ монахъ пророковъ і апостолов (л. 311 об.); Азъ повелѣхомъ → повелѣхъ мѣтса единомъ бгѣ (л. 326); они его вопрошаше → вопрошахъ о толкованіи его (л. 141 об.); Они вознегодовали противъ вѣры і рече → глахъ (л. 229 об.);

(причастия: снятие дефектности в реализации грамматических категорий рода и числа):

не будте тако тако невѣрные которые рекан глаголющи → глаголюще... (л. 41 об.);

2) замена некнижных форм книжными (восстановление *формально-семантической дистанции* между книжным и некнижным языком):

(глагол: восстановление грамматической категории лица):

а) замена форм на -л формами аориста и имперфекта (грамматические позиции 1, 3 л. ед. и мн.):

Азъ благо сотворишь → сотворихъ (л. 6 об.); Мы тебѣ послали → послахомъ ... (л. 311);

Пошли → поидоша вси кѣпно (л. 188); Отвѣщали → отвѣщаша вси (л. 249 об.); Они же рекан → рекоша (л. 262 об.); они рекан → глахъ (л. 273);

б) замена форм на -л формами перфекта со связкой (грамматическая позиция 2 л. ед.):

Ты нѣ повѣдалъ → повѣдалъ еси истиннъ (л. 8 об.); не того ли ради пришел → пришелъ еси (л. 353);

(причастия: восстановление грамматических категорий рода и числа):

а) замена форм на -учи/-ачи формами на -а (грамматическая позиция И. ед. м.):

Бгъ вастъ искѹси єдиною вещью знаючи → вѣдал (л. 71 об.); кто сотворитъ добро... вѣрѹючи → вѣрѹа в бѣга, внидетъ в рай (л. 333);

б) замена форм на -учи/-ачи и на -а формами на -уще/-аше (грамматическая позиция И. мн. м.):

Обаче они обратилса къ нхъ грѣхамъ глаголючи → глаголюще (л. 99 об.), когда вы предаете на жертвѹ столци → столще (л. 222);

3) замена некнижных форм книжными (восстановление *формальной дистанции* между книжным и некнижным языком):

замена форм 2 л. ед. наст. вр. на -шь формами на -ши; замена форм инфинитива на -тъ формами на -ти:

ты воншьса → воншиса (л. 267); аще ты речешь → речеши истиннѹ (л. 307); могли защититъ → защитити (л. 294);

(Синтаксис)

1) синтаксис причастий:

а) замена присубстантивных (определительных) придаточных причастными оборотами:

Он сотвори корабль который плаваеть по морю его произволениемъ → плавающии по морю его произволениемъ (л. 157); он сотвори солнце і мѣць, которые движѹтса безпрестанно → движѹщиса безпрестанно (л. 157); Мы непослали прежде тебе токмо члвекъ которые имѹют повелѣние от нас → имѹющихъ повелѣния от нас (л. 210); Бѹдѹт вси наказаны ангели которые сѹть ѹ престола вѣниа → предстоящие престолѹ вѣию (л. 331); Да бѹдетъ хвала бѣѹ, что нас привѣл здѣсь → приведемѹ насъ сѣмо (л. 91); ...вкѹсите богатство что вы обрели → вами шверѣненное (л. 109 об.);

б) замена присубстантивных (определительных) придаточных субстантивированными причастиями:

Воистиннѣ онъ слышалъ мѣтвы тѣхъ, которые принимають его словеса → приемлющихъ его словеса (л. 77 об.); ... не-сообщаюте мене в числѣ сихъ которые молишася идоломъ → молящихся идоломъ (л. 98);

г) замена конструкций с основным сказуемым на конструкции со второстепенным сказуемым («дательный самостоятельный»):

...і призванъ бысть Іосифъ и рече фараонъ → призванъ же бывшъ Іосифъ, рече фараонъ (л. 12 об.);

3) синтаксис частиц:

замена конструкций с двойным отрицанием конструкциями с одинарным отрицанием:

ничтоже бысть ѹтаено от тебе → ничто не ѹтанца (л. 331).

Приведенный языковой материал, демонстрирующий наличие в исходном тексте ошибок в книжных формах, наглядно свидетельствует именно о несовершенном владении переводчиком нормами церковнославянского языка, а не о возможной попытке неизвестного переводчика упростить традиционный церковнославянский язык в соответствии с установками Петра I.

Примером действительно сознательного упрощения церковнославянского языка являются тексты с правкой, реализующей либо установки Петра I, либо установки самих книжников на создание текстов на «простом» языке: «География генеральная» в редакции Софрония Лихуда (далее – ГГ), «Библиотека» Аполлодора в переводе Алексея Барсова с правкой Кречетовского и Максимовича (далее – БА), «История императора Петра Великого» Феофана Прокоповича с авторской правкой (далее – ИиПВ). Стремясь к «простоте» и «понятности» языка, все ученые книжники снимали формально-семантическую и формальную дистанцию между книжным и некнижным языком, а также устраняли влияние греческого языка, но отнюдь не допускали ошибок:

1) замена книжных форм некнижными: (снятие *формально-семантической дистанции* между книжным и некнижным языком):

(глагол: формы аориста и имперфекта → л-формы, снятие грамматической категории лица):

ГГ: «восприяша → восприяли» л. 68 об., «обыкоша → обыкли» л. 78 об., «имѣяху → имѣли» л. 68, «бяху → были» л. 68,

БА: «быша → были» л. 12 об.,

ИиПВ: «прииде → пришелъ» л. 3 об., «опредѣли → опредѣлили» л. 6 об., «ожидаху → ожидали» л. 3 об.,

(причастия → деепричастия: снятие грамматических категорий рода и числа):

ГГ: «разсмотряюще → рассмотря» л. 70, «видяще → видя» л. 497, «поработивше → поработивъ» л. 68, «оставивше → оставя» л. 382, 391,

ИиПВ: «хотяще → желая» л. 6, «чтѣсняюще → чтѣсняя», «оставляюще → оставляя» л. 6, «приведше → приведъ» л. 9.

2) замена книжных форм некнижными (снятие *формальной дистанции* между книжным и некнижным языком):

замена форм 2 л. ед. на -ши формами на -шь; замена форм инфинитива на -ти формами на -ть:

ГГ: «быти → быть» л. 65, «сыскати → сыскать» л. 72, «взяти → взять» л. 595,

«хощеши → хощешь» л. 102, «повѣсиши → повѣсишь» л. 355 об.,

3) замена причастных конструкций на глагольно-личные (снятие «дательного самостоятельного»):

ИиПВ: «отшедшим бо гд̄ремъ → когда отошли гд̄ри в село коломенское недалече отстоящее явилося Ѹ дворцовыхъ воротъ писмо прилѣплено...» л. 8.

Петр Постников, бывший соученик Федора Поликарпова и Алексея Барсова по Славяно-греко-латинской академии, мог потенциально перевести Коран и с латыни, и с французского языка на традиционный правильный церковнославянский язык или на некий упрощенный язык, но он не мог перевести на «плохой» церковнославянский язык, маркером которого служили грамматические ошибки. Таким образом, проведенный анализ позволил дифференцировать два принципиально разных типа языкового поведения в Петровскую эпоху: диагностическим признаком одного являлась «ошибка», тогда как диагностическим признаком другого – «установка».

Однако помимо обсуждаемого большинством ученых перевода Корана, изданного в 1716 г., в Петровское время был выполнен еще один перевод, оставшийся неопубликованным. Этот перевод известен по двум рукописям, написанным приблизительно в одно время одним неатрибутированным почерком: одна рукопись хранится в БАН (№ 3.7.6.), другая в РГАДА (ф. 181 МГАМИД, № 148–217). Рукопись РГАДА содержит записи, дающие информацию об имени переводчика и времени перевода:

запись на л. 780 «Переводиль сію кнѣгъ Петръ Постниковъ» (почерк не основного писца рукописи и не Петра Постникова старшего),

запись на л.1 «1726 гъ годъ ѿ хрѣтова рождѣтва мѣца генварѣ въ 10 день переплетенъ въ кнѣгъ сен Алкоранъ».

Судя по тому, что рукопись РГАДА была отдана в переплет в январе 1726 г., она была написана в 1725 г., т. е. перевод некоего Петра Постникова был выполнен значительно позже, чем перевод, изданный в 1716 г.

Даже поверхностный языковой анализ рукописного перевода 1725 г. позволяет утверждать, что переводчик достаточно владел французским языком, что явлено уже в переводе названия: «Alcoran de Mahomet» = «Алкоран или закон магометанский». Кроме того, переводчик старался перевести на язык более *понятный*, отличный от традиционного церковнославянского языка. Появление нового, более точного и понятного, перевода Корана в 1725 г. действительно могло быть мотивировано актуализировавшимся интересом Петра I. Свидетельством этого может служить издание в 1722 г. историко-политического труда «Систима или состояние

мухамеданския религии...», сочиненного на латинском языке Дмитрием Кантемиром и переведенного его секретарем Иваном Ильинским. В авторском предисловии к этому трактату специально подчеркивалось, что «созволилъ егѡ цѣское величество и мнѣ .... рабѣ своемѣ порѣчити, дабыхъ о Мѣхамеданской религии, и о политическом Мѣслиманскаго народа правленіи, нѣкое нижнимъ стилемъ и просторѣчиѣмъ изданіе» (РГАДА, ф. 381, № 1035, л. 13).

Таким образом, в Петровскую эпоху были выполнены два перевода Корана с французского языка: один из них, осуществленный неизвестным переводчиком, был напечатан в 1716 г., другой, принадлежавший скорее всего младшему Постникову, остался в рукописи [Запольская 1988, 1993а, 2002в] П. Пекарский, говоря о переводе «Алкорана», не сличил текст известной ему рукописи 1725 г., содержащей информацию о переводе Петра Постникова, с печатным текстом 1716 г.: допущенная Пекарским ошибка была впоследствии повторена другими исследователями.

Начало последовательной систематической рефлексии над русским литературным языком нового типа относится только к 30-м годам XVIII века, к периоду непосредственного вхождения России в европейское культурно-языковое пространство. Поскольку переход от «классического» языка средневековой книжности к кодифицированной системе «своего» «простого» языка — процесс типологически универсальный, языковые программы первых русских реформаторов были ориентированы в известной степени на западноевропейские образцы, в результате чего основным программным положением явилась установка русского литературного языка на «употребление», что делало его функционально равным новоевропейским языкам.

Западноевропейским источником русской лингвистической рефлексии явилась концепция К. Вожела, в основе которой было требование сближения литературного французского языка с разговорной речью культурной элиты [Успенский 1985, 131–146; Живов 1996, 173–178, 240–243]. В качестве источника нормы «чистого и точного» французского языка, противопоставленного латыни, рассматривалось «хорошее употребление», т. е. употребление «луч-

шей части двора, согласной с лучшей частью писателей», критерием которого являлся «вкус»

Однако в России этого времени новые языковые навыки находились ещё в процессе становления, т. е. «хорошее употребление» сначала должно было моделироваться в литературной практике, а затем переходить в естественное употребление, поэтому в русской языковой ситуации установка на «употребление» была органически связана с протестом против «глубокословных славенщизны», с отказом от церковнославянской языковой традиции. Такое понимание нового русского литературного языка демонстрировал, например, В. Н. Татищев, реконструкция лингвистической рефлексии которого позволяет уточнить представления о структурно-функциональном статусе литературного языка нового типа [Запольская 1999б].

В. Н. Татищев, активный сподвижник Петра I и один из наиболее образованных людей своего времени, уделял большое внимание собственно лингвистическим проблемам, ему принадлежат первые по времени предложения о нормализации графики и орфографии; значительна его лексикографическая деятельность и этимологические изыскания («Лексикон, сочиненный для приписывания иноязычных слов обретающихся в России народов», «Лексикон российский исторический, географический, политический»). Наряду с В. К. Тредиаковским В. Н. Татищев сформулировал принципиально важные теоретические положения, среди которых в первую очередь следует отметить постановку проблемы кодификации нового русского литературного языка на разных уровнях, теоретическую защиту «простого» русского языка и протест против церковнославянского языка. Лингвистическая рефлексия В. Н. Татищева, нашедшая выражение в его письмах к В. К. Тредиаковскому и И. Шумахеру, в «Инструкции о порядке преподавания в школах при казенных уральских заводах» и в предисловии к «Истории Российской», представляла определенную систему, включающую несколько установок:

1) необходимость последовательной кодификации нового русского литературного языка:

— «...я видя вашу в собрании академическом говоренную о исправлении языка славенорусского Речь сердечно порадовался, что так нужное и чрез много лет желаемое дело единое начало

свое воспримлет... видимые нам неисправности а из того происходящие вреды пресекутца... во исправление языка различные обстоятельства разумеются и суще такие, которые токмо в правописании и правоизглашении состоят, другие в правильном разумении силы их, третьи в порядочном и правильном, а паче в кратком, внятном и приятном сложении, четвертые помощь и правильному переводу, к которому нужно совершенное разумение Грамматик обоих языков и полные Лексиконы со фразисами иметь» [Письмо В. Н. Татищева В. К. Третьяковскому от 18 февраля 1736 г.: Обнорский и Бархударов 1948, 86].

– «... подать к тому способы, в которых главное есть тех языков, с которого на который переводить, грамматики и лексиконы сочинить, следственно, нужнейшее славенорусская грамматика и лексикон сделать, которых нет, затем прочих языков, без которых переводы не токмо трудны, но и весьма неисправны являются» [Письмо В. Н. Татищева И. Шумахеру от 22 февраля 1748 г.: Андреев 1951, 274].

2) отношение к церковнославянскому языку – протест против «глубокословных славенщизн»:

– «Хотя до сего времени неискусством учителей в обычай введено младенцев обучать азбуке, потом часовник, псалтирь, некоторые же Апостол и все оное наизусть... и хотя оные книги наизусть читать могли, но силы слов не разумели, писать правильно и порядочно ничего не умели» [«Инструкция В. Н. Татищева о порядке преподавания в школах при уральских казенных заводах» от 1736 г.: Демидова, 1950, 170],

– «Но известно ведаю, что простой народ нигде всех слов славенских не понимает, разве те, которые о том довольно прилежат и от читания обихнут. Но и те книги видим, что после онаго перевода неколико для лучшего выразумения в наречие настоясшее переправливаны» [«Предисловие» В. Н. Татищева к «Истории Российской»: Татищев 1962, 341],

3) защита нового русского литературного языка посредством расширения сфер функционирования:

– «/псалтирь/ для труднаго перевода неупотребительных нами многих славенских и весьма странных речений и сложений многия

и учителя сами что читают, не знают, и для того весьма бы нужно такие учебные псалтири со истолкованием всех странных слов или вновь простым наречием переведши иметь напечатать, дабы всяк точно ее разуместь мог» [Инструкция В. Н. Татищева о порядке преподавания в школах при казенных уральских заводах» от 1736 г.: Демидова 1950, 170].

Выразительной творческой попыткой В. Н. Татищева реализовать на практике программные нормализаторские идеи явилась его «История Российская», которая создавалась на протяжении двадцати последних лет жизни В. Н. Татищева (30–50 гг.). «История Российская» состояла из 4 частей: в лингвистическом плане особый интерес представляет 2 часть – история «от начала российских государей до нашествия татар», поскольку она представлена в двух редакциях – на «древнем наречии» и на «новом наречии», 1, 3 и 4 части написаны «новым наречием».

В «Предъизвесчении» к «Истории Российской» В. Н. Татищев сам объяснил появление двух редакций 2 части:

– первая редакция – «древнее наречие»:

«...разсудя то, что у нас из древних манускриптов, каковых хотя есть повсюду немало и в них разность немалая, но доднесь не един не напечатан и во многих имян творцов не положено... они же в руках разных партикулярных людей, которые часто из рук в руки переходят и сыскать после неудобно... и естли бы наречие и порядок их переменить то опасно, чтоб и вероятности не пагубить. И для того разсудил за лучшее писать тем порядком и тем наречием, каковы находятся в древних, собирая из всех полнейшее и обстоятельнейшее в порядок лет, как они написали, ни переменяя, ни убавляя ничего, кроме не надлежащего к светской летописи...

вторая причина употребления древнего наречия есть не бесполезная для того, если кому случится древния писмена обрести, то по сему удобнее может выразуметь» [Татищев 1962, 38–39].

– вторая редакция – «новое наречие»

«Но как оное в наречии древнем и слоге инде от краткости, инде от избыточного разпространения повести не всякому вразумительно, а к переводу на другой язык (которое необходимо для

знания о том в Европе требуется) было бы многотрудно и неудобно, того ради я принужден всю её в настоящее наречие преложить» [Татищев 1962, 91].

Сопоставление двух редакций второй части «Истории Российской» позволяет выяснить, какие признаки противопоставляли в языковом сознании данной эпохи церковнославянский язык и «простой» русский язык. При негативной ориентации «простого» русского языка относительно церковнославянского языка создание новых императивных текстов осмыслялось как отказ от книжных элементов, релевантных для дихотомии церковнославянского языка и русского языков. Церковнославянские формы, не входившие в набор книжных признаков, т. е. не определявшие формально-семантической дистанции между книжным и некнижным языком, допускались в «простой» русский язык на правах нейтральных элементов, в силу чего имело место безразличное смешение форм. Кроме того, в новом литературном языке оставались церковнославянские элементы, не имевшие коррелятов в русском разговорном языке. Таким образом, переложение «Истории Российской» с «древнего наречия» на «новое наречие» может рассматриваться как результат действия механизма элиминации релевантных признаков книжности. В силу этого противоречие между языковыми программами и языковой практикой первых русских кодификаторов оказывается в значительной степени фиктивным, поскольку порождение текстов на «простом» русском языке осуществлялось не за счёт воспроизведения разговорной речи, а за счёт отказа от специфических книжных форм, которые осмыслялись как таковые.

Диагностической зоной, релевантной для дихотомии церковнославянского и «нового наречия», являлась *«зона грамматических категорий и средств выражения»*: *понятность* «нового наречия» достигалась посредством устранения форм, выражавших книжную грамматическую семантику, т. е. посредством снятия *формально-семантической дистанции* между книжным и некнижным языком.

Так, грамматическая категория лица охватывала в церковнославянском языке всю систему спрягаемых глагольных форм, а в «новом наречии», как и в разговорной речи, вне зоны ее влияния

оказывались формы прошедшего времени изъявительного наклонения и формы сослагательного наклонения:

«Владимир же слышав се поиде → пошёл в Киев. И егда приближися → приблизился в неделю... усретоша → встретили его первее народ весь, потом бояре»(179/129);

«Древляне живяху → жили зверским образом... убиваху → убивали друг друга... умыкаху → крали себе невест от отцов и сродни» (111/30);

«И аще кто умираше → умер, творяху → отправляли над ним поминование, и возложат на груду мертвеца и сожигаху → сожигали... влагаху → клали в сосуды и поставляху → поставляли на путех» (111/30);

«Половцы слышавше, яко умерл есть → умер Всеволод» (162/99).

Грамматическая категория числа, имевшая в церковнославянском языке трехчленную реализацию, получила в «новом наречии» двухчленную оппозицию:

«Святополк и Владимир посласта → послали к Ольгови черниговскому» (111/30);

Грамматические категории рода, числа и падежа, реализовавшиеся в кратких действительных причастиях церковнославянского языка, не реализовывались в деепричастиях русского языка, что мотивировало замену изменяемых причастных форм неизменяемыми в «новом наречии»:

«...из нея же исходит река ефиопская Чермная... прилежаши → гранича до Киринии» (107/25);

«Сим же, Хам и Афет, разделивше → разделя землю, урок положили» (108/29);

«Половцы же слышавше сеа → услыша, убоявшеся → убоявся ушли» (108/151).

Нерелевантными для дихотомии церковнославянского языка и «нового наречия» явились элементы, определявшие *формальную дистанцию* между книжным и некнижным языком. В силу этого в «новом наречии» продолжали употребляться наряду со стандартными нестандартные форманты, порождаящие грамматическую синонимию:

Р. мн. м.: нулевая флексия + -ОВЪ

«язык» (29), «от скиф» (30) = «от лесов» (30), «от отцов» (30),

Д. мн. м.: -ОМЪ + -АМЪ

«ко учеником своим» (30), «ко ученикам своим» (30),

Т. мн. м.: -Ы + -АМИ

«роды своими» (30), «пред отцы» (30), «родами» (29),

П. мн. м.: -Е(ѣ)ХЪ + -АХЪ

«при путехъ» (30), «в лесахъ» (29).

Нейтральные признаки определили область вариаций, составившую исходный материал для дальнейшей кодификации нового русского литературного языка. Сама возможность использования в литературно-языковой практике церковнославянских по происхождению элементов явилась стимулом для последующего преобразования языковой теории и языковой практики.

На следующем этапе кодификации, в 40-60 годы XVIII века, русский литературный язык стал рассматриваться как язык письменный по преимуществу, не совпадавший с разговорной речью и ориентированный определённым образом на «славенский» язык. Если на первом этапе кодификации вырабатывался и теоретически осмыслялся общий тип нового литературного языка и отбирались основные средства, которыми этот язык должен располагать, то на втором этапе наступила очередь для постановки и решения вопросов стилистического применения наличных средств литературного языка для нужд разных видов литературного творчества. Актуальность стилистической дифференциации языкового мате-

риала обуславливалась развитием русской литературы классицизма, характеризовавшейся иерархическим распределением жанров. Высокие жанры требовали известной модификации общеупотребительного литературного языка, т. е. требовали языка «украшенного». В контексте русской языковой ситуации само собой напрашивалось соотнесение стилистических оппозиций с дихотомией церковнославянского и русского языков. Основное значение приобретало противопоставление высокого и низкого стилей, которое так или иначе отражало противопоставление церковнославянского и русского языков.

Решая в «Российской грамматике» вопрос о том, что «нам должно из /славянского/ языка брать», М. В. Ломоносов кодифицировал как факт грамматической системы нового «русского» языка только те генетически церковнославянские элементы, которые не являлись релевантными признаками книжного языка. Кроме того, для дихотомии церковнославянского и русского литературного языка стала значима генетическая дифференциация вариативных форм, входивших ранее в набор нейтральных элементов: генетическая маркированность стала основой стилистической маркированности.

Кодификация элементов «русского» языка, осуществленная Ломоносовым, была построена на трех принципах:

а) выбор из грамматических синонимов форм, осмыслявшихся как генетически русские формы: имена существительные мужского рода в **Р. мн.** с флексией -ОВ, в **Д. мн.** с флексией -АМ, в **Т. мн.** с флексией -АМИ, в **П. мн.** с флексией -АХ;

б) стилистическая дифференциация грамматических синонимов: в «штиле высоком, где Российской язык к Славянскому клонится», «очень пристойно употреблять» прилагательные **И. ед. м.** с флексией -ЫЙ, **Р. ед. м.** с флексией -АГО;

в) стилистическая маркированность церковнославянских форм, не имевших соответствий в русском языке: полные причастия на -ущ/-ащ, -вш/-ш, -м, -нн могли быть образованы только от «славянских» глаголов или от «тех российских... которые от славянских как в произношении, так и в знаменовании никакой разности не имеют» и употребляться должны «только в письме», прежде всего в высоком роде стихов» [Ломоносов, 1952].

Таким образом, складывание грамматических норм на втором определяющем этапе кодификации оказывалось закономерным продолжением нормализации литературного языка, проводившейся на первом этапе. Соответственно, В. Н. Татищев с полным правом может рассматриваться как непосредственный предшественник М. В. Ломоносова в области нормализации нового русского литературного языка. В этой связи уместно вспомнить, что В. Н. Татищев и М. В. Ломоносов относились друг к другу с большим пиететом, высоко оценивая достижения друг друга в области нормализации русского литературного языка:

— «Мы хотя можем похвалиться, что наш язык многих полнее и плодотворнее и, мню, что в философии, математике и прочих науках не хуже французского и германского, но еще красче изъяснить можем, что некоторые члены русской Академии изданием презрительных книг засвидетельствовали, особливо господина профессора Ломоносова изданная Риторика...» [*Татищев В. Н. История Российская: Татищев 1962, 341*],

— «...имел я издавна желание изыскать случая, чтобы вашему превосходительству показать мою услужливость, для того что об охоте вашей к российскому языку слышал довольно, к которому и я труд свой по силе прилагаю» [Письмо М. В. Ломоносова В. Н. Татищеву в ответ на просьбу написать предисловие к «Истории Российской»: Ломоносов 1952, 461].

2.2. Книжная справа XIX — XX вв. (Псалтырь и Новый Завет В. А. Жуковского, богослужебные тексты Сергиевской комиссии): библейские и богослужебные тексты на «своем» понятном языке

Став полифункциональным литературным языком, русский язык в XIX веке распространил свое влияние и на конфессиональную сферу, что проявилось в переводах Библии на русский язык. Одним из значительных опытов стал перевод, выполненный В. А. Жуковским.

В своих духовных исканиях В. А. Жуковский прошел путь от романтико-эстетического отношения к религии, т.е. от «усвоения религиозного смысла искусству» к подлинной «живой» вере и ак-

тивному духовному жизнестроительству: «...должна действовать одна вера, покоряющая разум. ... покорный разум должен вводить веру в практическое употребление жизни, без этого введения в жизнь не будет живой веры» [Жуковский 1869, 805]. Духовное «самостроение» человека возможно было, по мысли В. А. Жуковского, только посредством глубинного понимания христианской истины, напрямую зависимо от глубинного понимания языка Священного Писания. Развивая идеи западноевропейских богословов, В. А. Жуковский видел трагедию непонимания христианской истины в исходном непонимании Христа Пилатом: «Когда Спаситель стоял перед судилищем Пилата, и Пилат спросил у него, употребив вероятно, как римлянин, язык Рима: что есть истина (*Quid est veritas?*) Господь не отвечал. Но в ответе его, если бы он восхотел дать ответ, заключались бы все буквы вопроса с переменою только порядка их: истина есть муж, который предстоит (*Est vir qui adest*). Истина есть Бог, а наш ум есть этот вопрошающий Пилат, который и не подозревает, что ответ на вопрос его заключается в самом его вопросе...» [Жуковский 1878, 85].

Закономерным следствием такой позиции В. А. Жуковского явился перевод Библии на русский язык, осуществленный им для себя и своих детей в целях облегчения пути к познанию христианской истины. При этом В. А. Жуковский дважды приступал к переводу, так как известна краткая редакция, включавшая перевод 8 псалмов и 8 глав из Евангелия от Матфея, и полная редакция, включавшая перевод всего Нового Завета [Прозоров 1993, 128–133].

«Перелагая» библейские книги с церковнославянского языка на русский литературный язык, морфологические нормы которого уже были строго регламентированы, В. А. Жуковский обращал особое внимание на синтаксис: стараясь сохранить строй церковнославянской фразы, он устранял только синтаксические грецизмы, определявшие наибольшую дистанцию между церковнославянским и русским языком [Запольская 2001]. В число затмевавших понимание конструкций входили, по мысли Жуковского, конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. мн., инфинитивные конструкции с обстоятельственным значением и конструкции с одинарным отрицанием:

<p>Елизаветинская Библия 1751 г.</p>	<p>Псалтырь и Новый Завет в переводе В. А. Жуковского (краткая редакция) 1844–1846 гг.</p>
<p>конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. мн.</p>	<p>конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. ед.</p>
<p>пс. 8:7 «Всѣмъ покорилъ еси подѣ ноꙋгѣ его» <i>πάντα ὑπέταξας ὑποκάτω τῶν ποδῶν αὐτοῦ</i></p>	<p>«Все под ноги его покорил Ты» (141)</p>
<p>инфинитивные конструкции</p>	<p>конструкция «да+индикатив»</p>
<p>пс. 8:3 «Изъ Ѹстѣ младе́нецъ и се́дцихъ совершилъ еси хвалѣ, врагѣ твоихъ ради, еже разрѣшити врага и мѣстника» <i>ἐκ στόματος νηπίων καὶ θηλαζόντων κατητίσω αἶνον ἕνεκα τῶν ἐχθρῶν σου τοῦ καταλῦσαι ἐχθρόν καὶ ἐκδικητήν</i></p>	<p>«Из уст младенцев и грудь сосущих хвалу совершил Ты, врагов Твоих ради, да сокрушится противник и мститель» (140)</p>

инфинитивные конструкции	конструкции с именами со значением абстрактного действия
<p>Мф. 5:28 «Азъ же г҃голю вамъ ѿкѡ всакѣ, нже воззрѣтъ на женѣ, ко ѣже вожделѣтъ ѣа, оуже любодѣнства съ нею въ сердце своемъ.»</p> <p>ἐγὼ δὲ λέγω ὑμῖν ὅτι πᾶς ὁ βλέπων γυναῖκα πρὸς τὸ ἐπιθυμῆσαι αὐτήν ἤδη ἐμοίχευσεν αὐτήν ἐν τῇ καρδίᾳ αὐτοῦ</p>	<p>«Я же говорю вам, что всякий воззревший на жену свою с вожделением уже любодействовал с нею в сердце своем» (148)</p>
конструкции с одинарным отрицанием	конструкции с двойным отрицанием
<p>Мф. 6:24 «Никтоже можетъ двѣма господинома работати»</p> <p>οὐδεὶς δύναται δυοὶ κυρίοις δουλεύειν</p>	<p>«Никто не может двум господам работать» (149)</p>

Однако В. А. Жуковский намеренно оставлял неизменной синтаксическую сферу причастных форм, которая являлась своеобразной зоной «концептуального примирения»: сторонники концепции субстанционального единства церковнославянского и русского языков воспринимали употребление причастий как синтаксический славянизм, а сторонники концепции субстанционального различия церковнославянского и русского языков воспринимали употребление

причастий как синтаксический галлицизм. Такая амбивалентность восприятия была задана еще в XVIII веке В. К. Тредиаковским, свободно употреблявшим даже конструкцию «дательный самостоятельный» вне зависимости от смены концептуальных установок [Запольская 2000б]. В. А. Жуковский также намеренно употреблял конструкцию «дательный самостоятельный», возможно достигая тем самым дистанции между церковными и светскими текстами на русском литературном языке.

Елизаветинская Библия 1751 г.	Псалтырь и Новый Завет в переводе В. А. Жуковского (краткая редакция) 1844–1846 гт.
Мф. 8:1 «Сше́дшѸ же емѸ съ го- ры, въ слѣдѣ егѡ идѡхѸ наро́ди мнози».	«Сшедшу ему с горы, во- след его пошло народа много» (154).
Мф. 8:23 «И влѣзшѸ емѸ въ ко- рабль, по немѸ идѡша о́ченицы егѡ».	«И вступившему ему на ко- рабль, за ним последовали ученики его» (155).
Мф. 8:28 «И прише́дшѸ емѸ на бѣгъ полъ, въ странѸ Гергесѣн- скѡю, срѣтѡста егѡ два бѣсна ѡ грѡбѣ нсходѡща, люта зѣлѡ, ѡкѡ не мощи никомѸ мни́ти пѣтемъ тѣмъ».	«И пришедшему Ему на он пол в страну Гергесинскую, встретили его обеснован- ные, вышедшие из гроба, столь разъяренные, что ни- кому тем путем приходить было не можно» (156).

К сожалению, полная редакция перевода В. А. Жуковского была издана только в 1895 г. в Берлине, а краткая редакция стала известна лишь в наши дни.

На рубеже XIX–XX веков в связи с усилением демократических настроений проблема понятности языка была перенесена с

библейских книг на богослужебные: при этом причиной непонятности языка богослужения считалась грецизация церковнославянского языка.

Проблема языка богослужебных книг стала предметом оживленной полемики, которую вели как деятели церкви, так и филологи, высказывая свои взгляды в различных церковных изданиях и в периодической печати. По мнению участников полемики, преодолеть сложившуюся ситуацию можно было либо посредством перевода богослужебных книг с церковнославянского языка на русский литературный язык, объединив новым языком библейские и богослужебные книги, либо посредством перевода с греческого на упрощенный церковнославянский, «новославянский» язык, «...с полным приближением его синтаксической конструкции к речи русской», либо посредством упрощения церковнославянского языка бытующих богослужебных книг, стремясь при этом «...греческую конструкцию, совершенно чуждую славянской речи, заменить русской» [Кравецкий, Плетнева 2001, 42–73].

Разрешением споров явилась деятельность созданной в 1907 г. синодальной Комиссии по исправлению богослужебных книг, которую возглавил архиепископ Сергей (Страгородский), будущий патриарх. Опасаясь нового церковного раскола, Комиссия сочла возможным лишь исправить принятый в богослужебную практику церковнославянский (Никоновский) перевод, устранить его неточности и ошибки, а главным образом, сделать его возможно понятным». При этом непонятность богослужебных книг объяснялась членами Комиссии «излишней буквальностью перевода», что мотивировало необходимость выбирать в ходе sprawy «более понятный оборот или слово для замены иногда слишком эллинистующего принятого у нас перевода» [Кравецкий, Плетнева 2001, 74–125].

Результатом деятельности Сергиевской Комиссии явилась исправленная редакция Постной и Цветной Триоди, демонстрировавшая фрагментарную элиминацию синтаксических грецизмов: например, было осуществлено исправление порядка слов и устранение инфинитивных конструкций с обстоятельственным значением [Кравецкий, Плетнева 2001, 106–110]:

Постная Триодь 1656 г.	Постная Триодь 1912 г.
«днесь бо предлагаеть трапѣзѹ тайнѹ мѣнкѹ ѿеодурѹ, веселашчѹ празднлюбцевѹ насѹ»	«днесь бо мѣнкѹ ѿеодурѹ предлагаеть трапѣзѹ таинственнѹ, веселашчѹ празднлюбцевѹ насѹ» (пт., 1 нед. В. П., веч., муч.)
«бѣовидныхъ аггль силы, блѣговѣтанваго бѣа оумолите, спсти дѣшѹ»	«бѣовидныхъ аггль силы, блѣговѣтанваго бѣа оумолите, да спасеть мою дѣшѹ» (вт. 1 нед. В. П., утр., Т., п. 9)
Цветная Триодь 1660 г.	Цветная Триодь 1913 г.
«закономъ древле проповѣданное и пророки, исполниса»	«закономъ и пророки древле проповѣданное, исполниса» (нед. Пят., вс., утр., К., п. 1, тр. 2)
«азъ бо ...излию дѣха, возсіати желающимъ блѣгодать независтнѹю»	«азъ бо ...излию дѣха, да возсіаетъ желающимъ блѣгодать изобильнѹю» (нед. Пят., вс., утр., К., п. 1 ин., тр. 1)
«приндоша на гробъ твой мѣронѣсницы хрѣте, еже помазати прѣчтѣе и бжественное твоѣ тѣло»	«приндоша на гробъ твой мѣронѣсницы, хрѣте, мѣро помазати прѣчтѣе и бжественное твоѣ тѣло» (ср. 3 нед. по Пасх., утр., стихир., на стихов.)

* * *

Проведенное исследование позволило заключить, что в рамках секулярной культуры развивалась рефлексия, направленная на создание «своих» понятных славянских литературных языков, и на создание нового понятного «общего» славянского литературного языка. Соответственно, лингвистическая рефлексия носила семантический, дивергентный или конвергентный, креативный характер и реализовалась в «зоне грамматических категорий и средств выражения»: понятность «своего» литературного языка достигалась посредством снятия формально-семантической дистанции между книжным и некнижным языком, а понятность нового «общего» славянского литературного языка достигалась посредством снятия формально-семантической дистанции между отдельными славянскими языками.

Славянская лингвистическая рефлексия: культурно-языковое реплицирование во времени и пространстве

§ 1. Грамматики и книжная справа в конфессиональной культуре: культурно-языковые реплики в пространстве культуры

1.1. «Грамматѣки Славѣнскѣи правѣлноѣ Сѣнтгагма» Мелетѣя Смотрицкогѣо 1619 г. < «Грамматѣчно изказанѣе ов рѣском ѣзѣнкѣ» Юрѣя Крижанѣича 1666 г.: *правѣлность ѣзыка // правѣлность и поѣятность ѣзыка*

Лингвистическая рефлексия является важной составляющей процесса *культурно-языкового реплицирования*, т.е. процесса активного реагирования культурно-языковых личностей на рефлексивные опыты друг друга.

Рассмотрение лингвистической рефлексии в рамках процесса культурно-языкового реплицирования мотивировано тем, что «гуманитарная мысль рождается как мысль о чужих мыслях, волеизъявлениях, манифестациях, выражениях, знаках, за которыми стоят проявляющие себя... люди» [Бахтин, 1986, 297]. В зависимости от исторических условий, позволяющих или не позволяющих «встретиться» разным лингвистическим воззрениям во времени и пространстве, можно говорить о *реальном* и *потенциальном* культурно-языковом реплицировании. Лингвистический рефлексивный опыт, представленный как *культурно-языковая реплика*, требует исследования в диалогизованном контексте, задающем ретроспективу и перспективу мыслей о языке:

мотивирующий рефлексивный опыт < данный рефлексивный опыт < мотивированный рефлексивный опыт.

Подобную «цепочку» культурно-языкового реплицирования составили грамматики Смотрицкого, Крижанича и Маяра, а также Острожская Библия 1580 г., «Псалтырь» Крижанича (исправленные в грамматике псалмы), Псалтырь Фирсова и Псалтырь Жуковского,

что позволило выявить *сходства и различия* лингвистической рефлексии в *конфессиональной и секулярной культуре*.

В пространстве *конфессиональной культуры*, в рамках рефлексии над *церковнославянским языком*, грамматический трактат Юрия Крижанича явился *реальной культурно-языковой репликой* на грамматику Мелетия Смотрицкого.

Мелетий Смотрицкий, опровергая утверждение Петра Скарги, что «у славенского языка нет правил и грамматики», составил «*Грамматіки Славенскія правнине Бунтагма*», доказывая рациональность структуры «славенского» языка и возможность составления правил, подобных правилам греческого и латинского языков: как греческая и латинская грамматики служат «къ понятію ѱзыка чїстости», так и грамматика «Славенская въ своемъ ѱзыцѣ Славенскомъ оучинити можетъ» (ГС, л. 2).

Грамматика Юрия Крижанича, с одной стороны, явилась опосредованной позитивной репликой на западноевропейские лингвистические трактаты, с другой стороны, представляла собой непосредственную негативную реплику на грамматику Смотрицкого [о метаязыке см.: Schüttrumpf 1978]. Такое своеобразное бинокулярное видение лингвистических проблем было определено и заявлено самим Крижаничем в его лингвистических сочинениях.

Так, провозглашая идею генетической «чистоты» и структурной «прозрачности» любого языка, Крижанич, по его собственному утверждению, опирался на теоретические положения Ж. Скалигера («De causis lingue Latine», 1540, 1580, 1623. Прим. — Н. 3.) и Г. Кнапского (*Сnapius G. Thesaurus polono-latino-graecius. Sracoviae, 1643. Прим. — Н. 3.*):

«...преже нас обличішя, Скалигер... и ѱни Крїтици...
і Кнапскїи Грїгорїи... о томъ нѣшто спомїнает... мїи необзїраемъ на правила, бѣдъ Греческа, бѣдъ Латїнска, бѣдъ Лѣшка: него паче да смотрїмъ вездѣ на властїтостъ своего ѱзыка» (Об., 69).

Руководствуясь избранными авторитетными теоретическими идеями, Крижанич мыслил «Грама̀тично изказа̀нје об рѣскомъ ѣзикѣ» как *исправление* грамматики Смотрицкого: «вельено мнѣ... грама̀тикѣ *изправити*» [Челобитная царю Федору Алексеевичу с изложением всех служб государству, 1676: Белокуров, 177].

Соглашаясь признать лингвистическое усердие Смотрицкого, Крижанич отрицал концептуальные основы его грамматики, определявшей *правильность* «славенского» языка по подобию классических языков, и настаивал на независимой *правильности* «славенского» — книжного «русского» языка, мотивированной его *понятностью*:

«Мелѣтнь Смотрицкнѣ дьяради своѣго трѣдольдѣя, и дья печалности, коѣ ѣст носнл про ѡбщень ползѣ, пншѣщ Грама̀тикѣ, достоѣн ѣст памети и вногѣе хвали: и бѣл ен доспнл вѣщи народѣ пособиѣ, дабн се неѣмн соблазнѣл по ѡвзорѣ на Грѣцкнѣ прево̀ди: и дабн неѣмн захотѣл на̀шего ѣзика на Грѣцкнѣ и на Латѣнскнѣ ѣзори претварѣат. Вса̀кнѣ во ѣзикъ ѣма̀ет своѣа вла̀стѣта правнла, разнѣта ѡт ѣнѣх: и немо̀жетсе по ѣного ѣзика ѣзореѣ илѣтѣ правнлеѣх *изправляѣт*.

Обн ѣбо вснѣе причннн ѣа вногѡкратъ размишляѣщ и просѣджаѣщ, ѣвже давнѣе ѡт два̀дѣсетѣ лѣт, нача̀л ѣсем дѣмат и трѣдѣтсе въ ѣзика *изправляѣнѣѣ*» (ГИ, IV—V).

Различие лингвистических установок Смотрицкого и Крижанича проявилось прежде всего в отношении к греческому языку как к языку исходно культурно доминирующему: если Смотрицкий, считая греческий язык источником *правильности* «славенского» языка, выступал за *формально-семантическую трансляцию* греческого языка, то Крижанич, ратуя за *понятность* книжного «русского» языка, предлагал *элиминацию* влияния греческого языка.

Поскольку основу претензий Крижанича к Смотрицкому определяла ориентация норм церковнославянского языка на греческий, существенные «исправления» пришлись на синтаксическую сферу.

Смотрицкий, признавая необходимость трансляции греческого языка, избирательно подходил к синтаксическим грецизмам. Так, он полагал, что причастные конструкции, конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. мн. и конструкции с одинарным отрицанием органичны для «славянского» языка, тогда как конструкции с относительными местоимениями, согласованными с определяемым словом в роде, числе и падеже, не допустимы в «славянском» языке. Для выражения целевых отношений Смотрицкий предложил три варианта: конструкцию «*еже*+инфинитив», ориентированную на греческий образец, конструкцию с независимым инфинитивом и глагольно-личную конструкцию «*да*+конъюнктив» при условии несовпадения субъектов действия в главной и придаточной частях предложения.

В отличие от Смотрицкого, Крижанич настаивал на устранении всех синтаксических грецизмов, предлагая заменить конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. мн. на конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. ед., конструкции с относительными местоимениями, согласованными с определяемым словом, — на конструкции с относительными местоимениями, грамматически зависимыми от модели управления глагола, конструкции с одинарным отрицанием — на конструкции с двойным отрицанием, причастные конструкции — на глагольно-личные конструкции. Особой критике Крижанич подверг предложенную Смотрицким вариативность средств выражения целевых значений, полагая, что целевая конструкция «*еже* + инфинитив», вне зависимости от совпадения-несовпадения субъектов действия, должна быть заменена на синонимичные глагольно-личные конструкции «*да*+конъюнктив» и «*да*+индикатив», при этом конструкция «*да*+индикатив» была поддержана в языковом сознании Крижанича хорватским языком.

Таким образом, синтаксические грецизмы демонстрировали оппозицию, тождество и пересечение кодификаторских решений Смотрицкого и Крижанича:

Грамматика Смотрицкого 1619 г.	Грамматика Крижанича 1666 г.
«сочиненіе имене»: оппозиция установок	
конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. мн.	конструкции с прилагательными в форме ср. ед., существительными, именными словосочетаниями
«(Грѣческаго сочиненіа образомъ) Многажды такова Прилагателнаа ... множественнѣ во Средней родѣ ве ³ Существителны ^х оупотребляема шьращѣтса» (ГС, л. 197)	«А во Вножинном числѣ Греки и Латинци кладѣтъ придѣвна Нижединска (держѣща овстојних овачѣе) и приразѣмвѣѣтъ Прагмата, Ерга, Вѣщи, Дѣла или Стѣари... Богъ возмагаѣтъ всѣческа. Реци, Богъ возмагаѣтъ все или всѣчинѣ или всѣкиѣ вѣщи». (ГИ, 157)
«сочиненіе причастіа»:	
причастные конструкции	глагольно-личные конструкции
«Причастіа последѣють сочиненію глѣ... Сынъ, свѣща, свѣще, причастій, и прочинѣхъ всѣхъ оупотребленіе, по Грекъвъ сочиненію Славянѣ ^м свойственно ѣсть: ѣакъ, Бгъ сынъ міра, Оцъ щедрѣтъ» (ГС, л. 226 об.)	«Греки на избитъ гдѣсто ѣживѣѣтъ Медольѣнѣе и мало да не всѣака четвѣрта ричъ ѣ нѣихъ јестъ Медольѣнѣе. Потомуѣж и наши предки во вногихъ, хоцъ непристојнихъ мѣстѣхъ, кладѣтъ медольѣнѣе... Ктѣ, ѣслишиѣтъ Богъ, снѣ прежде вѣк. Реци, ѣслишиѣтъ Богъ, иже јестъ преже вѣковъ» (ГИ, 163–164)
«сочиненіе нарѣчіа»:	
конструкции с одинарным отрицанием	конструкции с двойным отрицанием
«Да оувѣстѣса перше, Шрицаніа Нарѣчіа Грекъ ^м во оувѣгѣвленіи и трегѣвленіи швычнаа Славянѣ ^м свойственна не быти.... Ни ѣдинѣѣ заповѣдь твою не сотвориѣхъ но, Ни ѣдинѣѣ заповѣдь твою сотвориѣхъ...» (ГС, л. 229 об.–230)	«Отрицанѣе НЕ опѣшцаѣѣтъ и из мѣста преносет... Ничтоже ме лишиѣтъ. Реци. Ничтоже ме нелишиѣтъ...» (ГИ, 160)

«сочинение мѣстоименіа»: тождество установок	
конструкции с относительными местоимениями с полным согласованием > конструкции с относительными местоимениями с неполным согласованием	
<p>«Есть Аттику» свойство Бла- венскѣ ѡзыку всакѣ странно, Возносителномѣ со Пред- дѣщимъ втождѣ падежи со- чинѣтисѣ, напоследѣющій глѣ, ѡмже правимѣ быти емѣ до- стоѡше .... Гдѣ сѣтъ мати твоѡ древнаѡ Гдѡ, ѡже клѡѡ Дѡѡѣ во ѡстиннѣ твоѡ... по Бла- венскагѡ ѡзыка свойствѣ пре- веденый быти достоѡше, Гдѣ сѣтъ мати твоѡ древнаѡ Гдѡ, ѡмже клѡѡ еси Дѡѡѣ во ѡстиннѣ твоѡ» (ГС, л. 204 об.)</p>	<p>«А ѡ Греков и въ прѣгнѣхъ заносно ѡме всегда се згаджѡет сѣ про- шѣстним. А ѡ нас и ѡ Латинцев тоѡмо въ числѣ, и въ плѣменѣ, сѣ прошѣстним ѡменом, а въ прѣгнѣхъ сѣ послѡдѣющѣѣ ричиноѣѣ морѡет бит згѡдно. Гдѣ сѣтъ милости твоѡя древнѡя, ѡже клѡѡсѣ Дѡѡѣ во ѡстиннѣ твоѡеѣ. Реци, Гдѡ сѣтъ милости твоѡеѣ дрѡвнѡнѣѣ ѡмже клѡѡсѣ Јеси Дѡѡѣ во ѡстиннѣ своѡеѣ» (ГИ, 173–174)</p>
«сочинение глагола»: пересечение установок	
<p>инфинитивная конструкция «еже + инфинитив» или гла- гольно-личная конструкция «да + конъюнктив»</p>	<p>глагольно-личные конструкции «да + конъюнктив» и «да + индикатив»</p>
<p>«Многажды Неопредѣленный по- лагаетсѣ вмѣстѣ Пѡн- нителнагѡ, прѣмѣтъ Сѡбѣзъ, ѣже, ѡнѡ воѡже... : ѡѡкѡ, Лицеже Гдѡне натворѡщѡя злѡѡ, ѣже потребити ѡземлѡ пѡмѡть ѡхъ ...</p>	<p>«...когда се знаменѣѣет причина, дѡларѡди коѣе се что чинит: Греки кладѡт Неокончѡлник прѡст, сѣ прѡвѣржком тѣ (того)... Нам пак въ сицевѡхъ мѡстѣхъ право стоѡит ... спѡѣнѣ Дѡ. Лице господнѣе на творѡщѡя злаѡ: еже потребити от землѡ пѡмѡт ѡнѡхъ. Реци, Лице пак господнѣе на творѣщѡхъ зло: да потребит от землѡи пѡмет ѡнѡхъ.</p>

Иногда и рѣшаеѿса въ Пѣн-
нителѣ: ѿкѡ,
держѡхѣ ѿгѡ еже не штиги
ѡнихѣ: Греческомѣ во сице
сѡщѣ κατῆχον αὐτὸν τοῦ μὴ
πορεύεσθαι ἀπ' αὐτῶν ...Мы
преводимъ, держѡхѣ ѿгѡ да не-
вы ѡшелъ ѡни....

Нѣсть ѡвѣче ѡрицѣтелно въ
нѣконъ мѣстехъ сохранѣно еже,
многое пишемы^х разѡмѣниа
оудѡвѣе подавати, ѿкѡ во
оуказѣ:

ѡвндѣ ѡлтарь твой Гдн/ еже
оуслышати ми гласъ хвалы
твоеѡ.

и, Бѣди ми въ Бгѡ защитѣтелѡ
и въ до^{мѣ} приѡбѣжища еже спасти
мѡ.

и, Лживн снѡве члч^тгн въ мѣ-
рилехѣ/ еже ѡнеправдѣти себе
ѡ сѣты въ кѡпѣ.

и, Бже оущедри ны и бл^вн ны и
просѣти лице твоѡ на ны и по-
милѡи ны, еже познати на зем-
ли пѣть твой, во всѣхъ
ѡзыцехъ спсѣнѣе твоѡ...

В сиухъ и прочин^х безчислны^х
еже ѡ прѡчникъ вставнса»
(ГС, л. 220–221 об.)

Ѧже / Смотрѣцкнѣ / во добро ве-
лѣнт, еже гдн ѣ Греков стѡитъ Не-
окончѡльникъ једнн, тѡмо ѣ нас
липлѣе стѡитъ да...

Ј держѡхѣ ѿгѡ: еже не отѣти отъ
нихѣ. Реци, Ј держѡхѣ ѿгѡ: да неѡ
отншел отъ нихѣ

Неѡмѡ пак, зачѣто Смотрѣцкнѣ въ
сицевихъ мѣстехъ велѣнтъ приѡвѣлѡтъ
Јже и говоритъ,

Еже ѡслышати ми гласъ.
Реци, да ѡслышѣ гласъ

Еже спасти мѡ.
Реци, да ме спѡсѣши.

Еже онеправдѣти.
Реци, да прелестѣтъ отъ сѣтѣи все въ
днѣ.

Еже познати пѣтъ.
Реци, да познадѣмъ на землѣе пѣтъ
твоѡ»
(ГИ, 159, 182–183)

При кодификации языковых элементов на морфологическом уровне разное отношение к греческому языку отразилось в презентации грамматических категорий числа и рода.

Представляя число как трехчленную грамматическую категорию, Смотрицкий считал двойственное число семантически равноправным компонентом числовой оппозиции, тогда как Крижанич полагал, что сохранение двойственного числа приводит к избыточности:

Грамматика Смотрицкого 1619 г.	Грамматика Крижанича 1666 г.
ГК числа: ед./ дв./ мн.	ГК числа: ед./ (дв.) мн.
<p>«Число есть множества или малости изъавленіе: Числа сѣть три Единственное/ Двойственное /и Множественное. Единственное есть/ еже единѣ вещь знаменѣтъ: іакъ, той члѣкъ. Двойственное есть/ еже ѡ двѣю вещь повѣствѣтъ: іакъ, та члѣка. Множественное есть/ еже многа вещи представлѣтъ: іакъ, тін члѣци»</p> <p>(ГИ, л. 30 об.-31)</p>	<p>«Число јест троје. Јединично. Чловик. Вножинно. Льѡди. Двоично. Мѣ два чловика. Двоично число никаковијеже користи, нѣт липотѣ језикѣ не прибављајет: него лише чинѣт сметѣње и вногѣ неѡѡбје. Грѣцски писателѣ мало го ѡживљајѣт, опрѣч нѡжи (наипаче въ писенних складаньих)»</p> <p>(ГИ 2, 123)</p>

Разные взгляды Смотрицкого и Крижанича на роль греческого языка проявились также в отношении к формально-семантической дефектности по категории числа и рода: Крижанич критиковал перенос числовых и родовых моделей из греческого в «славенский».

Грамматика Смотрицкого 1619 г.	Грамматика Крижанича 1666 г.
<p>«Единственнагъ и двойственнагъ лишашацааца. вериги, ѡтребн, изгребн, Аѡины, Аадвѡа, Верелъ, уста, врата, ложесна, ключа, начатки, ѡметы» (ГС, 42 об.)</p>	<p>«Объ начѡток., ѡметъ, ѡва Верига, Верѡеа ѡмаѡтъ всѡ числа, сѡпрот Смотрицкомѡ, кнѡ ѡмъ даѡетъ ѡедино ѡножинно» (ГИ, 31)</p>
<p>«Общѡгъ рѡда ѡмена сѡтъ. Иѡже ѡдиным ѡкончанѡемъ мѡжескѡй и женскѡй полѡ знаменѡю^т. ѡакъ, тоѡ и таа чѡвкъ, сѡдѡа, вѡинъ, вѡй, вѡждѡ, ѡѡжика, свѡдѡитель, Вѡевѡда, тѡтъ» (ГС, л. 28).</p>	<p>«Смотрицкнѡ вѡичѡтъ нѡш ѡезикъ, да ѡнъ спѡдѡбен ѡнѡ бо всѡмъ Грѡцкомѡ и Латѡнскомѡ. Јъ бѡдѡщъ ѡеже въ ѡнѡхъ ѡезикѡхъ ѡсѡтъ нѡика ѡмена двоѡего плѡмена мѡжескѡго и женскѡго, потѡмѡ ѡест ѡнъ и въ нѡшемъ ѡезикѡ нѡика ѡмена постѡвнѡ двоѡплеменнѡ. се ѡестъ, вѡѡвода, сѡдѡиѡа, вѡѡинъ. Алѡ въ томъ ѡестъ ѡзѡбенъ поѡбѡдѡкъ, аѡво вѡѡвода, сѡдѡиѡа, вѡѡинъ, нѡколикъ нѡсѡтъ сѡнѡшенѡ въ женскѡмъ плѡменѡ». (ГИ, 21–22)</p>

Равным образом, представленная в грамматике Смотрицкого формальная избыточность, обусловленная влиянием греческого языка на книжный «славенский» язык, считалась Крижаничем неприемлемой.

Так, Смотрицкий выделил среди имен существительных мужского рода собственные имена греческого происхождения и маркировал их флексией **-Ѣ**, свойственной им в греческом языке, в грамматической позиции **3. ед.**, а Крижанич подчинил изменение этих имен славянскому правилу дифференциации флексий в зависимости от характера конечного элемента основы **-Ѣ / ' -Ѣ**:

Грамматика Смотрицкого 1619 г.	Грамматика Крижанича 1666 г.
3. ед м.:	
-Ѣ / ' -Ѹ + -Ѣ	-Ѣ / ' -Ѹ
<p>«И сѣ да оубѣстѣса, ѡакъ собственна на / ай: ей: ѡ/ ѡ кончащася / зваѣленъ един- ственъ твораѣ искрѣна на / ѣ, Зваѣленаго Грѣческаго бѣцаго ѡбъчаемъ: ѡакъ, Нѣколаѣ / Ти- мѡѡѣѣ / Фарѣсѣѣ / Григорѣ/ Васѣліѣ / Мелѣвіѣ» (ГС, л. 72)</p>	<p>«Имена Грѣска, коѣ Ѹ Грѣков ѡдѣт на ѢѢ, а Ѹ нас на ѡѢ, ѢѢ, ѢѢ, ѢѢ ... ваѡдно се тво- рѣт Ѹ нас на Ѣ... злѡ ѡ Нѣко- лаѣ... Право пѣши. ѡ НѣколаѣѢ, ѡ ВасѣлѣѢѢ, ѡ ГригорѣѢѢ» (ГИ, 7)</p>

Установка Крижанича на генетическую «чистоту» «русского» языка мотивировала также его отрицательное отношение к признанной Смотрицким формальной избыточности, которая могла быть поддержана, по мнению Крижанича, польским языком. Смотрицкий ввел для существительных мужского рода твердого варианта склонения нестандартную флексию **-Ѹ** в грамматической позиции **Р. ед.** (для слова «домъ») и стандартную флексию **-ѡМИ** в грамматической позиции **Т. мн.**, которая рассматривалась либо как единственный нормативный формант (для слова «домъ»), либо как более предпочтительный вариант по сравнению со стандартной флексией **-Ѣ**, порождавшей омонимию по падежу **В. мн.** = **Т. мн.** Крижанич в грамматической позиции **Р. ед.** устранил нестандартную флексию **-Ѹ**, а в грамматической позиции **Т. мн.** заменил и стандартную флексию **-ѡМИ**, и стандартную флексию **-Ѣ** на снижавшую омонимию флексию **-ѡМИ**, кодифицированную Смотрицким для существительных мужского рода мягкого варианта склонения и имевшую поддержку в хорватском языке:

Грамматика Смотрицкого 1619 г.	Грамматика Крижанича 1666 г.
Р. ед. м.:	
-А, -Ъ	-А
«Вѣтерокліта вѣторѣгѣ склоненіа: Ро: тогѣ домѣ» (ГС, л. 57 об.)	«Се творѣнје на Ѹ, јест Лѣшци- на. Лѣхом во јест обвинен сеѣ нѣрок: Того часѣ... Реци: Того часѣ...» (ГИ, 7)

Грамматика Смотрицкого 1619 г.	Грамматика Крижанича 1666 г.
Т. мн. м.:	
-Ы, -АМИ	-МИ
«Второе склонение Тв. домами, клеверѣтами и клеверѣты, ѣрмами, и ѣрмы, воннами, и вонны, ѣродами, и ѣроды...» (ГС, л. 43)	«Нѣмци и Жидови јесѣт Ѹ Лѣхов наш језик мерзко ска- зани, а Билорѣсјани сѣт того скаженја вного завзели: и на сем мистѣ чинѣт нестерпен преврат, јеже ѡв прегнѣв творѣт на АМИ...» (ГИ, 16) (в образце склонения фор- ма на -МИ: Братми)

Диагностической зоной, релевантной для выявления различий лингвистических установок Смотрицкого и Крижанича, явилась и зона «своих» средств выражения, задававшая проблему *формальной избыточности* церковнославянского языка: идея *правильности* языка, которой придерживался Смотрицкий, требовала сложной языковой структуры и, следовательно, сохранения и дифференциации грамматических синонимов, тогда как идея *правильности и понятности*

языка, предложенная Крижаничем, наоборот, предполагала простоту языковой структуры и, следовательно, снятие всех грамматических синонимов.

Так, принципиально разными явились взгляды Смотрицкого и Крижанича на решение проблемы формальной избыточности, порожденной противопоставлением флексий по признаку качества конечного элемента основы. Смотрицкий последовательно проводил принцип фонетической дифференциации флексий, который позволял держать формальную дистанцию между книжным и не-книжным языком, тогда как Крижанич, напротив, отказывался от реализации данного принципа, если это позволял некнижный язык. Так, в грамматических позициях П.=Д. ед. ж., П. ед. м., П. ед., мн. ср. Смотрицкий сохранял противопоставление флексий -ѣ (ХЪ) /' -И (ХЪ), а Крижанич снимал это противопоставление посредством выбора флексии -ѣ (исключение составила грамматическая позиция П. ед. ср., в которой сохранилось противопоставление флексий для снятия омонимии):

Грамматика Смотрицкого 1619 г.	Грамматика Крижанича 1666 г.
П. – Д. ед. ж.:	
-ѣ /'-И	-ѣ
«Первое Склонение Дат. (=) Сказ.: Дѣвѣ, Влазѣ, Рѣцѣ, Сношь (//) Мрежи, Ладѣи, Бѣтѣи» (ГС, 32 об.–41)	«Опѣт на овом мѣстѣ Лѣхи, Бѣло- рѣсѣани и Смотрицкѣи чинѣт непо- трибни рѣзбор меж знаков- ницами: и при тонких изглашаѣтъ ЇѢ, или Бѣ... Главѣ, Рѣцѣ: а при шѣдмних изглашаѣтъ Ї: при стражи, при ладѣи... Али пак нам ниѣтъ пригодно таково разбирѣнѣ: но паче всѣ имена сего прѣтвора могѣтсе овди кончит на ѣ...» (ГИ, 20)

П. ед. м.:	
-ѣ / '-И	-ѣ
<p>«Второе Склоненіе (//)Четвертое склоненіе</p> <p>Ска³. ед. Клеврѣтъ (//).. пастыри</p> <p>Ска³. мн. клеврѣтехъ(=) пастыреухъ»</p> <p>(ГС, л. 43, 63 об.)</p>	<p>«Рѣзво говорѣц, опѣщѣется двоугласница ѣ: и от тонкихъ кончинъ придѣвникъ се изрекаѣтъ на Ї, или Ѣ: при Братѣ, и при Братѣ. А от шѣмнихъ, на Ї: при Краљѣ»</p> <p>(ГИ, 9)</p> <p>(в парадигме: При Братѣ, При Краљѣ)</p>
П. ед., мн. ср.:	
-ѣ /' -И -ѣХЪ / '-ИХЪ	-ѣ /' -И -ѣХЪ
<p>«Второе Склоненіе (//)Четвертое склоненіе</p> <p>Ска³. дрѣвѣ...дрѣвѣхъ, и дрѣвѣхъ знаменіи ... знаменіи»</p> <p>(ГС, л. 45, 45 об. и 70, 70 об.)</p>	<p>«От ѡменъ пѣтого ѡзора Придѣвникъ Јединичный се творитъ на ѣ: а вножинный на ѣХ: на селѣ, на селѣхъ...А от ѡменъ шѣстого прѣтвора Придѣвники идѣтъ згодно на Ї, и на ІХ: Мори, Морихъ... въ петом ѡзорѣ липо изрикаѣемъ придѣвникъ на Ѣ... Али въ шестом ѡзорѣ не творимъ на Ѣ, но лише на Ї. Да бѣдетъ рѣзностъ от ѡменника и от крозника, кнѣ се изрикаѣтъ на Ѣ»</p> <p>(ГИ, 25–26).</p>

Стремясь снять грамматическую синонимию посредством унификации языковых элементов, Крижанич отрицал возможность решения проблемы грамматической синонимии посредством дифференциации элементов, предложенной Смотрицким. Данная точка зрения Крижанича проявилась в критике кодифицированной

Смотрицким формальной избыточности, обусловленной употреблением стандартных и нестандартных флексий, а также стандартных и нестандартных парадигм.

Наиболее формально нагруженными оказались в грамматике Смотрицкого грамматические позиции **Р. ед.**, **Д. ед.** и **И. мн.** у существительных мужского рода. В грамматической позиции **Р. ед.** Смотрицкий кодифицировал наряду со стандартной флексией **-А** нестандартную флексию **-Ѣ**, мотивированную словообразовательными особенностями определенной группы имен (наличие суффикса **-ѢН-**), а также нестандартную флексию **-И**, имевшую лексическую прикрепленность (слово «пѣть»). В грамматической позиции **Д. ед.** Смотрицкий представил помимо стандартной флексии **-Ѹ** нестандартные флексии **-ОВИ/’-ѢВИ**, маркирующие группу односложных имен. В грамматической позиции **И. мн.** Смотрицкий предложил сложную схему дифференциации формантов, включавшую разные уровни мотивации: оппозиции флексий в зависимости от качества конечного элемента основы **-И /’ -ІѢ, -Ѣ** (для имен с основой на *j*), оппозиции флексий в зависимости от словообразовательных особенностей имен **-ОВѢ/’-ѢВѢ** (для односложных имен), **-Ѣ** (для имен с суффиксом **-АННИ**), а также свободную вариативность флексий **-ІѢ, -Ѣ**. Крижанич, руководствуясь принципом унификации средств выражения, устранил во всех позициях нестандартные флексии как неупотребительные:

Грамматика Смотрицкого 1619 г.	Грамматика Крижанича 1666 г.
Р. ед. м.:	
-А, -Ѣ, -И	-А
«Всѣ на/ нь, кончащася склоненіа сегѡ имена/ чистѣе родительный единственныи сходити творят на/ е, нежели на/ ѡ: гѡкъ, корень/ корене: стѣпень/ стѣпене: камень/ не: день/ дне: пламень/ не, пѣти» (ГС, 72 об.)	«Ізжерник сѣь изхѡдит на А, а не ѡнако. Сѡтож овличѡь: Паче камене чѣстна, пс. 18. Право рещи: Паче драга камена...» (ГИ, 7).

Д. ед. м.:	
-Ѹ, -ОВИ / '-ЄВИ	-Ѹ
<p>«Склоненіа сегѡ ѡмена ѡзмѣнѣ ѣднѡсложнаа растворѡтисѡ мощѡ ѣ падежехѣ мала всѣхѣ ѡкѡ, сынѡ или снѡви домѡ или домѡви врачѡ или врачевѡ» (ГС, 50, 57 об., 72)</p>	<p>«прѣгнѣ ѡмѣет двѣ кончинѡ, једнѡ на Ѹ, а другѣ на ОВИ по перѡм или на ЄВИ по вторѡм ѡзорѸ ... снѡѡ, синѡви... врачѡ врачевѡи... Алѡ Хер- вѡти никѡлиж неѡживѡѡѡт тоѡе кон- чинѡ на ВИ и за кмѣтскѸ ѡ почн- тѡѡѡт» (ГИ, 9, 10)</p>
И. мн. м.:	
И, -Є, -ОВЄ / '-ІЄ, -Є, -ЄВЄ	-И
<p>*Именительный же множественный на/ іе: нежелѡ на/ є: ѡкѡ, кѡменіе/ стѣпеніе/ кѡреніе/ днѣ/ пламеніе» Им. мн. Госпѡдіе пѡстырѣе или пѡстыре... свѣдѣтеліе или свѣдѣтеле...» (ГС, л. 63 об.—65, л. 72 об.) «Имен. мн. снѡве врачѣе, врачѣе, или врачевѣе» (ГС, л. 50, 57 об., 72)</p>	<p>«А ѡније кончинѡ на ЈЄ и на Є јесѡѡт згѡла скѡзнѡ и мѣрзкѡи... Пѡстѣрѣе, Госпѡдѣе... А јѡшце гѡре, Свѣдѣтеле... Стѣпене, Кѡмене... Правѡ се велѣѡт, Пѡстѣри, Свѣ- дѣтели, Стѣпени, Кѡмени...» (ГИ, 10—11) «по ѡзвѣткѸ, и по припрѡстом ѡз- рѡкѸ, двојескѡднѡ јменнѡкѡ прѣмн- нѡѡѡѡтсе на ОВЄ и на ЄВЄ» (ГИ, 10);</p>

Избирательный подход Крижанич продемонстрировал, критически оценивая кодификацию Смотрицким стандартных и нестандартных парадигм. Смотрицкий предложил нестандартные парадигмы единственного и множественного числа для имен существительных среднего рода с подвижной словообразовательной структурой (тип «слова-словеса»), а Крижанич, ориентируясь на свой родной язык, счел приемлемым вариативность стандартных и нестандартных парадигм множественного числа и разрешил только стандартную парадигму единственного числа:

«*Смотрицкыи* кладѣтъ особито прѣтвараѣнїе. А по Херватскѣ прирастокъ нѣсть овиченъ въ единичномъ и во двоичномъ числѣ, а во вножинномъ изрѣкають двојако» (ГИ, 24–25).

Грамматика Смотрицкого 1619 г.		Грамматика Крижанича 1666 г.	
стандартные+нестандартные парадигмы (ед, дв., мн.)		стандартные +нестандартные парадигмы (мн.)	
Имен.	словесѡ или слово	Ово слово	
Род.	словесѣ	От слова	
Дат.	словесѣи	Ко словѣмъ	
Вин.	слово	слово	
Зват.	слово	слово	
Твор.	словесемъ	Со словомъ	
Сказ.	словесѣи	При словѣхъ	
Имен.	словеса	Слова и словеса	
Род.	словесъ	Словъ и словесъ	
Дат.	словесемъ	Словомъ и словесомъ	
Вин.	словеса	Слова и словеса	
Зват.	словеса	Слова и словеса	
Твор.	словесы	Словми и словесми	
Сказ.	словесехъ	Словѣхъ и словесѣхъ	

Нестандартные парадигмы Смотрицкий предложил также для всех существительных женского рода с подвижной словообразовательной структурой (типы «мати-матерь», «любы-любовь»), а Крижанич признал нормативной только нестандартность изменения слов «мати, дщи», что было мотивировано хорватским языком:

«*Смотрицкыи* велѣтъ прѣтвараѣтъ (имена корв, льдвов, цѣрков) јако МАТИ» (ГИ, 29).

Некоторое *сходство* позиций Смотрицкого и Крижанича наблюдалось при решении проблемы *формальной недостаточности* церковнославянского языка: оба грамматиста стремились снять омонимию, что отражало установку конфессиональной культуры на достижение «прозрачности» богодухновенных текстов. Однако способы решения проблемы и последовательность применения избранных способов не совпадали.

Смотрицкий рекомендовал орфографический способ снятия омонимии, построенный на оппозиции дублетных букв и надстрочных знаков, и грамматический, задававший на правах вариантов наряду с омонимичными флексиями неомонимичные.

Крижанич отвергал ориентированный на греческое письмо орфографический способ и выступал за последовательное применение грамматического способа снятия омонимии, что выразилось, например, в критике формальных показателей Р. ед. м.:

Грамматика Смотрицкого 1619 г.	Грамматика Крижанича 1666 г.
Р. ед. м.:	
<p>«клеврѣтъ, воннѣ, ходотѣи, мравѣи, знои, крагѣи, любодѣи..., пророкъ // прорѣкъ снѣ // сынѣ или сынѣвъ, врачѣ // врачѣ или врачѣвъ.» (ГС, л. 43–69).</p>	<p>«Смотрицкѣи чинѣтъ сѣ прѣгнѣ јменникѣ јединичномѣ сподобен: от Пророкъ, от вонни, от клеврѣтъ, от ходотѣи, мравѣи, знои, крагѣи, льубодѣи. А от нѣкоихъ чинѣтъ двѣ кончинѣ: От снѣ, и синоѣ, От врачѣ, и врачѣвъ... Всѣ јмена... љпо и правѣлно се творѣтъ на ОВ, и на ЄВ» (ГИ, 13–14)</p>

Детальному критическому разбору Крижанич подверг представленные в грамматике Смотрицкого пересекавшиеся ряды именных форм, задававших одновременно *формальную избыточность* и *формальную недостаточность*.

Так, имена существительные женского рода (тип «дѣва / мрежа») в грамматических позициях Р. ед., И.-В. мн. являли в грамматике Смотрицкого формальную избыточность, мотивированную фонетическими особенностями основы **-Ы /' (+ шипящий и -ц) -А**, и формальную недостаточность, проявлявшуюся в омонимии по падежу и числу в мягком варианте склонения И. ед. **-А = Р. ед., И.-В. мн. -А**. Имена существительные мужского рода, относившиеся к этому же типу склонения, представляли аналогичную формальную сложность в грамматической позиции В. мн., т. е. являли дифференциацию флексий **-Ы /' (+ шипящий) -А** и порождаемую при этом омонимию по падежу и числу И. ед. **-А = В. мн. -А**. Определенное ограничение омонимии И. ед. = В. мн. давала флексия **-Ы**, представленная Смотрицким в грамматической позиции В. мн. м. как допустимый вариант наряду с флексией **-А** у существительных с исходом на шипящий. По мнению Крижанича, замена неупотребительной флексии **-А** употребительной флексией **-И** в грамматических позициях Р. ед., И.-В. мн. одновременно снимала грамматическую синонимию и омонимию, и тем самым уменьшала дистанцию между книжным и некнижным языком:

Грамматика Смотрицкого 1619 г.	Грамматика Крижанича 1666 г.
Р. ед. ж., И.-В. мн. ж. В. мн. м.:	
-Ы /' -А -Ы /' -А, (+шипящий) -А, -Ы	-И -И
«Имена на /жа: ца: ча: ша: ца: на а, чистое: / и на / а, чистое: / и нечистое: / ко"чащааа мѣжескаа творать родителный ѣдинственный, именителный и звателный множественный на /и: женскаа на /а: звателный на /е... Внннтелный множест- венный мѣжескаа на /ы: и /а: женскаа на: а...	«Смотрицкнѣ овди чиннѣт раз- лѣченѣ въ знаковницѣх, илнѣт въ конѣчннх негласницѣх и ве- лнѣт, жеже ѣмена ѣмаѣща Тонкнѣ знаковннцн, чиннѣт ѣжерннѣ на И... А ѣмена ѣдѣща на Шѣмнѣ знаковннцн: се жєст, на Жа, Лѣа, Нѣа, Ча, Шѣа, Щѣа, Јѣа, творѣт ѣжерннѣ ѣдннчннѣ (и ѣмен- ннѣ, да Зѣвннѣ, вножннннѣ)

Имен. ед. Дѣва, Мрѣжа
 Род. ед. Дѣвы (/) Мрѣжа
 Имен., мн. Дѣвы (/) Мрѣжа
 Вин. мн. Дѣвы (/) Мрѣжа
 Имен. ед. Ёшна, ёноша
 Имен. мн. Ёшны, ёноши
 Вин. мн. Ёшны, ёношы
 (/)ёноша»
 (ГС, л. 32, 36, 37).

«И се вѣстно бѣди/ самым Ор-
 фографіа дѣла полагаемъ
 быти/ ѡ, во шкончаніи zde н' ѣ
 перво^м склоненіи винительнагъ
 множественнагъ/ ѣ первом же
 и Родителнагъ на/ жа, ца, ча,
 ша, и /ща, кончащихса
 женских: произносимо же быти/
 ѡкв а: ѡтца/ ѡко же ѡтца,
 чванца/ ѡко же чванца: и про^е.
 Денница/ мрѣжа/ ёноша/
 предотѣча/ ѡбраца/ ѡко же/
 денница/ мрѣжа/ ёноша/ пре-
 дотѣча/ ѡбраца/ ѡко же/
 денница/ мрѣжа/ ёноша/ пре-
 дотѣча ѡбраца: и про^е»
 (ГС, л. 49 об.).

мѣжка на Ё: а женска на ѡ. ѡ
 крозникъ вножинни мѣжка на
 Ы, или ѡ: а женска Једино на
 ѡ: какот.
 Мужска: Тоъ Јѣноша
 Женска: Таја Мрѣжа
 Муж: От того Јѣноши
 Жен: От тоја Мрѣжа
 Ми пак такова правила
 нхвѣлим: зато жеж весидѣ чн-
 нит двојвенѣ, и неизраздмнѣ, и
 слишнт мѣрзкѣ. ѡбо гди јест
 триѣва различно чинит прѣгнѣом
 окончанје, тамо нист различии:
 рѣкши меж Јменникомъ
 Јединичним, и меж производни-
 ми прѣгнѣми: коби по томъ
 правилѣ вси једнако изхѣдет на
 ѡ: кт Једна Дѣша, кроз вногије
 Дѣша.
 ѡ свѣрх того такова нераз-
 личного творѣња на ѡ, нлти
 на ѡ, нигдиже нист въ ѡвщемъ
 льѣдскомъ говорѣнѣ: рѣзви лише
 ѣ Лѣхов јест ничто тому спо-
 добно. Рѣсјани бо всије тије
 производније прѣгнѣви једнако и
 липо творѣт на Ё: хоцъ съ тон-
 кими, хоцъ со шѣдмими неглас-
 ницами и изрикајѣт доврѣ снѣце,
 От Дѣши...» (ГИ, 18–19)

Равным образом, имена существительные мужского рода (тип «клеверѣты /пастыріе, или пастыре») в грамматической позиции **В. мн.** демонстрировали в грамматике Смотрицкого формальную избы-

точность, заключающуюся в дифференциации флексий в зависимости от конечного элемента основы **-Ы /'** (+ шипящий и **-ц**) **-А**, и формальную недостаточность, проявляющуюся в омонимии по падежу и числу **Р. ед. -А, -А = В. мн. -А**. Ограничение омонимии достигалось посредством флексии **-Ы**, допустимой в качестве варианта у имен существительных мужского рода с основой на **-ц**. Предпринятая Крижаничем замена флексии **-А** на флексию **-И** снимала синонимию в **В. мн.** и омонимию **Р. ед. = В. мн.** Однако флексия **-И** порождает омонимию **И. мн. = В. мн.**, поскольку Крижанич считал единственно возможной для позиции **И. мн.** стандартную флексию **-И**, а не кодифицированные Смотрицким нестандартные флексии **-ІѢ, -Ѣ**. Полное снятие омонимии было возможно, по мнению Крижанича, посредством введения в грамматическую позицию **В. мн.** флексии **-Ѣ**, характерной для хорватского языка:

Грамматика Смотрицкого 1619 г.	Грамматика Крижанича 1666 г.
В. мн. м.:	
-Ы /' (+шипящий и -ц) -А	-И или -Ѣ
«Род. ед. Клеврѣта (/) пастыра, Вин. мн. Клеврѣты (/) пастыра, Род. ед. ѡтца Вин. мн. ѡтцы, ѡтца» (ГС, л. 48).	«...мѣрзко и блѣдно се чтѣт... по- стѣвлено ЈА, или А... Возложѣт на олтар твоѣ телца, Все поправѣ снце: Возложѣт на олтарь твоѣ телци или телце» (ГИ, 11, 12).

Крижанич оставил без оценки материал «простого» «русского» языка («простой мовы»), маргинально явленный в грамматике Смотрицкого. Однако сопоставление примеров на «простом» «русском» языке, данных Смотрицким, с примерами на книжном «русском» языке, предложенными Крижаничем, дает возможность увидеть определенное сходство «русского» языка Смотрицкого и «русского» языка Крижанича, основанное на отталкивании от греческого языка. Диагностическими признаками «русского» языка являются глагольно-личные конструкции, противопоставленные причастным и инфинитивным конструкциям «славянского» языка:

Грамматика Смотрицкого 1619 г.		Грамматика Кри- жанича 1666 г.
причастные конструкции	глагольно-личные конструкции	глагольно-личные конструкции
«Бгъ ѣсть дѣйствѣай во васъ и ѣже хотѣти и ѣже дѣлати» (ГС, л.221), «Бгъ сынъ мира, Оцъ щедрѣт» (ГС, 226 об.)	«Богъ ѣсть который справѣтъ въ васъ и то авысте хотѣли, и то авысте чинили» (ГС, л.221)	«Услышитъ Богъ, иже ѣстъ преже виков.» (ГИ, 164)

Грамматика Смотрицкого 1619 г.		Грамматика Крижанича 1666 г.
инфинитивные конструкции	глагольно-личные конструкции	глагольно-личные конструкции
«Оудержи языкъ свой ѿ зла/ и оустнѣ свои ѣже не глаголюти. Бгъ ѣсть дѣйствѣай во васъ и ѣже хотѣти и ѣже дѣлати. Лице же Гдне на- творящима злѣа, ѣже потребити ѿ земли память ихъ» (ГС, л.220, 221)	«Гамъи языкъ свой ѿ злогъ/ и оуста твои не- хай не моватъ зрады Богъ ѣсть который справѣтъ въ васъ и то авысте хотѣли, и то авысте чинили» (ГС, л. 221)	«Лице пакъ господње на творещихъ зло: да потребитъ отъ земли памятъ ихъ» (ГИ, 182)

1.2. Острожская Библия 1580 г. < книжная справа Юрия Крижанича 1666 г.: *правильность языка // правильность и понятность языка*

Стремление реализовать систему кодифицированных норм в императивных профессиональных текстах обусловило «справу» псалмов, представленную в правилах-комментариях в грамматике Юрия Крижанича. Подвергшиеся исправлению псалмы могли быть взяты Крижаничем из Острожской Библии, поскольку приведенные им примеры совпадают с текстом Острожской Библии. Кроме того именно текст Острожской Библии Крижанич подвергал критике в своих сочинениях: «Бѣлорѣсци при тискованьи Библѣи ... много прѣмѣнѣнїе Ѹчинїша» (Об., 2–3). Исправляя псалтырный текст, Крижанич стремился преодолеть «шатост ... кнѣижнихъ прѣводов», что должно было привести «ко Ѹпокоѣнїѹ народнихъ съсѣр ... црковного раздѣра» (ГИ, V).

Руководствуясь теоретическими взглядами, изложенными в грамматике, Крижанич устранял в библейских текстах как *формально-семантическую недостаточность*, так и *формально-семантическую избыточность*, носившую заимствованный или исконный характер.

Формально-семантическая избыточность в библейских текстах определялась, по мнению Крижанича, грамматической категорией числа, представленной трехчленным рядом форм. Считая формы двойственного числа семантически избыточными элементами, поддержанными греческой грамматикой, Крижанич заменял их на формы множественного числа:

Острожская Библия 1580 г. = [текст в грамматике Крижанича]	Книжная справа Крижанича 1666 г.
ГК числа: формы дв. числа	ГК числа: формы мн. числа
пс. 7:4 «въ рѣкъ моею» [въ рѣкъ моѣѹ]	«Въ рѣкахъ моихъ»
пс. 23:4 «не повиненъ рѣкама» [Не повиненъ рѣкама]	«Не повиненъ рѣками»
пс. 21:10 «Ѡ сосцѣ мѣре моѣмъ» [Ѡт сосцѣ мѣтере моѣмъ]	«Ѡт сосцевъ матери моеѣ»

Равным образом, Крижанич преодолевал и *формально-семантическую недостаточность*, проявлявшуюся в псалтырном тексте в отдельных случаях нереализованности грамматической категории одушевленности //неодушевленности:

Острожская Библия 1580 г. = [текст в грамматике Крижанича]	Книжная справа Крижанича 1666 г.
В. ед.=И. ед.: отсутствие реализации ГК одуш. // неодуш.	В. ед.=Р. ед.: наличие реализации ГК одуш. // неодуш.
пс. 30 «вѹди ми в бѣгъ защититель» [вѹди ми въ Бѣгъ защитителя]	«вѹди ми въ Бѣга защитителя»
пс. 105:19 «сѣтворѣша телець» [сотворѣша телец]	«сотворѣша телеца»

Наибольшую *формальную избыточность*, обусловленную бытованием стандартных и нестандартных флексий, представляли в Острожской Библии имена существительные мужского рода в грамматических позициях **Р. ед.** и **И. мн.**. В грамматической позиции **Р. ед.** употреблялись имена существительные со стандартной флексией **-А** и нестандартными флексиями **-Є**, **-Ў**. В грамматической позиции **И. мн.** помимо имен существительных со стандартной флексией **-И** были представлены имена существительные с нестандартными флексиями **-Є**, **-ІЄ**, **-ОВЄ** / **-ЄВЄ**. Языковая правка Крижанича заключалась в устранении всех нестандартных флексий:

Острожская Библия 1580 г. = [текст в грамматике Крижанича]	Книжная справа Крижанича 1666 г.
Р. ед. м.:	
-А, -Є, -Ў	-А
пс. 18: 11 «Паче камене чѣстна» [Паче камене чѣстна]	Паче драга камена
пс. 113:1 дѡмѹ [дѡмѹ]	дѡма

И. мн. м.:	
-И, ІЄ, -Є, -ОВЄ / ' -ЄВЄ	-И
пс. 103:11 «зѣтрѣ» [зѣтрѣ]	«зѣтри»
пс. 26:12 «свѣдѣтеле» [свидѣтеле]	«свидѣтели»
пс. 4:3 «снѣ» [снѣ]	«снни»
пс. 148:7 «змѣве» [змѣве]	«змѣи»

Формальную недостаточность задавали имена существительные мужского и женского рода с исходом на мягкий согласный, шипящий и -ц. Так, имена существительные мужского рода являли омонимию Р. ед. -А, -А = В. мн. -А, а имена существительные женского рода порождали омонимию И. ед. -А = Р. ед., И.-В. мн. Установка на снятие омонимии реализовалась в замене флексии -А флексией -И и в признании возможной замены флексией -Є, мотивированной хорватским языком:

Острожская Библия 1580 г. = [текст в грамматике Крижанича]	Книжная справа Крижанича 1666 г.
В. мн. м.:	
-А	- И, -Є
пс. 50:21 «възложѣтъ на олтарѣ твоемъ телца» [възложѣтъ на олтарѣ твоѣ телца]	«возложѣтъ на олтарѣ твоѣмъ телце» [телце]
пс. 149:8 «Свѣзѣти цѣрѣ нѣхъ пѣти» [Свѣзѣти цѣрѣ нѣхъ пѣти]	«Свѣзѣтъ цѣрѣ нѣхъ [цѣрѣ нѣхъ] пѣтми»
пс. 117:9 «оуповѣти на кнѣзѣ» [уповѣти на кнѣзѣ]	«наднѣтѣсе на кнѣзи» [на кнѣзе]

Острожская Библия 1580 г. = [текст в грамматике Крижанича]	Книжная справа Крижанича 1666 г.
Р. ед., И.-В. мн. ж.:	
-А	-И
пс. 19:7 «спѣсѣнїе деснїца єго» [Спасѣнїе деснїца єго]	«Спасѣнїе деснїци єго»
пс. 10:6 «чѣсть чѣша нхъ» [Чѣст чѣша нх]	«Чѣст чѣши бнхъ»
пс. 106:16 «верѣа желѣзныа сло- ми» [Верѣа желѣзниа сломи]	«Верѣи желѣзниа сломи»
пс. 18:8 «ѡбращаа дѣша» [Обращаа дѣша]	«Обращаѣщ дѣши»
пс. 17:15 «мѡнїа оумножи» [Мѡнїа умножи]	«Мѡлниа умножи»

Сферу основных исправлений Крижаничем текста Острожской Библии определяли синтаксические конструкции, обусловленные влиянием греческого языка: если книжники, создававшие Острожскую Библию, стремились к грецизации как к средству достижения языковой правильности библейского текста, то Крижанич отказывался от формально сематической грецизации, нарушающей понятность текста.

Объектом последовательной элиминации выступали конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. мн., конструкции с относительными местоимениями, согласованными с определяемым словом, причастные конструкции, инфинитивные конструкции с обстоятельственным значением и конструкции с одиначным отрицанием:

Острожская Библия 1580 г. [текст в грамматике Крижанича]	Книжная справа Крижанича 1666 г.
пс. 8:7 всѧ покорѣлѣси поюшѣго [Всѧ покорѣл еси под нозѣ его]	Всѣ јеси упокорѣл под јего нѡги
пс. 77:11 забѣша бѣгодѣанїи ѣго ѣчюдѣсѣ ѣго, ѣхѣже ѣвѣ ѣмѣ [Забѣша чудѣс его : ѣхѣже јавѣ им]	Чудѣс : јѧже ѣм јест јавѣл
пс. 2:4 Живѣи на небѣсехъ по- смѣтѣса ѣмѣ [Живѣи на небѣсехъ посмѣт са им]	Јже жѣвет на небѣсехъ, насмѣјет ѣм се
пс. 33: 17 лѣце же гнѣ на творѣщаа злаа, еже потребити Ѡ земля памѣть нѣхъ [Лѣце господнѣ на творѣщаа злаја еже потребити от земля памѣт ѣхъ]	Лѣце пак господнѣ на творѣщѣхъ злѡ, да потребит от землѣ памѣт ѣхъ
пс. 22:1 ничтѡ же ма лишѣтъ [ничтѡже ме лишѣт]	ничтѡ же ме не лишѣт (ГИ, 160)

Работая с грамматикой Смотрицкого и с текстом Острожской Библии, Крижанич опосредованно вступал в своеобразную полемику с московскими книжниками.

Сферу *разногласий* московских книжников и Крижанича определяли прежде всего синтаксические конструкции, обусловленные влиянием греческого языка: если Крижанич отказывался от формально-семантической грецизации, то московские книжники, напротив, склонялись к усилению грецизации как к средству достижения языковой правильности библейского текста. В качестве доказательства такого рода разногласий можно привести интерпретации полинегативной и монологативной конструкций, данные Симеоном Полоцким и Юрием Крижаничем.

Вопрос о значении конструкций с двойным и одинарным отрицанием являлся предметом полемики никониан и старообрядцев. Так, старообрядец священник Лазарь упрекал никониан в том, что они наделяют отрицательным смыслом только мононегативную конструкцию, а полинегативной конструкции придают положительный смысл, следуя рекомендациям грамматики Мелетия Смотрицкого:

«Хрѣтосъ воскресе никто же не вѣруетъ... Се же есть велій соблазнъ, нбо вси вѣруютъ». Отвечая на этот упрек, Симеон Полоцкий возражает Лазарю: «Никто же не вѣруетъ, тождо знаменуетъ еже всякъ вѣруетъ... Иди прежде научися грамматичесествовати» [Полоцкий 1667, л. 100 об.—101].

Юрий Крижанич, подобно старообрядцам, полагал, что конструкция с двойным отрицанием несет отрицательный смысл, и критиковал распространение в библейских текстах конструкций с одинарным отрицанием как синтаксических грецизмов, породивших дистанцию между книжным и некнижным языком:

«Отрицање НЕ опущаѣтъ и из мѣста переносет... Ничтоже ме аништ. Реци, Ничтоже ме нелишт» (ГИ, 160).

Сходство лингвистических установок московских книжников и Крижанича проявлялось только в зоне *формальной недостаточности*, поскольку снятие омонимии было общим стремлением книжников к однозначному соответствию плана содержания и плана выражения. Зону совпадения правильного «славянского» языка и понятного книжного «русского» языка определяли позиции **Р. ед.**, **И.-В. мн.** (=И. ед.) для существительных женского рода и **В. мн.** (=Р. ед.) для существительных мужского рода с исходом на мягкий согласный, шипящий и -ц: московские книжники и Крижанич заменяли у имен в этих позициях флексию **-А** на флексию **-И**, снимавшую омонимию.

Единство взглядов московских книжников и Крижанича на устранение форм, порождающих омонимию, может быть также доказано интерпретациями формы **В. мн. м.** на **-А**, данными Симеоном Полоцким и Юрием Крижаничем. Симеон Полоцкий, отвечая на критику старообрядцев, протестующих против замены в грамматической

позиции **В. мн.** формы «тельца» на форму «тельцы» в заключительной фразе 50 псалма, мотивировал эту замену снятием омонимии:

«Сей ѹбо падежъ винителный множественный кончащійся на ЦА неискѹснїи списателие измѣниша на ЦА, и тако сотвориша винителный падежъ единственнаго числа» [Полюцкий 1667, л. 146].

Равным образом, Юрий Крижанич не допускал форму **В. мн.** «тельца» в 50 псалме как омонимичную:

«Мѣрзко и блѹдно се чтѣтъ въ нїконых мїстех постављено **ЈА** или **А...** Возложат на олтаръ твоѹ тельца, пс. 50. Всѣ поправи сице: Возложет на олтарь твоѹ тельци или тельце» (ГИ, 12).

Установка на понятность языка позволяет включить в культурно-языковую «цепочку» и Псалтырь Фирсова, которая являлась реальной негативной репликой на официальную московскую книжную справу и тем самым функционально пересекалась с псалтырными текстами, исправленными Крижаничем. По мнению и Крижанича, и Фирсова, пониманию «словенского» (книжного «русского» языка) мешало влияние других языков, в первую очередь, греческого языка:

«Греки... вѣс состав и обличје нашего језика по обзорѹ на своѹ језик изо дна извратили и претворили» (ГИ, IV),

«... на всякій день читают ея (псалтырь) во цркви бжїи, но разѹма читаемагѹ в ней нам вѣдати невозможно... тогѹ ради, иже в нашей псалтири многѹ реченїи разныхъ языковѹ, нам ихъ невозможно разѹмѣти, но тїи токѹмѹ вѣдаютъ иже многимъ языкамъ искѹсни сѣтъ», поэтому “ради истинныя вѣдомости и увѣренїя неразѹмныхъ и простыхъ людей... в сей книгѣ псаломни истолкованы псалмы на наш простои словенскии языкѹ... безъ всякагѹ украшенїя, удобнѣшагѹ ради разѹма... здѣ нѣсть реченїи греческихъ, латинскихъ, сербскихъ, волоскихъ, болгарскихъ и еврейскихъ, но все наша славенская простая обыкшая рѣчь, удоборазѹмительная предложена безъ украшенїя» (ПсФ, 27–28).

Понятность книжного языка достигалась посредством устранения синтаксических грецизмов, в число которых входили конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. мн., полифункциональные причастные и инфинитивные конструкции, а также конструкции с одинарным отрицанием:

«Псалтырь» Крижанича 1666 г.	Псалтырь Фирсова 1683 г.
ОБ 1580 г.= Б 1663 г.: пс. 8:7 «всѣ покорѣлъ еси подъ нозѣго»	
«Всѣ јеси Ѹпокорѣл подъ јего нѡги»	«Все покорѣл еси подъ нозѣ егѡ»
ОБ 1580 г.= Б 1663 г.: пс. 77:11 «забыша бл҃годѣанїи ѣго ѡчюдѣсь ѣго, ѡхѣже ѡвн ѡмъ»	
«ЧѸдѣс: јаже ѡм јест јавѡл»	«Завылѣ бл҃годѣанїе егѡ, и днѣ- ныѣ чѸдеса егѡ которыѣ ѡмъ показал.»
ОБ 1580 г.= Б 1663 г.: пс. 2:4 «Живыи ѡнѣсехѣ посмѣтса ѡмъ»	
«Јже живѣт на небесех, ѡсмѣјет ѡм се»	«Но тоѡ ѡже живѣтъ в ѡбси, посмѣтса ѡмъ»
ОБ 1580 г.= Б 1663 г.: пс. 33:17 «лицѣ же гнѣ на творѣщаѣ злѡа, еже потребити ѡ землѣ ѡмѡтъ ѡхѣ»	
«Лицѣ пакъ гспѡдньѣ на тво- рѣщѣхъ злѡ, да потребѣит ѡт зем- льнѣ ѡмѡтъ ѡхѣ»	«Но лице гсднѣ на творѣщѣѣ злѡа, дабы ѡскореннѣ со землѣ ѡмѡтъ ѡхѣ»
ОБ 1580 г.= Б 1663 г.: пс. 22:1 «ничтѡ же ѡм ѡлшнтъ»	
«ничтѡ же ѡм не ѡлшнтъ»	«никакоѡѡѣ ѡм ѡдѡстѡтка не ѡюся»

Несмотря на различия во взглядах на церковнославянский язык, характерных для «греко-славянского» и «латино-славянского» пространств, московские книжники интересовались лингвистическими изысканиями Крижанича, о чем свидетельствуют списки его лингвистических трудов в авторитетных книжных собраниях. Так, например, список грамматического трактата хранился в библиотеке Никифора Симеонова, участвовавшего в никоновской и иоакимовской спорах, а список орфографического трактата был найден в библиотеке тверского архиепископа Феофилакта Лопатинского, принимавшего участие в петровской книжной споре. Однако принято считать, что «открытие» Крижанича состоялось только после публикаций его сочинений в XIX веке, в контексте панславизма. Приверженцы разных лингвистических концепций были едины в оценке Крижанича как «пророка и отца панславизма»: с одной стороны, создав грамматику «русского» языка Крижанич «разглядел в тумане отдаления выступающий образ России и великое призвание ее в среде славян» [Будилович, 1892], а с другой стороны, сопоставляя данные «русского» языка с данными других славянских языков, Крижанич «впервые применил сравнительный метод» [Бессонов, 1870]. Поиск панславистами своих исторических корней не позволил, к сожалению, адекватно понять сходства и различия лингвистической рефлексии конфессиональной и секулярной культуры. Некоторое разрешение данной проблемы возможно в рамках процесса культурно-языкового реплицирования, поскольку *потенциальной культурно-языковой репликой* на грамматику Крижанича, реализовавшейся в *секулярной* культуре, может рассматриваться грамматика Маяра, а *потенциальной культурно-языковой репликой* на «Псалтырь» Крижанича — Псалтырь В. А. Жуковского.

§2. Грамматики и книжная справа в секулярной культуре: культурно-языковые реплики во времени культуры

2.1. «Грама̀тично изказа̀нѣ объ рѣскомъ јези́къ» Юрия Крижанича 1666 г. < «Узајемни право̀с славјански то је: Uzajemna Slovnica ali mluvnica Slavjanska» Матии Маяра 1865 г.: *понятность языка*

Определенное *сходство* лингвистической рефлексии Крижанича и Маяра было мотивировано установкой на *понятность* «общего» литературного языка славян, которая достигалась посредством выбора грамматической семантики, общей для языков, в координатах которых реализовалась рефлексия. Близость теоретических установок поддерживалась некоторым пересечением и самого языкового материала, поскольку оба грамматиста «работали» с церковнославянским языком. Диагностической зоной, релевантной для выявления сходства лингвистической рефлексии Крижанича и Маяра, является «зона грамматических категорий и средств выражения».

Так, например, в книжном «русском» языке Крижанича и во «взаимнославянском» языке Маяра нормативной реализацией грамматической категории одушевленности // неодушевленности признавалась реализация только у имен мужского рода в грамматической позиции **В. ед.**: поскольку избранные кодификаторами славянские языки получали общее формальное выражение одушевленности // неодушевленности только у имен мужского рода в грамматической позиции **В. ед.**, расширение объема реализации данной категории за счет грамматических позиций **Р. ед.**, **Д.-П. ед.**, **И. мн.**, **В. мн.** у имен мужского рода и за счет грамматической позиции **В. мн.** у имен женского и среднего рода, а также реализация грамматической категории лица не допускались.

Грамматика Крижанича 1666 г.	Грамматика Маяра 1865 г.
«От љменъ знаменѣущихъ Дѣшатије љнати Живѣущије вѣщи, крозникъ љдет на љ. Хвалѣте господа. љ от знаменѣущихъ Недѣшатије вѣщи, крозникъ се творѣт љеднакъ љменникъ. кроз градъ» (ГИ, 7).	«Statna muška životna delaju v vseh narečjih pad. 4 jednotni jednak drugomu, neživotna jednak prvomu» (УП, 110).

Включенность в «грамматическую работу» Крижанича и Маяра церковнославянского и хорватского языков определила совпадение в реализации грамматической категории лица: в книжном «русском» языке и во «взаимославянском» языке категория лица охватывала весь состав форм, при этом маркерами выступали формы сослагательного наклонения, которые задавали дистанцию между книжным и некнижным «русским» языком и дистанцию между разными славянскими языками.

Грамматика Крижанича 1666 г.	Грамматика Маяра 1865 г.
<p>«Рѣсѣани вездѣ велѣтъ БИ, ктѣ, Ја енѣ Јмал, Тѣ енѣ Јмал, Онѣ енѣ Јмал, Мѣ енѣ Јмали, Вѣ енѣ Јмали, Онѣ енѣ Јмали.</p> <p>А Херватѣн въ пѣрвѣхъ особахъ непремѣнно велѣтъ БИХ и БИСМО, а въ остѣлнѣхъ изрѣкаѣтъ двоѣакѣ, Вѣ бистѣ Јмали, или Вѣ енѣ Јмалн, Онѣ енѣхъ Јмали или Онѣ енѣ Јмалн» (ГИ, 78).</p>	<p>старославянский язык: хвалилъ(н) быхъ, бы, бы, бы-хомъ, бистѣ, вышѣ / русский язык: хвалилъ(н) бы / сербский язык: хвалил(н) бих, би, би, бисмо, бисте, би / чешский язык: chvalil(i) bych, bys, by, bychom, byste, by / польский язык: chwalił(i) bym, bys, by, byśmy, byście, by → «взаимославянский» язык: хвалілі(i) біх, бі, бі, бісмо, бісте, бі.» (УП, 203–204).</p>

В «зоне средств выражения» сходство книжного «русского» языка и «взаимославянского» языка было обусловлено выбором общих стандартных формантов и отказом от общих нестандартных формантов. Так, у существительных мужского рода Крижанич и Маяр снимали флексии, восходившие к праславянскому склонению на *и:

Грамматика Крижанича 1666 г.	Грамматика Маяра 1865 г.
<p>Р. ед.: -А, -Ѕ → -А «Се творѣње на Ѕ, јест Лѣштина. Лѣхом во јест обвинен сѣ њзрок: Того часѣ... Реци: Того часа...» (ГИ, 7),</p>	<p>Р. ед.: старославянский язык: -А, -ОУ / русский язык: -А, -У / сербский язык: -А / чеш- ский язык: -А, -U / польский язык: -А, -U → «взаимносла- вянский» язык: -А,</p>
<p>Д. ед.: -Ѕ, -ОВИ / -ЄВИ → -Ѕ “Ов прѣгив ѡмѣет двѣ кончѣни, Једну на Ѕ, а другу на ОВИ по пѣрвом или на ЄВИ по втѣром взѣрѣ: кѣ Рѣвѣ, рѣвови... Алн Хервѣти николнж неѡживѣѡт тоје кончѣни на ВИ: и за кметскѣ ѡ почитѣѡт» (ГИ, 9, 10).</p>	<p>Д. ед.: старославянский язык: -ОУ, -ОВИ / русский язык: -У / сербский язык: -У / чеш- ский язык: -U, -ОВИ / поль- ский язык: -U, -ОВИ → «взаимнославянский» язык: -У,</p>
<p>П. ед.: -Ѣ / -И + -Ѕ → -Ѣ “Рѣсјани часѣто, а Хервѣти все- гда, творѣт придѣвник једнак протѣвникѣ: то јест, на Ѕ и ве- лѣт, при Братѣ, при Краљѣ. По- тому адда, что смо рѣкли, ов прѣ- гив вногѣлично се мѡжет изрѣц: При вратѣ...: при вратѣ» (ГИ, 9).</p>	<p>П. ед.: старославянский язык: -Ѣ, -ОУ / русский язык: -Ѣ, -У / сербский язык: -У / чеш- ский язык: -Е, -U, (-ОВИ) / польский язык: -IE, -U → «взаимнославянский» язык: -Ѣ,</p>
<p>И. мн.: -И, -ОВЕ / -ЄВЕ → -И «А по избѣткѣ, и по припрѣстом изрѣкѣ, двојескладни ѡменникѣ преминѣѡтсе на ОВЕ и на ЄВЕ ... Рѣвовѣ...» (ГИ, 10)</p>	<p>И. мн.: старославянский язык: -И, -ОВЕ / русский язык: -И, (А) / хорватский язык: -И / чешский язык: -I, -OVE, -Y / польский язык: -I, -OWIE, -Y → «взаимнославянский» язык: І. (УП, 96–97)</p>

Различие рефлексивных опытов Крижанича и Маяра определяла цель лингвистической рефлексии, которая проявилась в механизме лингвистической «работы»: если Крижанич *исправлял* реально функционировавший церковнославянский язык, понимаемый им как *традиционный «общий» славянский литургический и литературный язык*, призванный служить возвращению славян к единству по вере, то Маяр *создавал новый «общий» славянский литературный язык*, синтезируя церковнославянский язык и национальные славянские литературные языки для облегчения славянской коммуникации. Диагностической зоной, релевантной для выявления различий лингвистической рефлексии Крижанича и Маяра, является «зона локальных стандартных средств выражения»: если Крижанич, исправляя книжный «русский» язык, рекомендовал вместо «русской» формы хорватскую только при невозможности достичь «прозрачности» языка средствами самого «русского» языка, то Маяр, создавая «взаимославянский» язык, признавал функционально равными локальные стандартные форманты, что порождало определенную грамматическую синонимию.

Так, например, у существительных мужского рода в грамматической позиции **В. мн.** Крижанич рекомендовал в целях снятия омонимии флексию **-Ѣ** хорватского языка вместо «русской» флексии **-И**, тогда как Маяр принципиально кодифицировал во «взаимославянском» языке обе флексии:

Грамматика Крижанича 1666 г.	Грамматика Маяра 1865 г.
<p>В. мн.: - И (или -Ѣ)</p> <p>«Сѣь прегнѣ по Хервѣтскѣу изхѣдит на Ѣ.... Ј сице љипо се разлѣчает крознѣк от Јменѣика... негодѣтсе писателѣѣ сѣдѣнт Хервѣтского окончѣнѣа бѣдѣщ оно далеко отминно от Руского доброго но ѣживѣт јест Руского обичного окончѣнѣа ако неѣдет сѣзно»</p> <p>(ГИ, II, 147)</p>	<p>В. мн.: -И, -Е</p> <p>церковнославянский язык: -И / русский язык: -И, -ОВЪ / хорватский язык: -Е / чешский язык: -У / польский язык: -У, ÓW → «взаимославянский» язык: И, -Е</p> <p>(УП, 88)</p>

2.2. «Псалтырь» Юрия Крижанича 1666 г. < Псалтырь В. А. Жуковского 40-е гг. XIX в., богослужебные книги XX в.: *понятность языка*.

Книжная справа, осуществлявшаяся в рамках конфессиональной и секулярной культуры, также может быть рассмотрена как последовательность *культурно-языковых реплик*: культурно-языковую «цепочку» представляли опыты книжной справа, осуществленные в XVII веке Крижаничем, а в XX веке справщиками Сергиевской комиссии в рамках церковнославянского языка, а также опыт книжной справа, явленный в XIX веке Жуковским в рамках нового русского литературного языка.

Сходство лингвистической рефлексии, выразившейся в библейских и богослужебных текстах конфессиональной и секулярной культуры, было мотивировано установкой на *понятность языка*, которая в первую очередь реализовалась посредством снятия грецизации. В диагностической синтаксической зоне конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. мн. заменялись на конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. ед., инфинитивные конструкции с обстоятельственными значениями — на глагольно-личные конструкции, конструкции с одинарным отрицанием — на конструкции с двойным отрицанием. Вне данной зоны оказывались причастные конструкции, которые в рамках нового русского литературного языка имели амбивалентное употребление, ориентированное на традицию, т. е. на церковнославянский язык, или на новации, т. е. на современные западноевропейские языки.

церковнославянский язык		русский язык
«Псалтырь» Ю.Крижанича 1666 г.	Цветная Триодь Сергиевской комиссии 1913 г.	Псалтырь, Новый Завет В. А. Жуковского 1844–1846 гг.
(конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. мн.) → конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. ед.		
пс. 8:7 «Всѣ Јеси ѡпокрѣи под Јего ноги»		«Все под ноги его покорил Ты»

(конструкция «еже+инфинитив») → глагольно-личные конструкции		
пс. 33:17 «Лѣце пакъ господнѣ на творещиѹ зло, да потрѣвѣт от земли паметъ ѡиѹ»	«азъ бо ... ѡзлю дѡха, да возсіаетъ желающымъ бѡго-дѡтъ ѡзобильнѡю» (нед. Пят., вс., утр., К., п. 1 ин., тр. 1)	пс. 8:3 «Из уст младенцев и грудь сосущих хвалу совершил Ты, врагов Твоих ради, да сокрушится противник и мститель»
(конструкции с одинарным отрицанием) → конструкции с двойным отрицанием		
пс. 22:1 «ничто же ме не ѡишитъ»		Мф. 6:24 «Никто не может двум господам рабывать»

Кодификаторы XX века воспринимали императивные тексты прошлого и современные тексты как своеобразные *культурно-языковые рифмы*, а своих предшественников, демонстрировавших сходную лингвистическую рефлексия, наделяли прототипическими функциями. Так, П. П. Мироносицкий в речи, произнесенной в 1921 г. на акте Петроградского Богословского института, подводя определенные итоги дискуссии о языке богослужбных книг, считал основной причиной непонятности языка его грецизацию, ссылаясь при этом на утверждение Юрия Крижанича: «В подавляющем большинстве случаев неясности текста наших богослужбных книг зависят от того, что текст этот является переводным, а не оригинальным, причем благоговение переводчиков перед греческим оригиналом доходило до таких крайних пределов, что перевод их является беспримерным в истории мировой литературы образцом рабского следования за оригиналом. На эту черту обратил внимание еще Юрий Крижанич. Считая греков уставщиками и законодателями славянского перевода, он выразительно говорит: «Греки нашѹ весидѹ на своје копѣто навѣли: се јест, вес состав и обличје нашего језика (по обзорѹ на своѹ језик) изо дна извратили и претворили: тако да ни он јест Грѣцскѣ, ни он Рѹскѣ језик» [Мироносицкий 2000, 314].

* * *

Рассмотрение опытов лингвистической рефлексии как *культурно-языковых реплик*, т. е. как определенных смысловых позиций, позволяет адекватно оценить роль той или иной культурно-языковой личности в общем процессе развития книжно-языковой культуры. Так, например, исследование лингвистической рефлексии как составляющей процесса культурно-языкового реплицирования показало, что лингвистическая рефлексия Юрия Крижанича способствовала «встрече» разных вариантов конфессиональной культуры — «греко-славянского» и «латино-славянского», а также разных типов культуры — конфессионального и секулярного: *корректирующая* лингвистическая рефлексия Крижанича и Смотрицкого была противопоставлена *креативной* рефлексии Маяра, тогда как *семантический* характер объединял рефлексию Крижанича и Маяра и противопоставлял ее *формальной* рефлексии Смотрицкого. В данном контексте Крижанича вряд ли можно назвать лишь «даровитым неудачником и даже мучеником своих благородных увлечений» [Ягич, 1910, 33], а его лингвистические сочинения «недоразумением», ибо «такого рода недоразумения суть едва ли не обязательное условие разумения при встрече различных культур, если бы не было взгляда извне, которому все видится иначе, чем взгляду изнутри, не было бы и встречи» [Аверинцев, 1996, 52].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное типологическое исследование славянской лингвистической рефлексии позволило прийти к следующим результатам:

1. Предложена типологическая модель лингвистической рефлексии в структуре типологической модели словесной культуры: тип императивных текстов (авторитетные тексты // авторские тексты) > тип книжно-языковой деятельности (репродуцирование // продуцирование) > тип литературного языка (язык с доминирующей функцией // полифункциональный язык) > тип освоения языка (мнемонический // операциональный) > тип рефлексии над языком (*структурный тип: формальный тип* – идея *правильности* языка / *семантический тип* – идея *понятности* языка, *функциональный тип: дивергентный тип* – идея «своего» языка / *конвергентный тип* – идея «общего» языка, *телеологический тип: корректирующий тип* – идея «исправления» языка / *креативный тип* – идея «создания» языка).

2. Установлены языковые зоны, репрезентирующие разные типы структурной рефлексии. Так, *формальная рефлексия*, актуализирующая идею *правильности* языка, является рефлексией над *средствами выражения*, т.е. решается проблема *формальной избыточности* и *недостаточности* языка. *Семантическая рефлексия*, актуализирующая идею *понятности* языка, предстает как рефлексия над *грамматическими категориями* и *средствами выражения*, т.е. доминирует проблема *формально-семантической избыточности* и *недостаточности* языка, которая может дополняться проблемой *формальной избыточности* и *недостаточности* языка. Поскольку бытие во времени и пространстве определяет необходимость литературно-языковых контактов, рефлексия может осложняться решением проблемы *трансляции* / *элиминации* культурно доминирующего языка.

3. Осуществлено исследование представлений об «общем» славянском литературном языке как разных типов лингвистической рефлексии, явленных в конфессиональной и секулярной культуре. Рефлексия над «общим» славянским литературным языком в конфессиональной и секулярной культуре являлась знаком тех исторических эпох, содержанием которых был *духовный* или *этнический универсализм*, основанный на памяти о едином культурно-языковом прошлом славян. Так, в XVII веке доминантой культурно-языкового пространства *Slavia Orthodoxa* стала концепция *греко-славянского православного универсализма*, которая задавала установку на поддержание *правильности* церковнославянского языка как «общего» *литургического и литературного языка православных славян*, т. е. рефлексия носила *формальный, конвергентный, корректирующий* характер. В культурно-языковом пространстве *Slavia Latina* доминировала концепция *христианского универсализма*, которая мотивировала установку на «исправление» церковнославянского языка в целях достижения его *правильности* и *понятности* как «общего» *славянского литургического и литературного языка*: поскольку церковнославянский продолжал быть единственным литургическим и литературным языком в «греко-славянском» мире и маргинальным литургическим и литературным языком в «латино-славянском» мире, он мог стать инструментом возвращения славян к единству по вере, т. е. рефлексия носила *формально-семантический, конвергентный, корректирующий* характер. В XIX веке концепция *этнического универсализма* обусловила необходимость создания *нового «общего» понятного славянского литературного языка* для облегчения славянской коммуникации, т.е. имела место *семантическая, конвергентная, креативная рефлексия*.

4. Установлено, что разные типы лингвистической рефлексии, явленные в конфессиональной и секулярной культуре, получали воплощение в разных языковых параметрах, зафиксированных метатекстами и правленными текстами. Так, в XVII – нач. XVIII века грамматика Мелетия Смотрицкого и ее московские редакции, а также книжная справа демонстрировали *формальную* рефлексия над церковнославянским языком, которая реализовалась в «*зоне средств выражения*»: *правильность* «славянского» языка достигалась

посредством дифференциации грамматических синонимов и снятия грамматических омонимов. Грамматика Юрия Крижанича и проведенная им «справа» псалмов представляли *формально-семантическую* рефлексию над церковнославянским языком, которая воплощалась в «*зоне грамматических категорий и средств выражения*»: *понятность* и *правильность* «русского» языка достигались посредством выбора грамматической семантики, общей для «русского» и хорватского языков, а также посредством выбора «русских» форм, снимавших грамматическую синонимию и омонимию. Хорватские элементы допускались Крижаничем только при условии невозможности достижения «прозрачности» языка средствами самого «русского» языка. Различие лингвистических установок, характерных для «греко-славянского» и «латино-славянского» пространств, определяло отношение к культурно доминирующему греческому языку: *правильность* «славянского» языка требовала трансляции авторитетного греческого языка, тогда как *правильность* и *понятность* «русского» языка предполагали его элиминацию. В XIX веке грамматика Матии Маяра представляла направленную на создание нового «общего» славянского литературного языка *семантическую* рефлексию, которая реализовалась в «*зоне грамматических категорий и средств выражения*»: *понятность* «взаимнославянского» языка достигалась посредством выбора грамматической семантики и средств выражения, общих для церковнославянского (старославянского) языка и национальных славянских литературных языков – русского, сербохорватского, чешского и польского языков. «Русский» язык Крижанича и «взаимнославянский» язык Маяра демонстрировали разные механизмы «порождения» и структурно-функциональный статус «общего» славянского литературного языка. «Русский» язык Крижанича явился результатом *исправления* церковнославянского языка (русского извода), т.е. представлял собой вариант *традиционного «общего» славянского литературного языка*, а отнюдь не искусственно созданный новый «общий» славянский литературный язык. «Взаимнославянский» язык Маяра, наоборот, был *создан как новый «общий» литературный язык* славян в результате синтеза разных славянских литературных языков.

5. Рассмотрена динамика лингвистической рефлексии в рамках процесса культурно-языкового реплицирования, т.е. процесса активного реагирования культурно-языковых личностей на рефлексивные опыты друг друга. В зависимости от исторических условий, позволяющих или не позволяющих «встретиться» разным лингвистическим воззрениям во времени и пространстве, можно говорить о *реальном и потенциальном реплицировании*. Лингвистический рефлексивный опыт, представленный как культурно-языковая реплика, требует исследования в диалогизованном контексте, задающем ретроспективу и перспективу мыслей о языке: мотивирующий рефлексивный опыт < данный рефлексивный опыт < мотивированный рефлексивный опыт. Подобную «цепочку» культурно-языкового реплицирования составили грамматические сочинения Смотрицкого, Крижанича и Маяра, что позволило выявить историческую связь рефлексии над традиционным и новым «общим» славянским литературным языком: «Грамматіки Славѣнскиа правилое Ёвнтагма» Мелетия Смотрицкого 1619 г. < (реальная реплика) «Грамматично изказанје об рѣском језикѣ» Юрия Крижанича 1666 г. < (потенциальная реплика) «Узајемни правопіс славјанскі, то је Uzajemna Slovnica ali Mluvnica Slavjanska» Матии Маяра 1865 г.

Исследование показало, что явленная в разных хронологических и локальных пространствах рефлексия над «общим» славянским литературным языком не была периферийным прорывом в прошлое, не нашедшим резонанса в своем времени, а наоборот, являлась репрезентантом тех духовных эпох, когда «человеческий мир сближается не только в перспективе будущего, но и с точки зрения ретроспективного культурно-исторического анализа» [Сепир 1993, 143].

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИСТОЧНИКИ

1. Тексты

1.1. Печатные источники

1.1.1. Конфессиональные источники

Библия 1663 – Библия. Москва. 1663.

Библия 1988 – Острожская Библия. 1581. Переиздано: М.-Л., 1988.

Біблія 1990–1991 – Біблія: Факс. ўзнаўленне Бібліі, выд. Ф. Скарынаю у 1517–1519 гг. У 3 т. Минск. 1990-1991.

Новый Завет 2002 – Evangelienübersetzung des Jepifanij Slavynec'kuj, Moskau, 1673 / Facsimile Ausgabe. Besorgt und eingeleitet von Olga. B. Strakhov. 2002.

Псалтырь 1989 – Псалтырь 1683 г. в переводе Авраамия Фирсова. Подготовка текста Е. А. Целуновой. München, 1989.

Псалтырь 1994 – *Прозоров Ю. М.* Из рукописного наследия В. А. Жуковского: переводы фрагментов Священного Писания // Христианство и русская литература. СПб., 1994. С. 128–156.

1.1.2. Светские источники

История 1962 – *Татищев В. Н.* История Российская. М.-Л., 1962. Т. I.

1.2. Рукописные источники

1.2.1. Конфессиональные источники

Алкоран 1716 – Алкоран о Магометъ. РГАДА, ф. 381, № 1034.

Библия 1713–1720 – Библия 1713–1720. ГИМ, Барсов, 8.

1.2.2. Светские источники

Аполлодор 1725 – Аполлодора граматика афинейскаго библиотеки или о богах. РГАДА, ф. 381, № 1015.

География 1716 – География генеральная Бернарда Варения. РГАДА, ф. 381, № 1008.

История – История императора Петра Великого. РГАДА, ф. 9, оп. 1, № 1.

2. Метатексты

Крижанич 1859 – Граматично исказанје об рѣском језику, по па Јурка Крижанница // Изд. О. М. Бодянский. М., 1859; Abdruck der Erstausgabe besorgt von G. Freidhof. Frankfurt am Main, 1976.

Крижанич 1891 – (Крижанич Ю.) Овјаснѣње вѣводно о писмѣ Словѣнском // Собрание сочинений, 1891. Т. I.

Маяр 1865 – *Majar M.* Узајемни правопис славјански то је Uzajemna Slovnica ali mluvnica Slavjanska. Praha. 1865.

Смотрицкий 1619 – *Мелетін Смотрицкий.* Грамматіки Славенския правилное Сунтагма. Евю, 1619. Переиздано: Киев, 1979.

Смотрицкий 1648 – Грамматика. 1648.

Смотрицкий 1721 – Грамматика. 1721.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев 1996** — *Аверинцев С. С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996.
- Алексеев 1982** — *Алексеев А. А.* Эволюция языковой теории и языковой практики Тредиаковского // Литературный язык XVIII века. Проблемы стилистики. Л., 1982. С. 86–129.
- Алексеев 1999** — *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. М., 1999.
- Алпатов 1998** — *Алпатов В. М.* История лингвистических учений. М., 1998.
- Альберти 1937** — *Альберти Л.-Б.* Десять книг о зодчестве. М., 1937.
- Анічэнка 1966** — *Анічэнка У. В.* Моуныя асаблівасці выдання Ф. Скарыны і рукапісных спісаў В. Жугаева // Весці АН БССР. Сер. грамэд. навук. 1966. № 1.
- Андреев 1951** — *Андреев А. И.* Переписка В. Н. Татищева за 1746–1750 гг. М., 1951.
- Античные теории 1996** — Античные теории языка и стиля. СПб., 1996.
- Аполлодор 1725** — Аполлодора грамматика афинейскаго библиотеки или о богах / Пер. с греч. А. К. Барсова. М., 1725.
- Бабаева 2000** — Федор Поликарпов. *Тэхнологія*. Искусство грамматики / Издание и исследование Е. Бабаевой. Спб., 2000.
- Бахтин 1986** — *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986.
- Бахтин 1993** — *Бахтин М. М.* Бахтин под маской. (*Волошинов В. Н.* Марксизм и философия языка). М., 1993.
- Белоброва 1998** — *Белоброва О. А.* Посников Петр Васильевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. СПб., 1998. С. 266–268.
- Белокуров 1901** — *Белокуров С. А.* Юрий Крижанич в России (по новым документам). М., 1901.

- Бессонов 1870** — *Бессонов П. А.* Католический священник серб (хорват) Юрий Крижанич, ревнитель воссоединения церквей и всего славянства в XVII в. // Православное обозрение, 1870, № 1–2.
- Бобрик 1988** — *Бобрик М. А.* Книжная справа первой половины XVIII века и проблемы нормализации русского литературного языка. Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1988.
- Будилович 1892** — *Будилович А.* Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы. Варшава. 1892. Т. 2.
- Булич 1904** — *Булич С. К.* Очерк истории языкознания в России (XIII в. — 1825 г.). СПб., 1904.
- Винокур 1959** — *Винокур Г. О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
- Владимиров 1888** — *Владимиров П. В.* Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1888.
- Возняк 1911** — *Возняк М.* Грамматика Л. Зизания. — Записки научного товариства ім Т. Г. Шевченка, 1911. Т. 101, Т. 111.
- Воскресенский 1882** — *Воскресенский С. А.* Сравнительное достоинство исправления церковногослужебных книг при первых пяти патриархах и при патриархе Никоне. Рязань, 1882.
- Гаспаров 1996** — *Гаспаров Б. М.* Язык, память, образ. М., 1996.
- Гольдберг 1960** — *Гольдберг А. Л.* Сочинения Ю. Крижанича и их источники // Вестник истории мировой культуры. 1960, № 6. С. 117–130.
- Гуковская 1940** — *Гуковская З. В.* Из истории лингвистических воззрений эпохи Возрождения. Л., 1940.
- Гумилев 1995** — *Гумилев Л. Н.* Историко-философские труды князя Н. С. Трубецкого (заметки последнего евразийца) // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995.
- Данилевский 1871** — *Данилевский.* Россия и Европа. М. 1871.
- Демидова 1950** — *Демидова Н. Ф.* Инструкция В. Н. Татищева о порядке преподавания в школах при уральских заводах // Исторический архив М.-Л., 1950. Т. V.
- Дуличенко 1995** — *Дуличенко А. Д.* Международные искусственные языки: объект лингвистики и интерлингвистики // Вопросы языкознания. 1995. № 5. С. 39–55.

- Дуличенко 2000** — Дуличенко А. Д. Крижанич и Караджич: в поисках метаязыковых решений // *Kallbotyra*. 2000, № 49. С. 25–35.
- Дурново 2000** — Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000.
- Евсеев 1916** — Евсеев И. Е. Очерки по истории славянского перевода Библии. Пг., 1916.
- Живов 1986** — Живов В. М. Славянские грамматические сочинения как лингвистический источник.: О книге D. S. Worth. *The Origins of Russian Grammar. Notes on the Russian Philology before the Advent of Printed Grammars* (=UCLA Slavic Studies. Vol. 5) Columbus, 1983, 176p. — *Russian Linguistics*, 1986, №10. С. 73–113.
- Живов 1993** — Живов В. М. Гуманистическая традиция в развитии грамматического подхода к славянским литературным языкам в XVI–XVII вв. // *Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов*. Братислава, сентябрь 1993 г. Доклады российской делегации. М., 1993. С. 106–121.
- Живов 1996** — Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
- Жуковский 1869** — Жуковский В. А. Собр. соч. Спб., 1869. VI.
- Жуковский 1878** — Жуковский В. А. Собр. соч. Спб., 1878. VI.
- Запольская 1988** — Запольская Н. Н. П. В. Постников — выпускник Славяно-греко-латинской академии (Некоторые материалы для биографии) // *Cyrrilomethodianum. Thessaloniki*, 1988, № XII. С. 75–92.
- Запольская 1993** — Запольская Н. Н. Структурно-функциональный статус гибридных вариантов славянских литературных языков // К XI Международному съезду славистов в Братиславе. Доклады по проблемам языкознания. М., 1993. С. 41–62.
- Запольская 1993а** — Запольская Н. Н. Забытое имя: Петр Постников: из истории русской культуры конца XVII — начала XVIII в. (соавтор Страхова О. Б.) // *Palaeoslavica*. 1993, № 1. С. 111–148.
- Запольская 1996** — Запольская Н. Н. «Общеславянский» литературный язык: модели Ю. Крижанича (XVII в.) и М. Маяра (XIX в.) // *Славяноведение*. М., 1996, № 1. С. 83–94.
- Запольская 1998** — Запольская Н. Н. Модели «общеславянского» литературного языка XVII–XIX вв. // *Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов: Доклады российской делегации / Отд-ние лит. и яз. РАН*. М., 1998. С. 267–295.

- Запольская 1999** — *Запольская Н.Н.* Грамматика общеславянского литературного языка XVII века: к проблеме интерлингвальной гибридности // *Plurilinguismo letterario in Ucraina, Polonia e Russia tra XVI e XVIII secolo.* Roma, 1999. С. 143–151.
- Запольская 1999а** — *Запольская Н.Н.* «Простой» язык Библии Ф. Скорины и Псалтыри А. Фирсова: реконструкция механизма грамматического подobia // *Эволюция грамматической мысли славян XIV–XVIII в. М., 1999.* С. 109–130.
- Запольская 1999б** — *Запольская Н.Н.* «История Российская» В. Н. Татищева: грамматическая дистанция между «древним наречием» и «новым наречием» // *Эволюция грамматической мысли славян XIV–XVIII в. М., 1999.* 131–139.
- Запольская 2000** — *Запольская Н.Н.* Книжная справа в Московской Руси XVII в. // *Вестник Российского гуманитарного научного фонда.* М., 2000, № 3. С. 162–167.
- Запольская 2000а** — *Запольская Н.Н.* Книжная справа XVII века: проблема культурно-языкового реплицирования // *Международная конференция «Языки в Великом княжестве Литовском и странах современной Центральной и Восточной Европы: миграция слов, выражений, идей»* (Будапешт, 5–7 апреля 2000 г.). Доклады. Budapest, 2000. P. 305–314.
- Запольская 2000б** — *Запольская Н.Н.* К проблеме языковой рефлексии XVIII века // *Славянский альманах 2000.* М., 2001. С. 439–452.
- Запольская 2001** — *Запольская Н.Н.* Проблема трансляции // элиминации культурно доминирующего литературного языка // *Языковая система и ее развитие во времени и пространстве. Сборник научных статей к 80-летию профессора Клавдии Васильевны Горшковой.* М., 2001. С. 59–79.
- Запольская 2002** — *Запольская Н.Н.* Грамматика и теология: проблема библейского антропонимического пространства // *Славяноведение.* М., 2001, № 1. С. 27–30.
- Запольская 2002а** — *Запольская Н.Н.* Восточные славяне в XVII–XVIII веках: этническое развитие и культурное взаимодействие // *Славяноведение.* М., 2002, № 2.
- Запольская 2002б** — *Запольская Н.Н.* «Общеславянский» язык как лингвистическая утопия // *Утопия и утопическое в славянском мире.* М., 2002. С. 21–34.

- Запольская 2002в** — *Запольская Н. Н.* Культурно-языковой статус личности и текста в Петровскую эпоху (опыт прогнозирующего анализа) // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. М., 2002. С. 422–447.
- Захарьин 1995** — *Захарьин Д. Б.* Европейские научные методы в традиции старинных русских грамматик (XV — сер. XVIII вв.) // Specimina philologiae slavicae, Supplementband 40. München. 1985.
- Исаченко 1999** — *Исаченко Т. А.* Перевод и толкование в школе Чудова монастыря // Traduzione e rielaborazione nelle letterature di Polonia Ucraina e Russia XVI–XVII secolo. 1999. С. 267–278.
- Кантемир 1722** — *Кантемир Д.* Система или состояние мухамеданской религии / пер. с лат. И. Ильинского. СПб., 1722.
- Карский 1896** — *Карский Е. Ф.* Западнорусские переводы Псалтыри в 15–17 веках. Варшава. 1896.
- Карский 1903** — *Карский Е. Ф.* Белорусы. Варшава, 1903. Т. 1.
- Карташев 1959** — *Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви. Париж, 1959. Т. 1.
- Карташев 1991** — *Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви. М., 1991. Т. 2.
- Ковтун 1989** — *Ковтун Л. С.* Азбуковники XVI–XVII вв., Л., 1989.
- Копреева 1979** — *Копреева Т. Н.* Франциск Скорина и русская рукописная традиция 15 в. // Белорусский просветитель Франциск Скорина и начало книгопечатания в Белоруссии и Литве. М., 1979. С. 61–70.
- Кравецкий, Плетнева 2001** — *Кравецкий А. Г., Плетнева А. А.* История церковнославянского языка в России (конец XIX–XX в.). М., 2001.
- Крижанич 1997** — *Крижанич Ю.* Политика. М., 1997.
- Крумлинг 1994** — *Крумлинг А.* Первые русские переводы Корана, выполненные при Петре Великом // Архив русской истории. 1994. С. 227–239.
- Кузьминова, Ремнева 2000** — Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Предисл. Е. А. Кузьминовой, М. Л. Ремневой. М., 2000.
- Ламанский 1864** — *Ламанский В.* Сербия и южнославянские провинции Австрии. СПб. 1864.

- Ломоносов 1952** — *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1952, Т. 7. Труды по филологии.
- Ломтев 1945** — *Ломтев Т. П.* Скорина как основатель белорусского литературного языка // Беларусь. 1945. № 3.
- Маркевич 1876** — *Маркевич А.* Юрий Крижанич и его литературная деятельность. Варшава, 1876.
- Мельников 2002** — *Мельников Г. П.* Специфика утопизма Яна Амоса Коменского // Утопия и утопическое в славянском мире. М., 2002.
- Материалы 1894** — Материалы по истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. СПб., 1894. Т. IX, Ч. I.
- Мечковская 1984** — *Мечковская Н. Б.* Ранние восточно-славянские грамматики. Минск, 1984.
- Мечковская 2001** — *Мечковская Н. Б.* Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. М., 2001.
- Мироносицкий 2000** — *Мироносицкий П. П.* О богослужбном языке // Публ. А. Г. Кравецкого. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2000.
- Мыльников 1990** — *Мыльников А. С.* Библия на чешском языке // Франциск Скорина и его время (Энциклопедический справочник). Минск. 1990.
- Николаевский 1890—1891** — *Николаевский П. Ф.* Московский печатный двор при патриархе Никоне. Христианское чтение. 1890—1891.
- Никольский 1896** — *Никольский К.* Материалы для исправления богослужбных книг: Об исправлении Устава церковного в 1682 г. и месячных миней в 1689—1691 гг. СПб., 1896.
- Никольский 1999** — *Никольский Б. М.* «О восьми частях слова»: проблема источников // Эволюция грамматической мысли славян XIV—XVIII вв. М., 1999. С. 9—33.
- Обижаева 1999** — *Обижаева М. Г.* Механизмы теоретической защиты литературного языка в грамматических сочинениях Юрия Крижанича и Пьетро Бембо // Эволюция грамматической мысли славян XIV—XVIII вв. М., 1999. С. 52—58.
- Обнорский, Бархударов 1948** — *Обнорский С. П., Бархударов С. Г.* Хрестоматия по истории русского языка. М., 1948. Ч. 2. Вып. 2.

- Пекарский 1862** — *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1–2.
- Первольф 1874** — *Первольф И.* Славянская взаимность с древнейших времен до XVIII в. СПб., 1874.
- Пиккио 1995** — *Пиккио Р.* Церковнославянский язык // Вестник Московского Университета. Сер. 9. Филология. 1995. № 6. С. 135–170.
- Полоцкий 1667** — *Полоцкий Симеон.* Жезл Правления. М., 1667.
- Прение 1859** — Прение литовского протопопа Лаврентия Зизания с игуменом Ильєю и справщиком Григорием по поводу исправления составленного Лаврентием Катехизиса. Летописи русской литературы и древности. М., 1859.
- Прозоров 1994** — *Прозоров Ю. М.* Из рукописного наследия В. А. Жуковского: переводы фрагментов Священного Писания // Христианство и русская литература. СПб., 1994. С. 128–156.
- Прозоровский 1896** — *Прозоровский А.* Сильвестр Медведев, его жизнь и деятельность. М., 1896.
- Селищев 1941** — *Селищев А. М.* Славянское языкознание. Западнославянские языки. М., 1941. Т. 1.
- Сепир 1993** — *Сепир Э.* Язык. Введение в изучение речи // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Синьорини 1999** — *Синьорини С.* Русский перевод произведения *Iconsigli della Sapienza ovvero la raccolta della massime di Salomone* начала XVIII века: проблемы и решения // Traduzione e rielaborazione nelle letterature di Polonia Ucraina e Russia XVI–XVII secolo. 1999. С. 323–347.
- Сиромаха 1981** — *Сиромаха В. Г.* «Книжная справа» и вопросы нормализации книжно-литературного языка Московской Руси во второй половине 17 в. (на материале имен существительных). Автореф. дис... канд. филол. наук М., 1981.
- Сиромаха, Успенский 1987** — *Сиромаха В. Г., Успенский Б. А.* Кавычные книги 50-х годов XVII в. // Археографический ежегодник за 1986 г. М., 1987. С. 75–84.
- Соболевский 1888** — *Соболевский А. И.* «Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык». Рецензия на книгу Владимирова П. В. // ЖМНП. 1888. Октябрь, 321–332.

- Соболевский 1980** — *Соболевский А. И.* История русского литературного языка. Л., 1980.
- Стоглав 1863** — Стоглав. СПб., 1863.
- Страхова 2002** — *Evangelienübersetzung des Jepifanij Slavynec'kyj*, Moskau, 1673 / Facsimile -Ausgabe. Besorgt und eingeleitet von Olga. B. Strakhov. 2002.
- Татищев 1962** — *Татищев В. Н.* История Российская. М.-Л., 1962. Т. I.
- Титов 1918** — *Титов Ф. И.* Типография Киево-Печерской Лавры. Киев, 1916 (на титульном листе), 1918 (на обложке). Т. 1. Приложения к первому тому. Киев, 1918.
- Толстой 1998** — *Толстой Н. И.* Избранные труды. Славянская литературно-языковая ситуация. М., 1998. II.
- Топоров 1995** — *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995, Т. 1.
- Тредиаковский 1730** — *Тредиаковский В. К.* Езда в остров любви // *Тальман П.* Езда в остров любви / Пер с франц. на русской. Через студента В. Тредиаковского. СПб., 1730.
- Тредиаковский 1748** — *Тредиаковский В. К.* Разговор между чужестранным человеком и российскими об орфографии старинной и новой и о всем что принадлежит к сей материи. СПб., 1748.
- Три челобитные 1862** — Три челобитные: справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря. СПб., 1862.
- Трубецкой 1995** — *Трубецкой Н. С.* История. Культура. Язык. М., 1995.
- Успенский 1985** — *Успенский Б. А.* Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX. М., 1985.
- Успенский 2000** — *Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI—XVII вв.). М., 2002.
- Флоровский 1940–1946** — *Флоровский А. В.* Чешская Библия в истории русской культуры и письменности (Франциск Скорина и продолжатели его дела) // *Sbornik filologicky. Praha. 1940–1946. Sv. 12.*
- Флоровский 1983** — *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Париж, 1937; Перепеч. Париж, 1983.
- Целунова 1985** — *Целунова Е. А.* Псалтырь 1683 г. в переводе Авраамия Фирсова (филологическое исследование памятника). Автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 1985.

- Чуркина 2002** — *Чуркина И. В.* Всеславянская модель Матии Маяра Зильского // Славянский альманах. 2002. С. 106–119.
- Шмурло 1894** — *Шмурло Е. П.* В. Постников. Несколько данных для его биографии. Юрьев. 1894.
- Штур 1867** — *Штур Л.* Славянство и мир будущего. М., 1867.
- Экман 1963** — *Экман Т.* Грамматический и лексический состав языка Ю. Крижанича. Dutch Contributions to the V International Congress of Slavists. Sofia, 1963. С. 43–77.
- Ягич 1896** — *Ягич И. В.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. СПб., 1896.
- Ягич 1910** — *Ягич И. В.* История славянской филологии. (Энциклопедия славянской филологии, 1). СПб., 1910.
- Якобсон 1987** — *Якобсон Р.* Работы по поэтике. М., 1987.
- Badalić 1958** — *Badalić J. Juraj Križanić — pjesnik Ilirije. Radovi Slavenskog Instituta.* Zagreb. 1958.
- Biblij 1506** — *Biblij Česka w Benátkach tisst'ena.* 1506.
- Dell'agata 1993** — *Dell'agata G.* Ideologia politica e comparazione linguistica nella classificazione delle lingue slave di Juraj Križanic // Ricerche Slavistiche. XXXIX–XL/1. 1992–1993. P. 365–384.
- Dell'agata 1999** — *Dell'agata G.* Le lingue di Križanic. Plurilinguismo letterario in Ucraina, Polonia e Russia tra XVI e XVIII secolo. Roma. 1999.
- Gebauer 1958–1963** — *Gebauer J.* Historická mluvnice jazyka českého. Praha. 1958–1963. D. 1, 3;
- Golub 1986** — *Golub I.* Slavenska koiné Jurja Križanića. Slovo. 1986, sv. 36.
- Heaney 1971** — *Heaney M.* — Križanic's Grammar: the Theory of Граматично исказанје and the Practice of Politika. Oxford Slavonic Papers. Vol. 4, 1971. P. 105–136.
- Horbatsch 1964** — *Horbatsch O.* Die vier Ausgaben der kirchenslavischen Grammatik von M. Smotryckij. Wiesbaden, 1964.
- Keipert 1999** — *Keipert H.* Grammatik und Theologie // Zeitschrift für Slavische Philologie. B. 58. H. 1. 1999. S. 19–42.

- Klemensiewicz 1981** — *Klemensiewicz Z.* Historia języka polskiego. Warszawa. 1981.
- Kociuba 1975** — *Kociuba O.* The Grammatical Sources of Meletij Smotryč'kyj Church Slavonic Grammar of 1619.: Diss. Phil. — Columbia University, 1975.
- Martel 1938** — *Martel A.* La langue polonaise dans les pays ruthenes Ukraine et Russie Blanche 1569–1667. Lille. 1938.
- Schütrumpf 1978** — *Schütrumpf M.* Das Gramatično izkazanje ob ruskom jeziku von Juraj Križanić. Aufbau und Vergleich mit Smotryč'kyjs ksl. Grammatik. Frankfurt am Main, 1978.
- Stankiewicz 1984** — *Stankiewicz E.* Grammars and Dictionaries of the Slavic Languages from the Middle Ages up to 1850. An Annotated Bibliography. — Btrlin, New York, Amsterdam, 1984.
- Staročeska Bible 1988** — Staročeska Bible Drážďanská a Olomouská / Vydal V. Kyas. Praha. 1988.
- Štefanić 1960** — *Štefanić V.* Glagoljski rukopisi otoka Krka. Zagreb, 1960.